66.61(4)
Л 55

Библиотека
ПО НАУЧНОМУ СОЦИАЛИЗМУ

К. ЛИБКНЕХТ

МИЛИТАРИЗМ И АНТИМИЛИТАРИЗМ

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1960

БИБЛИОТЕЧКА ПО НАУЧНОМУ СОЦИАЛИЗМУ

КАРЛ ЛИБКНЕХТ

МИЛИТАРИЗМ И АНТИМИЛИТАРИЗМ

в связи с рассмотрением интернационального движения рабочей молодежи

Партийная
Инв. № 12232

Библиотека
Горкома КП С
Инв № 3027
г. Томск-7

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1960

Редакционная коллегия
«Библиотечки по научному социализму»:
А. В. РОМАНОВ, А. М. РУМЯНЦЕВ,
И. В. ТРОПКИН, П. Н. ФЕДОСЕЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор этой книги Карл Либкнехт (1871—1919) — бесстрашный вождь немецкого рабочего класса, крупный деятель международного рабочего движения. «Карл Либкнехт — это имя известно рабочим всех стран,— писал о нем В. И. Ленин.— Повсюду... это имя есть символ преданности вождя интересам пролетариата, верности социалистической революции. Это имя есть символ действительно искренней, действительно готовой на жертвы, беспощадной борьбы с капитализмом» *.

Первые же годы политической деятельности К. Либкнехта совпали с наступлением империалистической эпохи, эпохи усиления реакции как во внутренней, так и во внешней политике. С переходом капитализма в стадию империализма обострилась борьба и в международном рабочем движении. Ревизионизм — попытка «пересмотреть» марксизм под предлогом его якобы несоответствия новым условиям — стал «одним из главных, если не самым главным, проявлением буржуазного влияния на пролетариат и буржуазного развращения пролетариев» **. К. Либкнехт вместе с Розой Люксембург возглавил революционное течение в германской социал-демократической партии. «Левые» были единственной силой, выступившей в защиту марксизма, в поддержку нараставшего в стране массового движения, достигшего большого размаха в связи с революцией 1905 г. в России.

---

* *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 28, стр. 410—411.
** *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 20, стр. 298.

зывает всю книгу Либкнехта. С какой поразительной злободневностью звучат и сегодня его замечания о том, что увеличение военного бремени, этого «винта без конца», «уже само по себе угрожает международному миру и создает угрозу войны» (стр. 96).

Вторая часть книги — «Антимилитаризм» — рассматривает задачи рабочего класса и его партии в борьбе против милитаризма.

В. И. Ленин не раз отмечал «шатания» и разноголосицу в среде западных социалистов «в спорах об антимилитаристской тактике» *. И в этом вопросе, как и во многих других, марксистская теория в начале XX в. развивалась в борьбе с двумя крайностями: с оппортунистическими тенденциями, с одной стороны, и анархистским фразерством, с другой. К. Либкнехт своей книгой внес существенный вклад в борьбу революционной социал-демократии как против оппортунистов, так и анархистов. Он мастерски и убедительно доказывает, что порочность анархистской антимилитаристской тактики предопределяется идеалистическими принципами анархизма, которому чуждо понимание «органически-капиталистического характера милитаризма».

Отвергая анархизм с его фантастической военной стачкой, К. Либкнехт подвергает критике и «влиятельных руководителей социал-демократии», по вине которых партия все «еще находится в известной степени в периоде детства антимилитаристической пропаганды» (стр. 178). Пассивности и ревизионизму социал-демократического руководства К. Либкнехт противопоставляет четкое изложение боевых задач рабочего класса в борьбе против милитаризма. Либкнехту чужд сентиментальный пацифизм с его осуждением милитаризма на словах и бездействием на деле. Красной нитью через всю книгу проходит мысль о необходимости вооружения пролетариата для борьбы с милитаризмом — серьезнейшим препятствием на пути «будущей пролетарской революции». Основные положения автора сводятся к тому, что позиция пролетариата по отношению ко всякой войне определяется характером этой войны, что война, развязанная капиталистами, может превратиться в революционную войну пролетариата

---

* *В. И. Ленин.* Соч., 4 изд., т. 15, стр. 169.

против буржуазии и что борьба вооруженного пролетариата против своей буржуазии ускорит окончание войны.

Все это показывает, что К. Либкнехт был очень близок к пониманию возможности и необходимости превращения империалистической войны в гражданскую. Книга К. Либкнехта открывала революционные перспективы перед германским рабочим движением. Через все главы либкнехтовской работы проходит положение о необходимости специальной антимилитаристской и антикапиталистической пропаганды среди молодежи для того, чтобы молодые пролетарии уяснили себе, что освободиться от гнета военщины можно лишь участвуя в общепролетарской борьбе.

Появление в свет книги Либкнехта «Милитаризм и антимилитаризм» было значительным событием в жизни германской социал-демократической партии. Во-первых, в книге разоблачался антинародный, агрессивный характер милитаризма и вскрывались действительные причины гонки вооружений и роста военной опасности, заключавшиеся в стремлении монополий к наживе, в развитии и обострении империалистических и особенно англо-германских противоречий. Книга представляла собой обличительный памфлет против прусско-германского милитаризма, «этой худшей формы капиталистического милитаризма», ставшего, как подчеркивал неоднократно автор, «не только государством в государстве, а прямо-таки государством над государством» (стр. 36).

Во-вторых, в книге сформулированы задачи левого, революционного крыла германской социал-демократии в начале XX в. В то время как оппортунисты предали забвению борьбу за диктатуру пролетариата и все более откровенно отрицали классовую борьбу, Либкнехт старался возможно конкретнее ставить вопросы социалистической революции. Армия интересует его как орудие классового насилия буржуазии над пролетариатом, как препятствие на пути революции. Именно поэтому он отстаивает антимилитаристское воспитание молодежи, чтобы в момент революции не только суметь нейтрализовать армию, но и завоевать ее на сторону пролетарской революции: «За кем молодежь, за тем и армия»,— такими словами закончил Карл Либкнехт свою книгу.

Работа Либкнехта, освещая с позиций марксизма антимилитаристскую тактику социал-демократии, является,

Особенно большое внимание К. Либкнехт уделял борьбе против милитаризма, видя в нем не только попрание гуманности и культуры, но и главное препятствие в борьбе трудящихся масс за свое социальное и политическое освобождение. Тесно связанный с юных лет с рабочей молодежью, К. Либкнехт поставил своей задачей борьбу за ее интернациональное, антимилитаристское воспитание, чтобы предотвратить возможность ее использования правящими кругами против рабочего класса и широких трудящихся масс.

Либкнехт принимал самое активное участие в организации только что зарождавшегося в Германии молодежного социалистического движения. С первых же шагов создания самостоятельных социалистических и антимилитаристских союзов он стал учителем и другом германской рабочей молодежи. Свое участие в революционной борьбе К. Либкнехт сочетал с изучением теории научного социализма. Его книга «Милитаризм и антимилитаризм в связи с рассмотрением интернационального движения рабочей молодежи» является переработанным докладом, прочитанным 30 сентября 1906 г. на первой всегерманской конференции организаций молодежи в Мангейме. Само название книги показывает, что молодежь К. Либкнехт рассматривал как могучую силу в борьбе против милитаризма.

Труд К. Либкнехта охватывает ряд важнейших вопросов теории научного социализма. В нем освещаются стратегия и тактика рабочего класса в борьбе с милитаризмом, а также всемирно-историческая роль пролетариата как борца против империалистических войн. Либкнехт дает в этой работе конкретный классовый анализ современного ему капиталистического общества и характеризует капитализм как реакционную, разрушительную, враждебную человечеству силу. Большое значение имеет вывод о том, что «окончательно освободить» человечество от бедствий милитаризма «может только очистительное пламя социализма» (стр. 70 *).

Процесс возникновения и развития милитаризма рассматривается К. Либкнехтом с позиций исторического материализма. Милитаризм именно при капитализме,

---

* Здесь и далее ссылки даются на страницы настоящего издания.— *Ред.*

особенно на его последней стадии, достигает своего наибольшего и угрожающего человечеству развития: «...милитаризм,— подчеркивает К. Либкнехт,— стал той осью, вокруг которой все больше вращается наша социальная, политическая и экономическая жизнь» (стр. 71). В обеих своих функциях — и как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних конфликтах, и как оружие, служащее буржуазии для подавления выступлений пролетариата,— милитаризм является «жизненной необходимостью для капитализма».

Этой второй функции милитаризма уделено в книге К. Либкнехта большее внимание. Почти вся первая часть книги — «Милитаризм» — посвящена разоблачению роли армии в капиталистическом государстве как орудия классового насилия. Рассматривая вопросы милитаризма в тесной связи с задачами классовой борьбы пролетариата, К. Либкнехт подводит читателя к выводу о том, что «ликвидация или возможное ослабление милитаризма является жизненным вопросом политической освободительной борьбы» (стр. 98).

Но не меньшую угрозу таит в себе и внешняя функция милитаризма. К. Либкнехт, говоря о войнах конца XIX и начала XX в., правильно отмечает, что они являются следствием капиталистического развития и международной конкуренции и ведутся господствующими классами в своих собственных корыстных интересах, но именно рабочий класс вынужден расплачиваться за них неслыханнейшими кровавыми и материальными жертвами.

Много места отводится в книге раскрытию методов воздействия милитаризма на население и разоблачению националистической и шовинистической пропаганды, оправдывающей гонку вооружений и подготовку к империалистической войне. Либкнехт показывает, что правящие круги во имя своих классовых целей создают стройную систему, при помощи которой вся общественная и частная жизнь народа пропитывается милитаристским духом, и этим целям служит не только широкая сеть милитаристских учреждений, но и церковь, школа, пресса и искусство. Он смело и остро разоблачает подлинных виновников шовинизма и военного ажиотажа — всех этих Круппов, Штуммов и более мелких королей пушек и стали и многочисленнейшую свиту их прихлебателей. Пафос боевого антимилитаризма прони-

наконец, серьезным вкладом в борьбу революционных немецких левых против ревизионизма. Не случайно поэтому оппортунистические лидеры германской социал-демократии стремились создать заговор молчания вокруг книги Либкнехта.

Несмотря на отдельные частные недостатки *, работа Либкнехта «Милитаризм и антимилитаризм» продолжает сохранять свое значение и в наши дни. Она служила и служит великой цели — мобилизации рабочего класса и молодежи на борьбу против милитаризма, этого смертельного врага трудящихся. Данные о жертвах двух мировых войн, развязанных империалистами, как нельзя более убедительно говорят о политической актуальности книги К. Либкнехта, предостерегавшего рабочий класс о масштабах тех бедствий, которые принесет человечеству «кроваво-красный закат» капитализма:

	Первая мировая война	Вторая мировая война
Государства, объявившие состояние войны	33	61
Мобилизовано в армии *(млн. чел.)*	74	110
Убито *(млн. чел.)*	10	32
Искалечено	20	35
Прямые военные расходы *(млрд. долларов)*	208	935

Среди погибших во время второй мировой войны около 10 миллионов замучено и истреблено гитлеровцами в лагерях смерти. Книга К. Либкнехта является суровым обвинением агрессивных империалистических сил и в наши дни.

Правительство кайзеровской Германии сразу же после выхода в свет книги Либкнехта прибегло к репрессиям против автора. В ходе лейпцигского судебного процесса в октябре 1907 г. К. Либкнехту было предъявлено обвинение в государственной измене, и он был осужден на полтора года тюремного заключения, а его книга еще до процесса — объявлена вне закона и конфискована, как «опасная» для государства. Но основной тираж был уже распродан, а запрет книги и обвинение, предъявленное Либкнехту, лишь привлекли внимание широких кругов

* См. о них подробнее в примечаниях к тексту.— *Ред.*

германской общественности к вопросам борьбы с милитаризмом.

Весь дальнейший жизненный путь Карла Либкнехта — путь борьбы против буржуазной реакции, за счастье трудящихся, за светлое будущее молодежи — путь, преисполненный верности идеям, изложенным в его первой большой работе. К. Либкнехт не устает бороться против все более усиливающегося оппортунизма в германской социал-демократии, поставившего под свой контроль развитие молодежного движения в стране. В 1913 г. имя К. Либкнехта становится всемирно известным в связи с его процессом против Круппа, олицетворявшего германский милитаризм. К. Либкнехт разоблачил связи Круппа с иностранными державами, в том числе и с Францией, к войне с которой готовилась кайзеровская Германия, и назвал военные монополии во главе с пушечным королем Круппом «поджигателями войны». 2 декабря 1914 г. в рейхстаге он бросает «Нет!» империалистической бойне; для всех гибнущих и страждущих на полях мировой войны, для всех голодающих в тылу его имя становится символом пролетарского интернационализма, символом протеста против империалистической войны, этого величайшего преступления перед человечеством. Вслед за В. И. Лениным К. Либкнехт выдвигает лозунг: «Враг в собственной стране!» и мужественно борется за превращение империалистической войны в войну гражданскую. В дни ноябрьской революции 1918 г. К. Либкнехт — во главе революционных масс, стремившихся к ликвидации власти агрессивного империализма. Он восторженно приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию и явился одним из основателей Коммунистической партии Германии.

К. Либкнехт был ненавистен германским оппортунистам еще в первые годы своей деятельности. В революционные январские дни 1919 г. клика правых социалистов Эберта и Шейдемана организовала злодейское убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Но заветы К. Либкнехта живы. Их выполняют сегодня трудящиеся Германской Демократической Республики под руководством СЕПГ. В Западной Германии Коммунистическая партия, загнанная в подполье, самоотверженно борется за предотвращение новой, еще большей, чем когда-либо, национальной катастрофы. Карл Либкнехт

дорог всем прогрессивным людям своей непримиримой ненавистью к милитаризму, к реакции, своей неиссякаемой верой в силы рабочего класса. Сегодня, как и более 50 лет тому назад, монополистический капитал угрожает жизни всего человечества, жизни молодежи. Сегодня, как и тогда, звучит горячий призыв Либкнехта бороться за сохранение мира между народами.

М. Острецова

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Несколько недель тому назад иностранные газеты сообщили о разговоре между Бисмарком и профессором д-ром Отто Кеммелем в октябре 1892 г., в котором «герой века», со свойственным ему цинизмом, сам сорвал с себя маску конституционализма. Бисмарк высказал, между прочим, следующее:

«В Риме существовало aqua et igni interdictus (отлучение от воды и огня) человека, поставившего себя вне закона, а в средние века его называли изгоем. Следует так же поступать и с социал-демократией, лишая ее политических прав и избирательного права. Так я и поступал. *Вопрос о социал-демократии является военным вопросом.* В настоящее время к социал-демократии относятся слишком легкомысленно. Социал-демократия стремится ныне — и не без успеха — к тому, чтобы привлечь на свою сторону унтер-офицеров. В Гамбурге уже теперь значительная часть войск состоит из социал-демократов, так как его жители пользуются правом идти на службу только в батальоны, расположенные в этой местности. Что же будет, если эти войска откажутся стрелять в своих отцов и братьев, как того требовал кайзер? [1] Не придется ли нам тогда двинуть против Гамбурга ганноверские и мекленбургские полки? Тогда там получится нечто вроде Парижской Коммуны. Кайзер был запуган. Он сказал мне, что не желает, чтобы его называли «картечным принцем» [2], как его деда, и не хочет *в самом начале* своего царствования *«шлепать по щиколотку в крови»*. Я за-

метил тогда на это: *«Ваше Величество, Вам придется еще глубже завязнуть в ней,* если Вы теперь уступите».

«Вопрос о социал-демократии является военным вопросом». В этих словах заключается вся проблема; они характеризуют ее шире и глубже, чем вызванный отчаянием крик Массова: «Единственным утешением, которое остается нам, являются штыки и пушки наших солдат!». *«Вопрос о социал-демократии является военным вопросом».* Таков уже издавна основной тон всех мелодий подстрекателей. Кого еще не убедили в этом прежние болтливые заявления Бисмарка и Путткамера [3], александрийская речь [4], газета «Гамбургер нахрихтен» и чистокровный юнкер Ольденбург-Янушау, у того должны открыться глаза после разоблачений Гогенлоэ и Дельбрюка [5], подтвержденных в конце прошлого года членом земельного суда Кулеманом, и, наконец, после этих кратких и выразительных слов Бисмарка.

«Вопрос о социал-демократии, поскольку он является политическим, в конечном счете есть вопрос военный». Эти слова должны постоянно стоять и перед глазами социал-демократии, как огненное «мене-текел» [6], и служить для нее *тактическим принципом первостепенной важности.*

Внутренний враг (т. е. социал-демократия) является «более опасным, чем внешний, так как он отравляет душу нашего народа и вырывает из наших рук оружие еще до того, как мы подымаем его». Так провозглашала «Кройццейтунг» 21 января 1907 г. приоритет классовых интересов над интересами национальными в ходе предвыборной борьбы, которая велась как раз «под развевающимся знаменем национализма», и эта предвыборная борьба проходила в обстановке постоянно усиливавшейся угрозы избирательному праву и праву на создание коалиций, под угрозой «Бонапартовской шпаги» [7], которой князь Бюлов в своем рождественском письме [8] размахивал над головами социал-демократов, чтобы запугать их; она проходила в обстановке доведенной до точки кипения классовой борьбы *. Только слепой и смиренный, как го-

---

* Вечером первого дня выборов (5 февраля 1907 г.) войска берлинского гарнизона получили боевые патроны и были приведены в боевую готовность. Известно, что 25 июня 1903 г. при тогдашних выборах в Шпандау саперы были уже на Шенвальдштрассе, чтобы «урезонить» возбужденных исходом выборов рабочих.

лубь, может отрицать то, что эти и многие другие признаки предвещают бурю и даже ураган.

Тем самым актуальнейшее значение приобрела проблема борьбы с «внутренним милитаризмом».

Маскарадные выборы 1907 г.[9] проходили, однако, также под прикрытием национальной фразы, разглагольствований о колониях, о шовинизме и об империализме. И они показали, сколь постыдно ничтожной, несмотря на все, является сила сопротивления немецкого народа по отношению к лжепатриотическим крысьим приманкам этих презренных дельцов-патриотов. Они показали, какую грандиозную демагогию о «патриотизме» могут развернуть правительство, господствующие классы и вся подвывающая им свора, если дело касается их «самых священных благ». Для пролетариата эти выборы явились крайне поучительными. Они дали ему возможность познать самого себя, изучить социальное и политическое соотношение сил; они явились средством воспитания и освобождения от злосчастной «привычки к победе», средством, углубившим пролетарское движение и способствовавшим пониманию психологии масс в их отношении к национальным явлениям. Конечно, причины нашей так называемой неудачи, которая в действительности не являлась поражением и которой были более смущены победители, чем побежденные, весьма разнообразны; но нет сомнения, что именно милитаристически переболевшие или зараженные им части пролетариата, которые, конечно, в обстановке правительственного террора оказались наиболее беззащитными, как, например, рабочие государственных предприятий и низшие слои чиновников, и явились особенно прочной преградой на пути распространения социал-демократии.

Это также со всей настойчивостью выдвигает перед немецким рабочим движением на первый план вопрос об антимилитаризме, вопрос о молодежном движении, о воспитании молодежи и вызывает необходимость обратить на них большее внимание.

Настоящее сочинение представляет собою переработку доклада, прочитанного автором 30 сентября 1906 г. на Мангеймской конференции молодежных организаций Германии. Оно не претендует на то, чтобы дать что-либо существенно новое; оно должно служить скорее обобщением ставших, на мой взгляд, уже общеизвестными материалов.

Оно не претендует также на исчерпывающую полноту. Автор по мере своих сил стремился к тому, чтобы собрать разбросанный, большею частью в газетах и журналах, материал из всех главных стран и дать, по крайней мере, общий обзор антимилитаристического и молодежного движения важнейших стран, что удалось прежде всего благодаря помощи бельгийского товарища *де Мана*[10].

Если в работе порою могут встретиться ошибки, то они объясняются трудностью обработать огромный материал, а также частой ненадежностью источников, которые нередко и сами полны противоречий.

Именно в наши дни в области милитаризма многое находится в состоянии быстрого развития, вследствие чего события, например, наверняка опередят изложенное в данной работе существо французской и английской военных реформ.

Однако в еще большей мере это можно сказать об антимилитаризме и о пролетарском молодежном движении, об этих новейших явлениях освободительной борьбы пролетариата, находящихся в состоянии быстрого развития и, несмотря на некоторые неудачи, отрадного подъема. Так, уже после напечатания этого сочинения стало известно, что финские социалистические союзы молодежи провели 9 и 10 декабря 1906 г. в Таммерфорсе свой первый съезд, где был учрежден Союз молодых рабочих Финляндии, который примкнет к финской рабочей партии. Наряду с воспитанием в молодых рабочих классового сознания этот союз ставит перед собой в качестве особой задачи борьбу против милитаризма во всех его проявлениях.

Автора можно было бы упрекнуть в недостаточном теоретическом обосновании работы и прежде всего в ее чрезмерной краткости и в не совсем глубоком историческом анализе. В ответ на это я укажу на политическую актуальность нашего сочинения, на его цель содействовать развитию антимилитаристических мыслей.

Некоторые, быть может, будут недовольны нагромождением многочисленных, часто с первого взгляда незначительных подробностей, в особенности из истории молодежного движения и антимилитаризма. Возможно, это недовольство является справедливым. Но автор придерживается при этом той точки зрения, что живое пред-

ставление о вопросе и желаемая польза могут быть получены только из этих подробностей, показывающих подъем и спад организационного развития, постепенное возникновение и изменение тактических принципов, так как именно при антимилитаристической агитации и ее организации главнейшие затруднения лежат в области деталей.

Берлин, 11 февраля 1907 г.

Д-р *Карл Либкнехт*

Партийная
Инв. № 17232

Библиотека
Горкома КПСС
Инв № 34927
г. Томск-7

I ЧАСТЬ
МИЛИТАРИЗМ

I глава
ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

О СУЩНОСТИ И ЗНАЧЕНИИ МИЛИТАРИЗМА

Милитаризм! Не много лозунгов так часто употребляется в наше время, и едва ли какой-либо другой из них обозначает нечто столь запутанное, многообразное и многостороннее, явление столь интересное и значительное по своему происхождению и сущности, своим средствам и способам воздействия, явление, которое столь глубоко укоренилось в классовом строе общества и которое, однако, и внутри одного и того же общественного строя в соответствии с естественными, политическими, социальными и экономическими условиями отдельных государств и областей может принимать чрезвычайно разнообразные формы.

История милитаризма, если затронуть ее наиболее глубоко, вскрывает собою самую внутреннюю сущность истории развития человечества, ее пружины, а раздел ее, посвященный капиталистическому милитаризму, обнаруживает сокровеннейшие и тончайшие корни капитализма. История милитаризма является вместе с тем историей политических, социальных, экономических и вообще культурных столкновений между государствами и народами, а также и историей классовой борьбы внутри отдельных государственных и национальных объединений.

Естественно, здесь не может быть и речи о том, чтобы отважиться даже на попытку дать такую историю. Все же следует наметить несколько общих точек зрения.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДСТВА И ИХ ОСНОВА

Главной опорой всяких отношений общественного господства является в конечном счете перевес *физической силы*, которая, в качестве общественного явления, выступает не в форме большей телесной силы отдельных лиц, так как в среднем по силе один человек является одинаковым с другим. Решающим является скорее чисто численное отношение большинства. Это численное отношение определяется не одним только количеством лиц, обладающих противоречивыми интересами, скорее оно обусловливается главным образом степенью духовного и нравственного развития отдельных классов, интенсивностью и экстенсивностью их классового сознания. Ведь не каждый человек сознает свои действительные интересы, в особенности свои основные интересы, так как прежде всего не всякий признает интересы своего класса своими собственными индивидуальными интересами. Этот духовный и нравственный уровень, в свою очередь, определяется экономическим положением отдельных заинтересованных групп (классов), причем социальное и политическое положение является скорее следствием, имеющим, конечно, и значительную силу обратного действия, чем выражением отношений господства.

Чисто экономическое преобладание также *непосредственно* способствует запутанности и осложнению численного соотношения, так как экономический гнет не только влияет на умственный и нравственный уровень и тем самым на понимание классового интереса, но и противодействует более или менее правильно понимаемому классовому интересу. Точно так же и политический механизм того класса, в руках которого он находится, дает ему дальнейшие средства «исправлять» это численное соотношение в сторону, более благоприятную господствующей заинтересованной группе. Это мы знаем на примере четырех всем нам хорошо знакомых учреждений: полиции, суда, школы и, что здесь также следует учесть, церкви — учреждений, которые политическая машина создает в качестве машины законодательной и которыми она пользуется в качестве машины исполнительной и административной. Первые две действуют, главным образом, посредством угрозы, устранения и силы; школа законопачивает по возможности все каналы, через которые

классовое сознание может просочиться в умы и сердца молодежи, а церковь действует самым успешным образом посредством наложения шор, возбуждения томления по иллюзорному небесному блаженству и страха перед адскими пытками.

Но и достигнутое таким образом численное отношение не является решающим в области отношений господства. Вооруженный человек умножает свою физическую силу благодаря оружию. Степень увеличения этой силы зависит от развития военной техники, включая сюда фортификацию и стратегию, которые в основном развились на почве этой военной техники. Умственный и экономический перевес одной заинтересованной группы над другой определяется вооружением или лучшим вооружением господствующего класса, и тем самым создается возможность полного господства сознающего свои классовые интересы меньшинства над менее совершенно вооруженным, хотя и сознательным в классовом отношении большинством.

Но если самое разделение на классы зависит от экономического положения, то политическое соотношение классовых сил лишь в первую очередь определяется экономическим положением отдельных групп, а затем уже — количеством их умственных, нравственных и физических средств, которые опять-таки, благодаря экономическому положению, играют на руку господствующим классам. Все эти средства не могут повлиять на состав классов, так как этот состав создается независимой от них ситуацией, которая с естественной необходимостью подчиняет и держит в экономической зависимости одни классы, представляющие собою большинство, от других, представляющих собою меньшинство. При этом не всегда имеется возможность изменить это положение классовой борьбой или другими политическими средствами борьбы *.

Классовая борьба таким образом может быть только борьбою за развитие классового сознания, включая сюда революционную готовность товарищей по классу к выступлениям и готовность к жертвам в интересах своего

---

* «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» (Маркс).

класса, борьбою за завоевание тех средств, которые важны для созидания или для подавления классового сознания, а также тех физических и духовных орудий борьбы, обладание которыми означает увеличение физической мощи.

Из всего этого видно, какую важную роль играет военная техника в общественной борьбе. От нее зависит, сможет ли меньшинство господствовать над большинством, *против воли* последнего, хотя бы в течение короткого времени, при помощи военных действий или «концентрированнейшего политического действия», если уже не существует или отпала экономическая необходимость этого. Не только разделение на классы, но и развитие отношений господства фактически повсюду тесно связано с развитием военной техники. Пока по существу всякий, даже поставленный в наихудшие условия, может раздобыть для себя одинаковое, в основном, оружие, обычной политической формой общества является принцип большинства, демократия. Это имеет значение и для экономического деления на классы, поскольку только оно будет согласовываться с указанной предпосылкой. Естественный процесс развития состоит, конечно, в том, что классовое деление, являющееся следствием технико-экономического развития, идет параллельно созданию военной техники (включая фортификацию и стратегию), и благодаря этому снабжение оружием становится все более и более специальной профессией; классовое же господство, как правило, определяется экономическим превосходством одного класса над другим и улучшением военной техники, приводящей к растущим затруднениям и дороговизне в производстве вооружения, вследствие чего оно постепенно становится монополией экономически господствующего класса, и поэтому последнему удается устранить физические основы для демократии. Тогда можно сказать: будь владеющим, и ты будешь прав! Но и при потере экономического превосходства класс, имеющий в своем распоряжении политические средства господства, может, по крайней мере на некоторый период времени, сохранить свое *политическое* господство.

Здесь нет нужды более подробно доказывать, что не только форма отношений политического господства, но и формы всякой классовой борьбы во многом зависят от военной техники.

Теперь, однако, уже недостаточно, чтобы все граждане были вооружены одинаково и носили при себе свое оружие, пытаясь подобным способом надолго упрочить господство демократии, так как одно только одинаковое *распределение* оружия не исключает, как показали недавние события в Швейцарии, возможности устранения от власти большинства более организованным и боеспособным меньшинством. Равномерное вооружение всего населения только тогда может быть прочным и неотъемлемым, когда самое производство оружия станет общим достоянием.

Демократизирующая роль, которую может сыграть военная техника, весьма остроумно обрисована Бульвером в одном малоизвестном его произведении, замечательной утопии «The coming race» (будущая раса, общество будущего). В этом произведении он предполагает столь высокое развитие техники, что каждый отдельный гражданин окажется в состоянии с помощью небольшой палочки, заряженной таинственной, сходной с электричеством силой, в любой момент произвести самые разрушительные действия. И действительно, мы можем рассчитывать на то, что техника, хотя, быть может, в отдаленном будущем, настолько усилит власть человека над самыми мощными силами природы, что применение смертоносной техники окажется вообще невозможным.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ИСТОРИИ МИЛИТАРИЗМА

На низших ступенях культуры, когда еще не существует разделения на классы, *оружие* служит, как правило, одновременно и орудием труда. Оно является средством для добывания пищи (для охоты, выкапывания корней и т. д.), вместе с тем оно применяется для защиты против диких животных, для обороны от враждебных племен и для нападения на них. Оно является настолько примитивным, что каждый легко может во всякое время добыть его сам для себя (камни и палки, копья с каменными наконечниками, луки и т. д.). То же можно сказать и о *военном строе*. В первобытном обществе, помимо самого начального различия между занятиями мужчин и женщин, не существует еще разделения труда, о котором стоило бы говорить, и все члены общества, по крайней мере внутри мужской или женской

группы, выполняют приблизительно одинаковую общественную функцию, так что не существует еще каких-либо заслуживающих упоминания экономических или политических отношений господства. Поэтому и оружие не может являться внутри общества опорой для таких отношений господства. Но оно не могло бы явиться такой опорой даже и в том случае, если бы эти отношения господства и существовали. При примитивном характере военной техники отношения господства возможны только на основе принципов *демократии*.

Если на этой низшей ступени развития культуры оружие может служить внутри группы в лучшем случае для разрешения индивидуальных конфликтов, то положение меняется с наступлением разделения на классы и с усовершенствованием военной техники. Первобытный коммунизм низших земледельческих народов с господствующей у них системой матриархата не знает еще социальных, а следовательно, и политических отношений классового господства. Милитаризма вообще еще не возникает; внешние осложнения, конечно, заставляют быть готовым к войне и создают порою даже военные деспотии, которые у народов, занимающихся скотоводством, вследствие их военного положения и установившегося уже разделения на классы представляются весьма частым явлением. Вспомним о греческом и римском военном деле, где в соответствии с разделением на классы существовала чисто воинская иерархия, расчленявшаяся в зависимости от классового положения каждого отдельного лица, зависевшего, в свою очередь, от качества его вооружения. Вспомним далее о феодальном рыцарском войске с его толпой оруженосцев, состоявшей большею частью из значительно хуже вооруженных пехотинцев, которые, по сообщению Патрика Лярока, скорее играли роль помощников сражающихся, чем самих сражающихся. Вообще допущение в те времена низших классов к военной службе объясняется не столько ничтожной степенью общей безопасности, которую государство могло обеспечить для охраняемых им интересов отдельных лиц и которая делала в известном смысле необходимым личное вооружение всех, сколько необходимостью вооружить по возможности большую часть народа в целях нападения на внешнего врага государства или народа или в целях защиты от него. Различие в вооружении отдельных общест-

венных классов постоянно обеспечивало возможность использования военной техники для поддержания или установления отношений господства. Римские войны рабов бросают особенно яркий свет на эту сторону вопроса.

Не малый свет на наш вопрос проливают также крестьянская война в Германии [11] и войны между немецкими городами. В числе непосредственных причин, вызвавших неблагоприятный исход крестьянской войны в Германии, в первую очередь следует отметить военно-техническое превосходство церковно-феодальных войск. Однако войны городов в XIV в. против тех же самых войск велись успешно. Причиной этого было не только то, что у этих войск военная техника, и особенно огнестрельное оружие в отличие от оружия во времена войны 1525 г., была более отсталой, но прежде всего вследствие значительной экономической мощи городов, которые, являясь обособленными социальными сферами интересов, тесно сплачивали всех лиц, принадлежащих к этой сфере, при этом без всякой сколько-нибудь значительной примеси элементов с другими интересами. Эти городские круги, благодаря особенностям строения городов, уже заранее занимали столь же выгодную тактическую позицию, как и феодальные властители, как церковь и император в своих замках и крепостях (фортификация также является военно-техническим элементом); в их руках, наконец, сосредоточивалось производство вооружения, так как их граждане являлись искусными ремесленниками в различных технических производствах, так что рыцарское войско должно было окончательно спасовать перед ними.

В качестве вывода из рассмотрения крестьянских и городских войн можно установить весьма важную роль, которую играли в местно-разрозненной и пространственно-смешанной жизни различные классы общества. Совпадение делений на классы с территориальными делениями означает облегчение классовой борьбы не только вследствие создавшихся ввиду этого благоприятных условий для развития классового сознания, но и в силу чисто технических причин, облегчавших военную связь между членами одного и того же класса, а также ввиду существующей организации производства вооружения и снабжения им. Эта благоприятная локальная классовая

концентрация помогла почти всем буржуазным революциям, а при пролетарских она почти отсутствует.

И среди наемных войск, сохранившихся до нашего времени, мы наблюдаем так же, как и при вооружении, прямое превращение экономической мощи в физическую, происходящее по рецепту Мефистофеля[12]: «Если я смогу заплатить за шесть жеребцов, то разве сила их не станет моею? Я смогу стать настоящим человеком и выезжать, как будто я обладал бы двадцатью четырьмя ногами», причем соблюдалось и следующее правило: «divide et impera!» («разделяй и властвуй!»). Оба эти принципа применялись и к так называемым отборным войскам. С другой стороны, итальянские кондотьеры[13], подобно преторианцам[14] былого времени, наглядно показывают, какое политическое могущество следует приписать обладанию оружием, воинским упражнениям и стратегическому искусству. Наемник смело посягал на княжеские короны, играл ими, как мячом, и стал естественным блюстителем высшей государственной власти. Это явление обычно наблюдается во время общего возбуждения и военных тревог, когда военная власть находится в боевой готовности в руках отдельного владыки; оно повторилось и в наши времена: достаточно вспомнить Наполеона и его генералов, а также Буланже!

История немецких «освободительных войн»[15] является важным показателем того, какое влияние оказывает международное политическое положение на военное дело и на милитаризм вообще. После того, как в ходе неудачно закончившихся коалиционных войн 1806 г.[16] против французской революции феодально-сословное войско Фридриха Великого было стерто в порошок буржуазными армиями Франции, беспомощные немецкие правительства стояли перед альтернативой: либо на длительное время сдаться на гнев или милость корсиканскому завоевателю[17], либо его разбить его же собственным оружием, т. е. с помощью буржуазной армии, созданной на основе всеобщего вооружения. Инстинкт самосохранения и стихийное возбуждение народа толкнули их на второй путь. Начался великий период демократизации Германии, в особенности Пруссии, вызванный давлением извне, смягчивший на время напряженное политическое, социальное и экономическое состояние внутри. Правительство нуждалось в деньгах и армии, воодушевленной борьбой за свободу.

Ценность человека, как такового, возросла. Общественное значение человека, как творца и возможного плательщика налогов, естественное свойство его, как носителя физической силы, носителя разумности, вместе со способностью к воодушевлению, приобрели решающее значение и увеличили его ценность, как это бывает всегда во времена всеобщей опасности; влияние же классовых различий упало: «прусский народ», говоря жаргоном «Военного Еженедельника», «научился подавлять все внутренние распри во время долголетнего чужеземного господства». Как часто финансовые и военные вопросы играли революционизирующую роль. Некоторые затруднения социального, экономического и политического характера были устранены. Промышленность и торговля, значение которых в финансовом отношении стояло на первом плане, получили поддержку, насколько это позволял мелочно-бюрократический дух прусской Германии. Были даже введены или по крайней мере обещаны политические свободы. Народ восстал, буря разразилась, армии Шарнгорста и Гнейзенау, составленные на основе всеобщего народного ополчения, прогнали в великой освободительной войне «исконного врага» за Рейн и привели к постыдному концу потрясателя мира, подкопавшегося под Францию великой революции, хотя эти армии далеко не являлись таким демократическим учреждением, каким их хотели создать Шарнгорст и Гнейзенау. После того как мавр, т. е. немецкий народ, сделал таким образом свое дело, он получил заслуженную благодарность «от дома Габсбургов» [18]. На основе карлсбадских постановлений [19], последовавших вслед за битвой народов под Лейпцигом [20], явившихся одним из важнейших актов клятвопреступнической и достойной проклятия деятельности Меттерниха и изданных после того, как давление извне было устранено, а реакционному отребью внутри страны предоставили полную свободу, были уничтожены демократические армии эпохи освободительной войны, для которых высокоразвитые в культурном отношении области Германии были уже достаточно зрелыми, но которые должны были рушиться со всеми почти великолепными проявлениями великого народного подъема под тяжестью некультурного господства ост-эльбско-борусских элементов [21].

Беглый взгляд на развитие военного дела, в конце концов, приводит к заключению о том, в какой тесной

зависимости находятся способ комплектования и размеры армии не только от социального расчленения на классы, но в еще большей степени от развития техники вооружений. В этом отношении такие явления, как, например, изобретение огнестрельного оружия, явились по существу революцией и одним из знаменательнейших фактов в истории военного дела.

II глава

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ МИЛИТАРИЗМ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Милитаризм не является чем-то специфическим для капитализма. Он скорее свойственен и присущ всем классовым обществам, из которых капиталистический является последним. Конечно, капитализм, как и всякий другой общественный строй, развивает особый вид милитаризма *; милитаризм является по своему существу средством для достижения цели или нескольких целей, которые соответственно характеру общественного строя являются различными и которые в зависимости от их различий могут быть осуществлены разными путями. Это проявляется не только в организации войска, но и в остальном содержании милитаризма, которое вытекает из выполнения им своих задач.

Капиталистической ступени развития лучше всего соответствует армия, основанная на всеобщей воинской повинности, которая, хотя и состоит из народа, не служит, однако, народу, а скорее направлена против него или все более и более обрабатывается в этом духе.

Она выступает порою как постоянное войско, порою как милиция. Постоянная армия, не являясь, однако, чем-то свойственным исключительно капитализму, тем не менее составляет его наиболее развитую, даже его нормальную форму; это будет показано в дальнейшем.

---

* Неверно замечает Бернштейн [22] в «Ви социалист» от 5 июня 1905 г., что современные милитаристские учреждения являются лишь наследием более или менее феодальной монархии.

«МИЛИТАРИЗМ ВОВНЕ», МАРИНИЗМ И КОЛОНИАЛЬНЫЙ МИЛИТАРИЗМ. ВОЗМОЖНОСТИ ВОЙНЫ И РАЗОРУЖЕНИЕ

Армии капиталистического общества, подобно армиям других классовых обществ, служат двум целям.

Прежде всего они являются национальным учреждением, предназначенным для нападения вовне или для защиты от опасностей извне, короче говоря, они предназначены для международных осложнений или, употребляя лозунг милитаристов, против внешнего врага.

Эта функция армий отнюдь не ликвидирована и более новым развитием. Для капитализма война является в действительности, употребляя слова Мольтке, «составной частью божественного мирового порядка». Конечно, внутри самой Европы наблюдается как будто тенденция к устранению известных причин войны и все более и более слабеет вероятность войны, исходящей из самой Европы, несмотря на противоречия из-за Эльзас-Лотарингии и французский трилистник Клемансо, Пишона и Пикара [23], несмотря на противоречия в Восточном вопросе, на панисламизм и на происходящий сейчас в России переворот. Но в то же время возникли новые, в высшей степени опасные трения из-за преследуемых так называемыми культурными государствами коммерческих целей и стремлений к расширению своего политического господства *, трения, возникшие у нас прежде всего из-за Восточного вопроса и панисламизма вследствие мировой и особенно колониальной политики, которые, как это безоговорочно признал даже Бюлов 14 ноября 1906 г. в своей речи в германском рейхстаге, таят в себе неисчислимые возможности конфликтов и вместе с тем все энергичнее выдвигают на первый план две другие формы милитаризма: *маринизм* и колониальный *милитаризм*. Мы, немцы, можем пропеть песню об этом развитии!

Маринизм, или флотский милитаризм, является родным братом сухопутного милитаризма и носит на себе все отталкивающие и злостные черты этого последнего. Он в еще большей степени, чем сухопутный милитаризм, является не только следствием, но и причиной международных опасностей, опасности мировой войны.

---

* Стоимость всей мировой внешней торговли по таблицам Гюблера исчислялась в 1891 г. в 75 224 миллиона, а в 1905 г. поднялась почти до 109 миллиардов.

Если и хорошие люди и обманщики пытаются внушить нам веру в то, что, например, натянутые отношения между Германией и Англией являются только результатом некоторых недоразумений и травли злонамеренных газетных писак, хвастливых фраз плохих музыкантов дипломатии, то мы знаем лучше, как обстоит дело. Мы знаем, что эти натянутые отношения являются неизбежным следствием обостряющейся экономической конкуренции Англии и Германии на мировом рынке, прямым следствием безудержного капиталистического развития и международной конкуренции. Испано-американская война из-за Кубы, абиссинская война Италии, трансвальская война Англии, китайско-японская война, китайская авантюра великих держав, русско-японская война — все они, несмотря на все разнообразие их особых причин и условий, несли на себе одинаковую печать войны, основанной на стремлении расширить свое влияние[24]. И если вспомнить англо-русское обострение в Тибете, Персии и Афганистане, японо-американские противоречия зимою 1906 г. и, наконец, славной памяти конфликт в Марокко при участии Франции и Испании в декабре 1906 г.*, то придется признать, что капиталистическая экспансионистская и колониальная политика заложила под здание всеобщего мира очень много опасных мин, зажигательные шнуры от которых находятся в самых различных руках и которые могут быть легко и самым неожиданным образом взорваны. Безусловно, может наступить такое время, когда раздел мира продвинется так далеко и поставит перед колониальными государствами вопрос о трестировании всех возможных колониальных владений и о прекращении таким образом колониальной конкуренции между отдельными державами[25], как это наблюдается в известной мере в области частной конкуренции при создании картелей и трестов отдельными капиталистическими предпринимателями. Но это произойдет еще не скоро и в случае экономического и национального подъема только одного Китая может быть отсрочено на неограниченно долгое время.

Таким образом, все мнимые *планы разоружения*[26] пока являются только глупыми сказками, мыльными пу-

* Франция израсходовала в 1906 г. в связи со спором из-за Марокко свыше 100 миллионов для военного укрепления своих западных границ.

зырями и надувательством. Главное авторство царя в Гаагской комедии[27] ставит на этом яркую печать.

Именно в наши дни смехотворно лопнули мыльные пузыри мнимого английского разоружения: военный министр Холден, являющийся якобы сторонником этих планов, в резких выражениях высказался против всякого сокращения кадровых вооруженных сил и выступил прямо в роли поджигателя войны; одновременно с этим на горизонте показывается и англо-французское военное соглашение[28]. В то время когда готовится вторая «мирная конференция», Швеция усиливает свой флот, в Америке и Японии все пышнее расцветает военный бюджет, министерство Клемансо во Франции говорит о необходимости дополнительного ассигнования 208 миллионов на усиление армии и флота, немецкая газета «Гамбургер нахрихтен» приводит в качестве квинтэссенции настроения господствующих классов в Германии веру в единственно спасительную силу военного вооружения, а немецкий народ облагодетельствован правительством новыми налогами на военные вооружения *, за которые даже наши либералы ухватились обеими руками. По этому можно судить о той наивности, с которой французский сенатор Эстурнель де Констан, член судебного трибунала в Гааге, развивает в своей недавней статье планы ограничения вооружений. Действительно, для этих политических фантазеров не только одна ласточка делает лето разоружения, для них достаточно уже воробья. В то же самое время конференция великих держав хладнокровно и с явным удовлетворением отвергла предложения Стэда и постаралась поставить вопрос о разоружении в программу только второй конференции.

Заслуживает еще нескольких слов третий отпрыск капитализма в военной области — *колониальный милитаризм*. Колониальная армия, т. е. постоянные колониальные

---

* $24^3/_4$ миллиона для флота, 51 миллион для сухопутных войск, 7 миллионов — проценты, что представляет в общем 83 миллиона марок превышения по сравнению с 1906—1907 гг. Розовые надежды на дальнейшее безграничное развитие флота выражает «Рейхсботен» в статье от 21 декабря 1906 г., очевидно, инспирированной. Кроме того, колоссальные колониальные военные издержки (экспедиция в Китай — 454 миллиона, восстание в Юго-Западной Африке около 490 миллионов, восстание в Восточной Африке 2 миллиона и т. д.). Эти требования привели даже 13 декабря 1906 г. к конфликту и роспуску рейхстага.

войска (в отличие от проектируемой ныне также и для германской Юго-Западной Африки колониальной милиции и тем более от совершенно отличной милиции почти самостоятельных английских колоний), играет для Англии чрезвычайно важную роль. Значение колониальных армий возрастает и для остальных культурных государств. Для Англии эти армии, помимо выполнения задачи подавлять и держать под угрозой колониального «внутреннего врага», т. е. местное население колоний, служат мощным средством и против внешнего колониального врага, например России. Кроме того, на нее, часто под видом «охранного войска» или «иностранного легиона» в прочих колониальных державах, особенно в Америке и Германии*, возлагается в первую очередь задача загнать несчастное местное население под ярмо, или на каторгу капитализма, а если оно пожелает защитить свое отечество от чужеземного завоевателя и кровопийцы, то задача — безжалостно расстреливать, избивать и морить его голодом. Колониальные армии, состоящие часто из отбросов европейского населения, являются самым жестоким и отвратительным из всех орудий наших капиталистических государств. Едва ли найдется одно какое-либо преступление, которым не запятнал бы себя колониальный милитаризм и воспитанное в его духе колониальное сумасбродство. Типпельскирхи, Верманы, Подбельские, Лейсты, Феланы, Петерсы, Аренберги и их сотоварищи[29] являются свидетельством и доказательством этого и для Германии. По этим плодам можно хорошо изучить сущность колониальной политики, той политики, которая под личиной христианства и цивилизации или ради поддержания национальной чести фактически выгодна только капиталистам, поместившим свои капиталы в колониальные предприятия; эта политика убивает и насилует безоружных людей, опустошает огнем и мечом владения беззащитных, грабит и громит их скарб и пожитки, издеваясь над христианством, цивилизацией и позоря их. Перед этой политикой в Индии и Тонкине, в государстве Конго, в германской Юго-Западной Африке и Филиппинах бледнеют даже звезды Кортеса и Писарро[30].

---

* Колониальные издержки ее, даже по записке Дернбурга от октября 1906 г., несмотря на все практикуемое в ней затушевывание баланса, являются преимущественно издержками милитаристического характера.

Характеризуя функцию милитаризма, направленную против внешнего врага, как национальную, мы этим еще не хотели сказать, что она является функцией, осуществляемой в интересах, для благополучия и согласно воле народов, управляемых и эксплуатируемых капиталистами. Пролетариат всего мира не должен ожидать никакой выгоды от той политики, которая делает необходимым милитаризм вовне. Более того, его интересы находятся в резком противоречии с подобной политикой, ибо она прямо или косвенно служит эксплуататорским интересам господствующих капиталистических классов. В основе этой политики заложено стремление проложить во всем мире путь беспорядочно-дикому росту производства и бессмысленно-убийственной капиталистической конкуренции, попирая все культурные обязанности по отношению к менее развитым народностям, и в этом своем стремлении она порождает только безумную опасность для всей нашей теперешней культуры, создавая угрозу всемирных военных осложнений. Пролетариат приветствует огромный экономический подъем наших дней. Но он знает, что этот экономический подъем может мирно развертываться и без вооруженной руки, без милитаризма и маринизма, без трезубца в кулаке и без хищнической политики в ведении колониального хозяйства, поскольку этому подъему будет служить разумно руководимое сообщество людей в условиях международного взаимопонимания и в соответствии с культурными интересами и культурными обязанностями. Пролетариат знает, что современная мировая политика большею частью является политикой насильственной и грубой борьбы и затушевывания внутренних социальных и политических трудностей, перед которыми оказываются господствующие классы, короче, политикой бонапартистских попыток обмана и введения в заблуждение. Он знает, что враги рабочего класса любят варить свой суп на огне ограниченного шовинизма, что уже в 1887 г. бессовестно созданный Бисмарком страх перед новой войной превосходно сыграл на руку самой опаснейшей реакции, он знает, что недавно разоблаченный трезвый планчик лиц, занимающих высокое положение, сводился к тому, чтобы «после возвращения на родину победоносного войска» в обстановке воинственного ура-патриотизма отобрать

у немецкого народа всеобщее избирательное право. Пролетариат знает, что выгоды экономического подъема, использовать которые так заботится эта политика, и, в особенности, выгоды нашей колониальной политики достанутся только классу капиталистов и потекут в широкие карманы этих исконных врагов пролетариата. Он знает, что войны, которые господствующие классы ведут в своих интересах, потребуют именно от него неслыханнейших кровавых и материальных жертв * и что за все это по выполнении работы он будет пожалован лишь жалкими пенсиями инвалидов, пособиями для ветеранов, шарманками и пинками всякого рода. Он знает, что при всякой войне выливают целый вулкан грязи, гуннской грубости и пошлости на участвующие в ней народы и ввергают культуру на ряд лет в состояние варварства. Он знает, что отечество, за которое он должен сражаться, не является его отечеством, что пролетариат каждой страны имеет лишь одного действительного врага, а именно капиталистический класс, который угнетает и эксплуатирует его; что пролетариат каждой страны в силу самых близких ему интересов тесно связан с пролетариатом всех других стран; что перед лицом общих интересов международного пролетариата отступают на второй план все национальные интересы и что международной коалиции эксплуататоров и крепостников должна быть противопоставлена международная коалиция эксплуатируемых и закрепощенных; он знает, что пролетариат, поскольку его направляют на войну, должен будет сражаться против своих собственных братьев и товарищей по классу и тем самым против своих собственных интересов. Сознательный пролетариат поэтому не только совершенно равнодушно относится ко всяким международным задачам армии и ко всей капиталистической политике расширения государственных границ, но вполне сознательно враждебно настроен к ней, отдавая себе отчет в ее целях. Его важнейшей задачей является борьба против милитаризма всеми средствами, и что он с каждым днем будет яснее и резче сознавать эту задачу,— это показывают международные конгрессы, это показывает обмен декларациями

---

* Жертвы войны с 1799 г. по 1904 г. (не считая русско-японской войны) исчисляются приблизительно в 15 млн. человеческих жизней.

и проведение митингов солидарности германскими и французскими социалистами, когда вспыхнула франко-прусская война, испанскими и американскими социалистами в начале войны из-за Кубы, русскими и японскими социалистами в начале русско-японской войны 1904—1905 гг. и постановление шведских социал-демократов в 1905 г. о всеобщей стачке в случае возникновения шведско-норвежской войны; об этом далее заявляли германские социал-демократы в рейхстаге при голосовании военных кредитов в 1870 г. и при конфликте из-за Марокко, это доказывается также и поведением сознательного пролетариата в вопросе о русском вмешательстве [31].

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ «МИЛИТАРИЗМА ВНУТРИ» И ЕГО ЗАДАЧИ

Милитаризм является не только оплотом и оружием против внешнего врага, на нем лежит и вторая задача *, которая по мере обострения классовых противоречий и роста пролетарского классового самосознания все более и более выдвигается на первый план, все более и более определяет собою внешнюю форму милитаризма и его внутренний характер, а именно задача охраны господствующего общественного порядка, поддержка капитализма и всякой реакции против освободительной борьбы рабочего класса. Здесь милитаризм проявляет себя как чистое орудие классовой борьбы, орудие, находящееся в руках господствующих классов, предназначенное для того чтобы в союзе с полицией и юстицией, школой и церковью задержать развитие классового сознания и тем самым любой ценой, даже вопреки ясно выраженной воле большинства народа, обеспечить для меньшинства господствующее положение в стране.

Таким образом современный милитаризм предстает перед нами вроде квадратуры круга. Он вооружает народ против самого себя, стремится сделать рабочих, пытаясь всеми средствами искусственно втиснуть в наш социальный порядок деление на возрасты, угнетателями, врагами и убийцами своих собственных классовых товарищей и друзей, своих родителей, родственников и детей, своего прошлого и своего будущего. Этот милитаризм

---

* Задача охранять существующий внутренний строй выпадает на долю милитаризма не только в капиталистическом, но и во всяком классовом обществе.

стремится стать одновременно и демократическим и деспотическим, просвещенным и механическим, народным и враждебным народу.

Разумеется, не следует забывать, что милитаризм направлен также против всякого внутреннего национального, даже религиозного «врага» — в Германии, например, против поляков, эльзасцев и датчан — и что при конфликтах внутри непролетарских классов он также может находить свое применение. Он представляет собою весьма многогранное и способное к изменчивости явление, в особенности это следует сказать о прусско-германском милитаризме, получившем необыкновенный расцвет благодаря особым полуабсолютистским, феодально-бюрократическим отношениям, царящим в Германии. Этот прусско-германский милитаризм заключает в себе наиболее дурные и опасные стороны из всех форм капиталистического милитаризма и поэтому может служить прекраснейшим образцом современного милитаризма, его форм, его средств и действий. Говоря языком Бисмарка о том, что никому еще не удалось повторить образец прусского лейтенанта, можно сказать, что никому еще не удалось полностью воспроизвести прусско-немецкий милитаризм, ставший не только государством в государстве, а прямо-таки государством над государством.

Рассмотрим сначала структуру армий некоторых других стран. При этом нам придется рассмотреть, кроме армий в собственном смысле, также жандармерию и полицию, которые часто внешне представляются в качестве воинских подразделений, специально предназначенных для борьбы с внутренним врагом, но которые по своему насилию и грубости прямо несут на себе печать своего военного происхождения.

СТРУКТУРА АРМИИ В НЕКОТОРЫХ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Своеобразные формы структуры армии мы находим, например, в Англии и Америке, в Швейцарии и Бельгии.

Великобритания имеет наемное войско («регулярную армию») и милицию наряду с конной местной стражей (yeomanry), кроме того, так называемых волонтеров (добровольцев), которые образуют добровольческое дополнительное, в общем и целом неоплачиваемое, войско, состав-

лявшее в 1905 г. 245 000 человек. Постоянная армия, включая милицию, исчислялась в 1905 г. приблизительно в 444 000 человек, из которых около 162 000 были расквартированы в самой Англии. Для Ирландии был создан особый, организованный по-военному полицейский корпус (около 12 000 чел.). Постоянная армия находится большею частью вне родины, в частности в Индии, где армия, состоящая из 230 000 человек, на две трети составлена из местных жителей. Колонии имеют, как правило, собственную милицию и корпус добровольцев. Отношение между милитаризмом метрополии и колоний Великобритании характеризуется военным бюджетом, который, например, в 1897 г. достигал для метрополии 360 миллионов, а для Индии около 510 миллионов марок. К этому следует прибавить огромный флот с почти 200 000 человек экипажа и морских войск.

Армия *Соединенных Штатов Америки* представляет собою смесь постоянного войска и милиции. Постоянная армия, пополняемая посредством вербовки, ограничена в мирное время в силу конституции максимумом в 100 000 человек, но фактически по финансовому отчету 1905 г. она составляла 61 000 человек (к 15 октября 1906 г., включая разведчиков на Филиппинских островах,— 67 253 чел.), в числе которых 3800 офицеров, вышедших большею частью из военной академии в Вестпойнте. В милиции в том же году состояло около 111 000 человек. Милиция организована довольно демократически. В мирное время она подчиняется губернатору, а по своему вооружению и подготовке не стоит на должной высоте. Наряду с нею выдающуюся роль играет организованный по-военному полицейский корпус. Совершенно своеобразным является учреждение, которое с формальной точки зрения сюда не относится, но по своим функциям не может быть оставлено без внимания. Во всех капиталистических странах встречаются «черные банды», находящиеся в распоряжении предпринимателей. К ним следует отнести хотя бы вооружаемых предпринимателями штрейкбрехеров (это нередко наблюдается, например, во Франции и в Швейцарии, а для Германии достаточно указать на происшедшие стачки рабочих на верфях в Гамбурге в последние годы и на нюрнбергские события 1906 г.[32]). Для американских же предпринимателей роль таких черных банд выполняют вооруженные сыщики агентства Пинкертона, доставляющие в

их распоряжение людей первого сорта. Если, наконец, указать еще на приблизительно 30 000 человек, числившихся в 1905 г. во флоте, то мы видим, что и Соединенные Штаты представляют собою целый букет главнейших форм вооруженной государственной власти.

В *Швейцарии* еще недавно существовала подлинно народная армия, основанная на поголовном вооружении. Каждый способный носить оружие швейцарский гражданин постоянно имел дома оружие и боеприпасы. Здесь имелась демократическая армия, о которой писал в своей известной книге Гастон Мох. Так как Швейцария находится под такой же международной гарантией, как и Бельгия, то вполне естественно, что «милитаризм вовне» здесь мог принять особенно мягкий характер, и этому во многом способствовали также другие многочисленные обстоятельства. Однако с обострением классовых противоречий здесь изменился «милитаризм внутри». Стремление к власти буржуазии постоянно чувствовалось в виде усиления эксплуатации и гнета. Ее существованию мог угрожать такой строй, при котором пролетариат имел бы в своем распоряжении оружие и амуницию. Поэтому в сентябре 1899 г. здесь принялись за разоружение народа, отнимая у него патроны, и вместе с тем начали все усиленнее создавать воинские учреждения по образцу великих военных держав. Существовавшие прежде кадровые части армии при помощи всех практикуемых в таких государствах средств начали обрабатывать в послушное орудие классового господства. Даже в пресловутой швейцарской милиции стали все более и более вырабатываться те отталкивающие черты, которые свойственны всем постоянным армиям к вящему позору культуры. Принятый 21 декабря 1906 г. национальным советом декрет об использовании солдат при стачках ничего в этом отношении не изменяет.

Потребности Бельгии как нейтрального государства в солдатах для постоянной армии значительно меньше (около половины), чем имеющийся у нее «запас» солдатского материала. Поэтому к системе всеобщей воинской повинности здесь присоединяется система жеребьевки и, наконец, особенно глубоко проникшая в характер армии система *выкупа,* или заместительства. Естественно, что только состоятельные люди могут выставлять заместителей, и, конечно, они очень широко пользуются этим. Если

эта раньше широко распространенная система заместительства в политическом отношении почти не имела особенного значения, то в сильно пролетаризированной Бельгии с ее чрезвычайно большим процентом рабочих среди лиц, подлежащих воинской повинности, она привела к весьма сомнительным для господствующих классов результатам. Насквозь пролетаризированная армия, хотя и не состоявшая из сознательных и решившихся на все пролетариев, оказалась столь легко доступной антимилитаристической пропаганде, что уже ряд лет едва ли может быть использована господствующими классами в качестве оружия против внутреннего врага. Но этой беде сумели помочь. Уже давно здесь создана так называемая гражданская гвардия. К гражданской гвардии принадлежат те, которые вытащили хороший номер, и те, которые откупились от службы, но лишь на условиях, что они смогут сами добыть себе обмундирование и оружие. Это условие составляет как бы некоторый ценз, которому, естественно, не могут удовлетворить бедные классы населения, оказывающиеся таким образом устраненными от участия в гражданской гвардии. Эта гвардия была прежде лишь большим маскарадом, ее члены были большею частью либералами, а организация — демократической. Гражданские гвардейцы хранили дома свое оружие, сами избирали своих офицеров и т. п. С усилением ненадежности постоянной армии здесь наступила перемена. Управление и командный состав гражданской гвардии были переданы из рук общин в руки правительства, демократические учреждения были упразднены, оружие у отдельных лиц было отобрано и заперто под замок в складах военного управления. Была введена довольно строгая военная дисциплина, а подготовка гражданских гвардейцев передана в руки худших элементов бывшего офицерства постоянной армии. Лица в возрасте от 20 до 30 лет должны не менее чем три раза в неделю по вечерам и через каждые 14 дней половину воскресенья посвящать воинскому обучению; и если раньше довольно халатно относились к участию их в таких упражнениях, то теперь это участие контролируется более резко, и аккуратность поддерживается системой взысканий; следует заметить, что эта новая организация гражданской гвардии осуществлена только в общинах с населением более 20 000 человек, в то время как в остальных гражданская гвардия осталась лишь комической тенью.

Этот факт яснее всего характеризует назначение гражданской гвардии, указывая, что она должна являться охранным войском правительства в борьбе против «внутреннего врага». Постоянная армия в 1905 г. исчислялась приблизительно в 46 000 человек, кроме жандармерии, активная же гражданская гвардия — круглым счетом в 44 000 человек, т. е. была почти равна ей по численности.

Таким образом, Бельгия обладает армиями — особой для внешнего врага и особой для врага внутреннего,— причем последняя является весьма утонченным учреждением, как это видно из использования гражданской гвардии во время последней избирательной борьбы и стачек, когда она оказывала немало добрых услуг капиталистическому режиму Бельгии, что, по-видимому, будет наблюдаться и впредь.

К этому в Бельгии нужно еще присоединить жандармерию, которая используется как на войне, так и при стачках и беспорядках в качестве обычной военной силы. Она весьма многочисленна и рассеяна по всей стране, обладает большой подвижностью, может быть во всякое время сконцентрирована, перемещена и мобилизована. В Тервирене близ Брюсселя имеется общая казарма для летучей бригады жандармерии, и отсюда она быстро рассеивается по всей стране в случае стачек или других аналогичных событий, подобно осиному рою. Она состоит большею частью из старых унтер-офицеров, превосходно вооружена и хорошо оплачивается, короче говоря, она составляет отборное войско. В то время как гражданская гвардия как бы создана специально для классовой борьбы и представляет собою специальную мобилизацию элементов самой капиталистической буржуазии, прекрасно сознающих свои интересы, жандармерия играет роль «дворовых псов капитала», руководствующихся лозунгом: «чей хлеб я ем, того и песенку пою».

Япония, которая стоит приблизительно на том же уровне капиталистическо-феодального культурного развития, что и Германия, за последние годы, несмотря на свое, подобно Англии, островное положение, стала вследствие напряженности своих международных отношений прямой копией Германии и в отношении милитаризма, за исключением, пожалуй, только более воинственного воспитания ее войск.

Из всего сказанного следует, что размеры и особый характер организации армий в существенных чертах определяются международным положением и функцией армии в отношении внешнего врага. Напряженность международных отношений, которая ныне, как правило, является весьма значительной, приводит к созданию постоянных армий, основанных на всеобщей воинской повинности с использованием всех способных носить оружие граждан и с установлением самых строгих форм организации. Это наблюдается даже в еще некапиталистических государствах, которым приходится выдерживать конкуренцию с капиталистическими государствами и защищать себя от них. Однако эта напряженность в отношениях может в значительной степени ослабляться в силу таких естественных причин, как, например, островное положение Англии или изолированное по отношению к другим государствам положение Америки, и в силу таких политических причин, как, например, нейтралитет Швейцарии и Нидерландов. Напротив, функция же «милитаризма внутри», направленного против внутреннего врага, в качестве орудия классовой борьбы неизбежно сопутствует всякому капиталистическому развитию, и сам Гастон Мох указывает, что «восстановление порядка» есть «законная функция народной армии». И если милитаризм в этой своей функции все же принимает весьма разнообразные формы, то это объясняется просто тем, что в этом случае цель, поставленная перед милитаризмом, до сих пор являлась более национальной, осуществление ее не было так точно урегулировано условиями международной конкуренции, и потому она достигалась весьма разнообразными способами, из которых каждый мог носить свой национальный отпечаток. Впрочем, Англия и Америка (где, например, в промежуток 1896—1906 гг. постоянная сухопутная армия увеличена с 27 000 приблизительно до 61 000 человек, число морских экипажей удвоено, бюджет военного департамента возрос в два с половиной раза, морского — более чем в три раза, а на 1907 г. Тафт вновь требует увеличения почти на 100 миллионов) за последние годы также в значительно большей мере пустились в область европейского континентального милитаризма, что прежде всего вызвано изменением международной обстановки и потребностями джингоистской империалистической мировой политики и,

несомненно, изменениями в области внутреннего положения, в частности опасностью усиления классовой борьбы. Едва ли случайно милитаристские припадки английского военного министра Холдена в сентябре 1906 г. совпали с энергичным и самостоятельным выступлением английских рабочих на политической арене. Склонность к введению всеобщего воинского ополчения по швейцарскому образцу (создание которого в Англии, несмотря на инсценированную усиленную агитацию, несколько отодвинуто назад и которому в Соединенных Штатах в послании Рузвельта от 4 декабря 1906 г. придано важное значение) не служит симптомом прогресса. Несмотря ни на что, введение всеобщего воинского ополчения означает усиление милитаризма по сравнению с существующим положением, оно ведет прямо к созданию постоянной армии — этому учит нас именно Швейцария.

Бесспорно, принимая во внимание огромное разнообразие комбинаций в отношении факторов, определяющих размер и форму особых потребностей в защите извне и изнутри, милитаризм обладает значительным многообразием и приспособляемостью, что яснее всего проявляется в военном деле. Но поле деятельности приспособляемости милитаризма ограничивается его целевым, основным назначением — служить средством охраны капитализма. Впрочем, события могут временно пойти по другому пути. В то время, например, как Франция при Пикаре была серьезно занята энергичным сокращением срока обучения в резервных и территориальных войсках, реформой «бирибби» [33] и ликвидацией особой военной подсудности, председатель германского имперского военного суда фон Массов осенью 1906 г. вышел в отставку, так как военные власти (т. е. прусское военное министерство) своим толкованием закона формально и без обиняков вторглись в сферу независимости военных судов (циркуляр от весны 1905 г.), независимости, которая, конечно, уже нашла себе своеобразные комментарии, благодаря привлечению к ответственности судей в процессе Бильзе [34]. Этими французскими уступками мы обязаны почти исключительно антиклерикализму; клерикализм имеет существенную опору в армии; в своей борьбе против церкви в так называемом «культуркампфе» правительство нуждалось в поддержке пролетариата. Эта комбинация, конечно, не вечна и не возникла из постоянных и существенных тенденций раз-

вития; она в своем существе покоится на временной конъюнктуре и идет, как показано, рука об руку с энергичным преследованием антимилитаризма.

Интересной с этой точки зрения является *Россия*, которая вследствие высшего напряжения своих международных отношений должна была ввести всеобщую воинскую повинность. Кроме того, являясь азиатско-деспотическим государством, она испытывает необычайно сильное внутреннее напряжение. Внутренним врагом царизма является не только пролетариат, но, кроме того, огромная масса крестьянства и буржуазии и даже значительная часть дворянства. 99 процентов русских солдат по своему классовому положению являются заклятыми врагами царского деспотизма. Низкий уровень образования, национальные и религиозные противоречия, а также противоречия экономических и социальных интересов, давление широко разветвленного бюрократического аппарата, неблагоприятное местное деление, недостаточно развитые пути сообщения и многое другое необычайно мешают развитию классового самосознания. Однако если уже в буржуазно-капиталистических государствах в самих армиях, основанных на всеобщей повинности и являющихся орудием борьбы против пролетариата, заключено наиболее яркое и в то же время ужасное и причудливое противоречие, то тем более армия, набранная на основе всеобщей воинской повинности в условиях царско-деспотической системы, представляет собой оружие, которое обязательно со все большей ниспровергающей силой должно повернуться против самого царского деспотизма. Но если усилия господствующих классов в буржуазных государствах подкупить народ для борьбы против самого себя и притом большею частью на отнятые для этой цели у самого народа денежные средства в конечном итоге обречены на провал, то тем более, как мы сами видим, обречены на провал сомнительные и жалкие попытки подкупить русскую революцию, предпринимаемые испытывающим финансовую нужду царизмом. Ему это не удастся сделать, несмотря на все спасательные акции, предпринимаемые бессовестным международным биржевым капиталом. Конечно, вопрос о займах является важным вопросом, особенно когда речь идет о темпах революции, но подобно тому, как при помощи капитала нельзя совершить революции, так нельзя подкупить ее, хотя бы и при помощи крупного капитала всего мира.

III глава

СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ МИЛИТАРИЗМА

НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ ЦЕЛЬ

Мы переходим теперь к специальному рассмотрению *средств и способов воздействия* милитаризма, взяв при этом в качестве примера прусско-германский бюрократическо-феодально-капиталистический милитаризм, эту худшую форму капиталистического милитаризма, это государство над государством.

Если и правильно утверждение, что теперешний милитаризм является не чем иным, как проявлением современного капиталистического общества, то все же следует сказать, что это такое проявление, которое стало почти совершенно самостоятельным и почти превратилось в самоцель.

Для достижения своей цели милитаризм должен превратить армию в удобный, послушный, действенный инструмент. Он должен поднять ее *в военно-техническом* отношении на возможно большую высоту, а, с другой стороны; так как она состоит из людей, а не машин, и является живой машиной, он должен вдохнуть в нее *правильный «дух»*.

Первая сторона этой задачи в конечном счете сводится к финансовому вопросу, на котором мы остановимся ниже. Нас сейчас больше интересует *вторая* сторона.

Она имеет *троякое* содержание. Милитаризм стремится породить и развить воинский дух сначала и в первую очередь в *самой кадровой* армии, затем в тех кругах, которые предназначены для *пополнения* армии на случай мобилизации, как резерв и ополчение, и, наконец, *во всех*

остальных слоях населения, которые имеют значение в качестве среды и питательной почвы для милитаристических и антимилитаристических настроений.

МИЛИТАРИСТИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА

Воспитание солдат

Пресловутый истинно «воинский дух», а также «патриотический дух», или, как его еще называют в Пруссии и Германии, «дух преданности королю», означает, коротко говоря, готовность в любой момент выступить по приказанию как против внешнего, так и против внутреннего врага. Для создания такого духа сама по себе наилучшей является полная притупленность или, по крайней мере, возможно более низкая способность к рассуждению, позволяющая гнать массы народа, подобно стаду, туда, куда предписывают интересы «существующего порядка». Признание прусского военного министра фон Эйнема, что для него дороже преданный королю солдат даже тогда, когда он стреляет плохо, чем человек, настроенный менее верноподданически, хотя бы он стрелял наилучшим образом, несомненно, вырвалось от чистого сердца у этого представителя германского милитаризма. Но милитаризм находится здесь между двух огней. Военная техника, стратегия и тактика требуют ныне от солдат не малой степени рассудительности и делают рассудительного солдата, caetiris paribus (при равенстве прочих условий), более пригодным и деятельным. Уже поэтому милитаризм не может довольствоваться в настоящее время одной лишь массой тупоумных солдат. Однако такая тупоумная масса не может быть пригодна для капитализма, хотя бы уже из-за тех функций, которые должны выполнять в экономике большие массы, в частности пролетариат. Капитализм в целях эксплуатации и выколачивания для себя возможно большей прибыли,— что всегда составляло неотделимую от него его жизненную задачу,— в силу как бы трагического рока вынужден в широких масштабах систематически насаждать среди своих рабов эту самую просвещенность, которая, как он прекрасно сознает сам, в конце концов должна принести ему смерть и уничтожение. Безуспешны и безнадежны, несмотря на утонченное содействие церкви и школы, все попытки капитала провести свой кораблик при помощи искусного лавирования между Сциллою слишком низкого образования, чрезмерно

затрудняющего эксплуатацию и делающего самого пролетария не пригодным в качестве рабочего животного, и Харибдою [35] образования, революционизирующего умы эксплуатируемых, способствующего росту классового сознания, неизбежно гибельного для капитализма. Только восточнопрусские сельскохозяйственные рабочие, которые, по знаменитому выражению Крёхера, при своей крайней тупости могут быть на самом деле весьма хорошими работниками, особенно для помещика, представляют еще для милитаризма значительный материал, который чисто рабски и стадно немедленно подчиняется команде, но и он, вследствие своего слишком низкого даже для милитаризма развития, может быть использован в армии лишь с осторожностью и в известных границах.

Нашими лучшими солдатами являются социал-демократы — так гласит часто цитируемое положение. В этом видят трудность задачи привить истинно воинский дух армии, основанной на всеобщей воинской повинности. Так как недостаточно чисто рабского или мертвого повиновения, да оно оказывается более и невозможным, то милитаризму приходится обходным путем подчинять себе волю завербованных в армию людей, чтобы превратить их таким способом в «автоматы для стрельбы». Он должен оказать на них духовное и умственное влияние или воздействовать насильственными средствами, он должен приманить или принудить их. И здесь необходим метод «кнута и пряника». Истинный «дух», в котором нуждается милитаризм, касающийся прежде всего его функции по отношению к внешнему врагу, заключается в шовинистической взбалмошности, бездушии и высокомерии, а по отношению к внутреннему врагу — в непонимании или даже ненависти ко всякому прогрессу, к какому бы то ни было стремлению, хотя бы самым отдаленным образом угрожающему господствующему в данный момент классу. В этом отношении милитаризм, поскольку он желает действовать с помощью пряника, должен направлять мышление и чувства солдат, классовые интересы которых далеки от всякого проявления шовинизма и единственно понятной целью для которых является любой прогресс вплоть до ниспровержения существующего общественного строя. При этом не следует упускать из виду, что пролетарий в возрасте, когда он должен отбывать воинскую повинность, как правило, значительно превосходит самостоятельностью

и политической зрелостью буржуа того же возраста, хотя обычно он еще не окреп в классовом сознании.

Система духовного и психологического воздействия на солдат, стремящаяся заменить социально-классовое деление людей делением по возрастным группам, желающая создать особый класс 20—22-летних пролетариев с образом мыслей и чувств прямо противоположным мыслям и чувствам пролетариев других возрастов, является предприятием весьма смелым и утонченным.

В *первую очередь* надлежит резко и беспощадно отделить пролетариев в солдатском мундире от их товарищей по классу и их семей. Это достигается путем передислокации их из родных мест в другие районы, что систематически проводится особенно в Германии и достигается прежде всего при помощи изоляции их в казармах. Таким образом, здесь речь идет прямо о восстановлении иезуитского метода воспитания.

Далее важно по возможности дольше продлить эту изоляцию. Эта тенденция, после того как военно-техническая необходимость в долгом сроке службы давным-давно исчезла, встречает некоторые возражения только с финансовой точки зрения, и этому, например, в Германии мы обязаны введением двухлетнего срока службы в 1892 г.

И, наконец, важно полученное таким образом время по возможности искуснее использовать для улавливания душ. Для этого служат различные средства.

Совершенно так же, как в церкви, для целей такой милитаристической педагогики стараются использовать все слабости и все грехи, свойственные людям. Стараются разжечь честолюбие и тщеславие: солдатский мундир называют самым почетным мундиром, солдатскую честь квалифицируют как особо отменную честь, солдатское звание рассматривают как самое важное и значительное и фактически наделяют его многими преимуществами. Ведется спекуляция на украшениях, превращающих форму, вопреки ее чисто воинской цели, в пеструю мишуру или маскарадный наряд, приспособляют форму к грубым вкусам тех классов народа, которых стараются прельстить ею. Блестящие значки, почетные знаки, аксельбанты и прочее служат тому же низкому инстинкту украшения и мании величия. А сколько солдатских горестей уже успокоила военная музыка, которой, наряду с блестящими мундирами и торжественной воинской пышностью, «наша

блистательная армия» обязана большей частью своей неограниченной популярностью, какой она может вдоволь похвастаться среди детей, глупцов, горничных и люмпен-пролетариев. Кому хоть раз пришлось видеть пресловутую публику парадов и толпу, шествующую за маршем берлинской замковой стражи, тому все это будет ясно. Фактически распространенная в некоторых гражданских кругах склонность к солдатскому мундиру является одним из существенных моментов для приманки необразованных элементов армии,— это также хорошо известно.

Все эти средства действуют тем лучше, чем ниже умственный уровень солдат, чем ниже их социальное положение: именно такие элементы вследствие их необразованности и неразвитости вводятся в заблуждение блеском и мишурой; для них особенно разительным является контраст между их прежним гражданским положением и новым военным положением,— достаточно вообразить себе американского негра или восточнопрусского раба, бывшего раньше чуть ли не вьючным животным, и затем вдруг напялившего на себя *«самый отменный»* мундир. Таким образом возникает трагический конфликт: эти средства действуют меньше на интеллигентного промышленного пролетария, на которого они в первую очередь рассчитаны, чем на те элементы, по отношению к которым действие их имеет второстепенное значение, так как они и без того представляют собой достаточно послушный материал для милитаризма. Впрочем, эти средства и здесь могут способствовать *поддержанию* «духа», пригодного для милитаризма. Той же цели служат полковые праздники, торжества в день рождения кайзера и т. п.

Когда же сделано все для того, чтобы привести солдата как бы в состояние опьянения, наркотизировать его душу, привести в экзальтированное состояние его чувства и фантазию, предстоит еще систематически обрабатывать его *рассудок*. И вот начинаются часы обучения, во время которых в голову солдата стремятся вбить детское, неправильное, но для целей милитаризма наиболее пригодное представление о мире. Естественно, что такое обучение, руководимое по большей части людьми, совершенно необразованными и совсем не пригодными для педагогической деятельности, также не оказывает никакого действия на интеллигентных фабричных рабочих,

которые довольно часто оказываются более развитыми, чем их инструкторы. Это является покушением с негодными средствами и над негодным объектом; что же касается антисоциал-демократического «обучения» солдат, то на непригодность его, вопреки мнению генерала Либерта, еще недавно указывали «Пост» и Макс Лоренц.

Для выработки необходимой податливости и послушания служат муштра, казарменная дисциплина, преклонение перед офицерским и унтер-офицерским * мундиром, который во многих областях поистине находится вне закона и является священным и неприкосновенным, короче говоря, этой цели служат дисциплина и контроль, сковывающие железным кольцом солдата во всех его действиях и помыслах как на службе, так и вне ее. Благодаря всему этому каждый отдельный солдат беспощадно подвергается коленопреклонению во всех отношениях, издергивается и истязается до такой степени, что даже самому крепкому хребту угрожает опасность сломаться или же он в самом деле не выдерживает и ломается **.

Усердная забота о создании «церковного» духа, на необходимость развития которого, как на особую цель воинского воспитания, прямо указывал — впрочем, отклоненный без обсуждения — доклад бюджетной комиссии рейхстага в 1892 г., направлена также на то, чтобы завершить дело военного угнетения и закрепощения.

Нравоучение и церковная обработка являются одновременно и пряником и кнутом, причем последний применяется в весьма предусмотрительно прикрытом виде.

Пряником, используемым в качестве приманки для создания постоянных кадров армии, с успехом служит практикуемая сверхсрочная служба с перспективой получить унтер-офицерскую премию и выдача свидетельств о

---

* Унтер-офицер равен «представителю бога на земле!»

** Статистика солдатских самоубийств представляет потрясающие доказательства этого. И это явление не ограничивается рамками одной страны. В Германии в 1901 г. по официальной статистике происходило одно самоубийство на 3700 чел.; в Австрии одно на 920 чел. В 10 австрийских армейских корпусах самоубийством покончили 80 солдат и 12 офицеров, другие 127 человек впали в душевную болезнь и ушли вследствие самоизувечения и жестокого обращения из армии как инвалиды. Далее в тот же период времени дезертировало 400 человек, 725 было приговорено к тюремному заключению или к строгому аресту! Здесь важным усиливающим фактором служит, конечно, борьба национальностей.

гражданском обеспечении, являющаяся очень хитрым и опасным мероприятием, отравляющим, как будет показано ниже, милитаризмом всю нашу общественную жизнь.

Грозным кнутом милитаризма является прежде всего дисциплинарная практика *, военное уголовное право с его суровыми наказаниями за малейшее отклонение от так называемого воинского духа и военная юстиция с ее полусредневековым судопроизводством, с бесчеловечными, варварскими наказаниями за малейшее неповиновение, с мягким отношением к бесчинствам начальников в обращении с подчиненными, с почти полным игнорированием права необходимой защиты. Ничто не может воздействовать так возбуждающе и в то же время столь поучительно против милитаризма, как простое чтение военного артикула и военных уголовных процессов.

Сюда относится также и грубое обращение с солдатами, о котором мы скажем особо. Оно является хотя и не законным, но фактически самым действенным из всех насильственных дисциплинарных средств милитаризма.

С помощью всех этих средств стремятся обуздать людей, как обуздывают животных. С их помощью наркотизируют, сбивают с толку, обольщают, подкупают, давят, лишают свободы, шлифуют и наказывают рекрутов; с их помощью собирают зернышко за зернышком для цементирования громадного здания армии, кладут камень за камнем в плотину, создаваемую для предотвращения переворота.

Классовый характер всех этих средств приманки, наказаний и принуждения еще более наглядно проявляется в практике одногодичной службы так называемых добровольцев. Поступающий на один год службы вольноопределяющимся какой-либо буржуазный сынок предназначается стать офицером резерва; он обыкновенно стоит вне каких-либо подозрений в антикапиталистических, антимилитаристических и вообще бунтовщических устрем-

---

* Арест с лишением пищи, постели и света, лишние упражнения и т. п., а в военное время также варварское «привязывание», австрийские «перегибание» и «связывание», бельгийские карцеры и международная морская «девятихвостая кошка» и т. п.— меры, известные всем. Но немногие могут вспомнить об ужасающих пытках, которые применялись во французских дисциплинарных батальонах также к «политическим».

лениях; следовательно, его можно избавить от прохождения службы вдали от родины, от размещения в казарме, от нравоучения, принудительного посещения церкви и даже в большинстве случаев от муштровки; естественно, что он также лишь в виде исключения попадает в сети дисциплинарных взысканий и военного уголовного права и отделывается по большей части пустяками, так как солдатские живодеры, несмотря на всю свою ненависть к «образованным», редко решаются трогать их. Таким образом, подготовка к офицерскому званию представляет второе наглядное доказательство этого тезиса.

Выдающееся значение для воинской дисциплины придается *совместной деятельности людских масс,* внутри которых самостоятельность индивида в значительной мере устраняется. Каждый отдельный человек, находящийся в войске, чувствует себя, подобно каторжнику на галере, прикованным ко всем остальным и почти не способным к свободным действиям. В сотню тысяч раз большая сила всех остальных насильственно удерживает его от всякого самостоятельного изолированного движения. Все члены этого огромного организма или, вернее, этой огромной машины подвержены, кроме внушения, исходящего от командиров, еще и особому массовому гипнозу, влияние которого, конечно, должно сделать *бессильным* даже наиболее развитого и решительного противника милитаризма в постоянной армии.

Само собой разумеется, что обе задачи милитаризма в области воспитания солдат далеко не всегда, но все же очень часто, вступают между собой в энергичную борьбу. Это можно сказать как об обучении, так и о вооружении. Воинское образование все более повелительно требует весьма высокой степени самостоятельности солдата. В качестве же «дворового пса капитала» солдат не нуждается в самостоятельности, он даже не должен иметь ее, иначе будет уничтожена его квалификация самоубийцы. Короче говоря, война против внешнего врага требует людей, а война против внутреннего врага — рабов, машин. Что же касается вооружения и снаряжения, то для воспитания духа, необходимого для борьбы с внутренним врагом, нельзя избежать яркой цветной формы, блестящих пуговиц и касок, знамен, парадов, кавалерийских атак и всякой иной мишуры, тогда как для борьбы против внешнего врага они должны явиться роковыми и даже просто

оказываются здесь невозможными *. Этого трагического конфликта, в освещение разнообразных подробностей которого мы здесь входить не можем, не поняли даже добросовестные критики нашего милитаризма **, которые по своему простодушию рассматривают все лишь с меркой воинского воспитания. Они остаются проповедниками, находящимися в пустыне [36].

Эта коллизия интересов внутри самого милитаризма, это внутреннее противоречие, которым он страдает, обладает тенденцией постоянного обострения. Оно находится в зависимости от степени напряженности внешних и внутренних политических отношений, причем те или другие попеременно оказывают решающее влияние. Можно с уверенностью сказать, что здесь заложено зерно самоуничтожения милитаризма.

Однако когда война против внутреннего врага, в случае вооруженной революции, предъявит к войскам такие высокие военно-технические требования и когда разряженные рабы и машины окажутся не в состоянии подавить его, тогда пробьет последний час насильственному господству меньшинства, господству капиталистической олигархии.

Важно подчеркнуть, что вообще милитаристический дух означает приведение пролетарского классового сознания в состояние замешательства и заблуждения и что милитаризм, заражая собою всю нашу общественную жизнь и в других отношениях, служит капитализму, например, тем, что поощряет покорность пролетариата по отношению к экономической, социальной и политической эксплуатации и чрезвычайно сдерживает пролетарскую освободительную борьбу. К этому вопросу мы еще вернемся несколько позже.

Официозно-военная и полувоенная организация гражданского населения

Милитаризм стремится оказать свое по возможности более длительное и более настойчивое воздействие также и на лиц, *еще не принадлежащих или уже более не при-*

* Под борьбой против внутреннего врага здесь, естественно, подразумевается также борьба с противным «милитаризму вовне» духом интернациональной пролетарской солидарности.

** Ср. «Социал-демократия в армии», заметки одного офицера; далее материал, имеющийся в книге Бебеля «Не постоянная армия, а народное ополчение», стр. 46 и «Руководство для социал-демократического избирателя», 1903, стр. 23.

надлежащих к кадровой армии. Он действует для этой цели прежде всего посредством возможно большего расширения полномочий военной власти над этими лицами, например, посредством контрольной системы, посредством широкого распространения военной подсудности, разбирательства дел в судах чести, которое применяется даже по отношению к офицерам в запасе *, и, наконец, даже посредством распространения на этих лиц власти командования. Здесь особенно характерной является подсудность военным судам лиц, созванных на поверочные сборы. Эти функции, находящиеся в явном противоречии с законом, используются военными властями в течение *целого дня сборов;* в законе не имеется ни малейшей опоры для такого права, оно является чистой узурпацией. Сюда относятся также военное обучение молодежи и военные союзы с их официально-военным или полувоенным руководством со свойственным ему обезьяньим подражанием воинским формам, пустыми забавами и празднествами. Главную роль в этой области военной деятельности играет бесчинство офицеров-резервистов, которые вносят кастовый дух в гражданскую жизнь, увековечивают его, и которые, что еще важнее, подчиняют высших должностных лиц государственного аппарата, коммунального гражданского управления, органов юстиции и народного образования почти исключительно воинской дисциплине, милитаристическому духу, всему милитаристическому укладу жизни и тем самым заранее устраняют в их среде возможные оппозиционные настроения. Таким образом обеспечивается послушание гражданских чиновников. Таким способом заботятся о том, чтобы деревья классовой юстиции и классовой школы тянулись выше к небу милитаризма, а деревья самоуправления в то же время тщательно подрезывались **. Следует упомянуть также о постановлении, запрещающем как кадровым офицерам, так и офицерам резерва выступать в печати. В высшей степени поучительное дело Гедке является весьма показательным симптомом, свидетельствующим о безудержном стремлении милитаризма к

---

* Ср. также известное дело Гедке, когда прусская судебная палата одобрила неслыханные притязания милитаризма.

** Смелая авантюра кепеникского «капитана» Фойгта, этого гениального сапожника-рецидивиста, характеризовалась и с либеральной стороны, как грозное предостережение именно в этом отношении.

умственному закрепощению и к централизованной опеке над всем, что в какой-либо степени касается его сферы, а также об его тенденции к постоянному законному и незаконному расширению сферы своего влияния, о безбрежном и ненасытном стремлении к власти.

Прочие средства милитаристического влияния на гражданское население

Еще более важным плодом стремления милитаризма к своему распространению, чем бесчинство резервных офицеров, является система замещения вакансий военными, которая, помимо чисто военной цели, служит еще задаче направить во все отрасли государственного и коммунального управления свиту всегда верных и убежденных представителей и агитаторов милитаристического духа. Тем самым одновременно должна обеспечиваться благонадежность и боеготовность * всего служащего капитализму бюрократического аппарата и вноситься «правильное», «поддерживающее государственный порядок» настроение в умы «нуждающихся в воспитании» широких *масс народа.* Эта «воспитательная» цель свидетельств на право гражданского обеспечения единодушно и с полной откровенностью была признана имперским канцлером Каприви и представителями господствующих классов при обсуждении в рейхстаге в феврале 1891 г. вопроса о премиях унтер-офицерам. Идеал поддержания государственного порядка в воспитании нашего народа состоит в том, что после того как капрал сошел со своей кафедры, он прекрасно может снова обходными путями вернуться к унтер-офицерству.

В связи с этим следует также упомянуть, далее, что те же средства, с помощью которых создается и поддерживается военный дух среди солдат (например, всевозможные мишура и побрякушки), одновременно влияют в благоприятном милитаризму духе и на *гражданское население,* а следовательно, на круги, из которых вербуется армия, на средства которых она содержится и которым угрожает «опасность» оказаться внутренним врагом. Поучительно высказывание английского военного министра Холдена после посещения им Пруссии осенью 1906 г. Он высказался так: ценным «спутником милитаризма яв-

---

* В переносном, а также и в буквальном смысле этого слова!

ляется также и то, что благодаря более близкому соприкосновению с армией и подготовкой к войне народ воспитывается в духе благоразумия и верности своему долгу».

Для распространения своего влияния *милитаризм* использует и такие средства, как выставление себя *в качестве потребителя и производителя.* Своим влиянием он охватывает также и крупные государственные предприятия, имеющие стратегическое значение.

За счет армии живет целая армия фабрикантов, ремесленников и купцов и их служащих, занятых в производстве и транспортировке предметов, необходимых для вооружения и содержания армии. Эти нахлебники армии накладывают порой свою печать на общественную жизнь, в особенности в небольших городах, где расположены гарнизоны. Наиболее могущественные из них господствуют, подобно князьям, над более крупными городами и играют в делах государства и империи роль первой скрипки. Они обязаны своим влиянием милитаризму, который сквозь пальцы смотрит на их делишки и которому поэтому они воздают должное по правилу — рука руку моет. Они становятся усерднейшими проповедниками милитаризма, к чему их побуждает, кроме того, их непосредственный капиталистический интерес. Кому не известны имена Круппа, Штумма, Эргардта, Леве, Вермана, Типпельскирха, Нобеля, Пульверринга и т. д.? Кому не известны нажива Круппа от производства броневых плит, прибыли Типпельскирха, получаемые им благодаря подкупу и взяточничеству, дорогие фрахты и сверхпростойные деньги Вермана и 100- или 150-процентные барыши Пульверринга, облегчившего германский имперский кошелек на несколько миллионов? В Австрии особое внимание привлекли к себе мошеннические проделки поставщиков провианта. Каждый новый поход означает для кучки паразитов и мошенников — и не только в России — золотую жатву. За то, что милитаризм позволяет этим важным господам обкрадывать себя, а большею частью обкрадывать народ, они отплачивают ему, как говорится, вполне по-христиански. Эти господа прославляют святой дух милитаризма среди «своих» рабочих и среди всех, кто находится в зависимости от них, они ведут беспощадную войну против попыток переворота. Естественно, что ни эти рабочие, занятые в таких предприятиях, ни огромная масса

мелких поставщиков не заинтересованы материально в существовании армии. В странах, где нет постоянных армий, царит благосостояние, промышленность и торговля находятся в цветущем состоянии, конечно, в не меньшей степени, чем в государствах с постоянной армией, и эти занятые в военной промышленности лица, конечно, не очутились бы в худшем экономическом положении, если бы армии и не существовало вовсе. Между тем, они большей частью не видят дальше своего носа и слишком предупредительно склоняются перед энергичным милитаристическим воздействием, так что попытка повлиять на них в обратном отношении наталкивается на большие затруднения.

Являясь работодателем для крупных предприятий (предприятия пищевой промышленности, консервные фабрики, мастерские по пошивке обмундирования, ремонтные депо, фабрики амуниции, верфи и т. д.), милитаризм влияет на служащих этих предприятий (к 31 октября 1904 г. на правительственных предприятиях германского военного и морского управления работало в общем 54 723 человека) не только тем, что услужливо предоставляет широкое поле деятельности таким реакционно-патриотическим организациям, как имперский союз борьбы с социал-демократией, но и сам стремится к тому, чтобы самым беспощадным образом и планомерно пропитывать их патриотически-милитаристским духом, используя для этого в качестве приманки титулы, почетные значки, организации празднеств, напоминающих празднества воинских союзов, огромные пенсии, сея в них вражду к профессиональным союзам и вводя настоящую казарменную дисциплину. Военные мастерские, в отличие от всех других даже государственных мастерских, представляют собой самый трудный объект для пролетарской пропаганды. Естественно, враждебное рабочим влияние имеет свои границы, и военное управление едва ли предается каким-либо иллюзиям относительно успехов, достигнутых социал-демократами особенно среди работников «императорских» верфей. Все угрозы, даже такие чрезвычайно детские, как угроза закрытия военных мастерских в случае увеличения количества социал-демократических голосов, как это было, например, при выборах 1903 г. в Шпандау, не могут помешать росту классового сознания до тех пор, пока милитаризм будет нищенски оплачивать своих рабочих как

пролетариев и тем самым толкать их к социал-демократии. Чтобы избавиться от пессимизма, достаточно вспомнить о частых движениях за повышение заработной платы на «королевских» фабриках, о многочисленных конфликтах, возникавших здесь, с военным управлением, принимающих часто весьма живые формы *.

Железные дороги, почта и телеграф являются учреждениями, имеющими весьма крупное стратегическое значение, и притом не только для войны с внешним, но и с внутренним врагом. Эти необходимые стратегические факторы могут быть приведены в негодность посредством стачки, а это должно будет привести к полному обессилению милитаристического организма. Понятно поэтому, что милитаризм особенно стремится пропитать своим духом служащих и рабочих этих и стоящих с ними в связи предприятий (железнодорожных мастерских, вагоноделательных заводов и т. п.). Насколько тщательно это стремление проводится в жизнь, не говоря уже о системе предоставления вакансий военным, показывают принятые в некоторых государствах меры по подчинению таких служащих действию военных законов. Достаточно для той же цели бросить беглый взгляд на политическое положение этих служащих в милитаристических государствах, где у них отнято право организации союзов либо посредством декретов (как в Германии или Франции **), либо посредством специальных законов (например, в Италии, Голландии и России). Конечно, при этом не следует упускать из виду, что капиталистическое государство даже независимо от этих милитаристических интересов имеет общий интерес в том, чтобы помешать служащим таких предприятий транспорта и связи подпасть под влияние «противогосударственных» стремлений. Но и эти старания, сколько бы они ни создавали препятствий на пути рабочего движения, неизбежно закончатся в конечном счете провалом. Они закончатся провалом вследствие плохой оплаты труда служащих транспорта и связи, вследствие их по существу пролетарского положения.

---

* Борьба в мастерских Шпандау, которая ежегодно играла некоторую роль и в рейхстаге, хорошо известна.

** Французское правительство пыталось оправдать эти мероприятия прямой ссылкой на антимилитаристическую пропаганду.

Милитаризм выступает таким образом, во-первых, как *сама армия*, а *за пределами армии — как система, охватывающая все общество* посредством сети милитаристических и полумилитаристических учреждений (контрольной системы, судов чести, запрещения выступлений в печати, резервного офицерства, свидетельств о гражданском обеспечении, милитаризации всего чиновного аппарата, главным образом вследствие назначения на должности резервных офицеров и выслужившихся солдат, военного обучения подростков, военных союзов и т. п.), далее он выступает как *система пропитывания всей общественной и частной жизни народа милитаристическим духом*, чему также упорно и утонченно содействуют церковь, школа и в известной мере тенденциозное искусство, а также пресса, жалкая продажная литературная сволочь, и тот ореол, которым в обществе старательно окружается «наше блистательное воинство». Милитаризм, наряду с католической церковью, является высшим макиавеллизмом, какой только знала история, и самым макиавеллистическим явлением капитализма.

Настоящий катехизис всех этих милитаристических воспитательных приемов и тех результатов, возвышеннейшим из которых является преклонение перед офицерским мундиром всего буржуазного общества, представляет собою часто упоминаемый случай сапожника из Кепеника, вырядившегося капитаном. Шестичасовой экзамен, которому подверг этот каторжанин нашу армию, наш бюрократический аппарат и наше прусское верноподданничество, все эти испытуемые выдержали так блестяще, что даже у учителей при виде этой квинтэссенции своей педагогики волосы стали дыбом. Даже шляпа Гесслера [37] не видала никогда такой услужливой покорности и самоунижения, как колпак бессмертного капитана фон Кепеника, никакое трирское священное облачение не встречало такого доверчивого почитания, как его форма. Огромное значение этой классической сатиры заключается в том, что она привела к нелепости все основные принципы военной педагогики. Она сделала милитаризм посмешищем в глазах всего мира и привела бы его к концу, если бы милитаризм не был для буржуазного общества, которое чувствует себя теперь по отношению к нему на одно мгновение в роли

волшебника, столь же необходимым, как хлеб насущный или воздух. Старый трагический конфликт! Капитализм и его мощный прислужник милитаризм отнюдь не любят друг друга, скорее они боятся и ненавидят друг друга, и, действительно, у них имеются для того основания: один рассматривает другого лишь как необходимое зло, и опять-таки не без основания — милитаризм, этот прислужник капитализма, стал чересчур самостоятельным. И поэтому урок Кепеника, которому не может последовать буржуазное общество, останется лишь сильным агитационным средством антимилитаризма, социал-демократии, жатва которой будет тем большей, чем больше таких примеров будет давать сам милитаризм.

Чем явился капитан Кепеник для милитаризма в области практического мошенничества, тем был для него в конце 80-х гг. бесценный Густав Тух в области теоретической честности. В своей толстой книге «Расширенное германское государство в его социальном значении» он набросал картину будущего общества, всеосвещающим, согревающим и управляющим центральным солнцем которого, его сердцем и душою является милитаризм, этот единственно истинный «национальный и цивилизованный социализм», при котором все государство превращается в одну казарму, где казарма является народной школой, университетом и фабрикой патриотического настроения, где армия является всеобъемлющей организацией штрейкбрехеров. Эта очаровательная галлюцинация тысячелетней империи милитаризма на самом деле была только методическим безумием, но все же она была *методическим безумием,* в котором были до конца продуманы милитаристические цели и средства, освобожденные от всех сдерживающих представлений, и это симптоматично.

В одном господствующем пункте уже теперь милитаризм фактически является, как это будет позднее показано, центральным солнцем, вокруг которого вращается планетная система классового законодательства, бюрократизма, полицейского строя, классовой юстиции и клерикализма всех вероисповеданий. Он является последним, порою тайным, порою явным, *регулятором* всей классовой политики, всей тактики классовой борьбы не только капиталистических классов, но и пролетариата, а именно в его профессиональной организации не в меньшей степени, чем в его политической организации.

IV глава

НЕКОТОРЫЕ ГЛАВНЫЕ ГРЕХИ МИЛИТАРИЗМА

ГРУБОЕ ОБРАЩЕНИЕ С СОЛДАТАМИ, ИЛИ МИЛИТАРИЗМ КАК КАЮЩИЙСЯ, НО НЕИСПРАВИМЫЙ ГРЕШНИК

Между двух огней

Господа милитаристы отнюдь не глупы. Это доказывает уже весьма хитро проводимая ими система воспитания. Они с замечательным искусством спекулируют на психологии масс. Если постоянное войско Фридриха, состоявшее из наемников и отбросов общества, поддавалось тренировке для выполнения своих гораздо более механических задач при помощи муштры и розг, то для нашего войска, состоящего из всего населения с его более высоким уровнем умственного развития и нравственности и построенного на основе всеобщей гражданской повинности, при больших запросах, предъявляемых к отдельному солдату, этих мер уже недостаточно. Это было признано уже Шарнгорстом и Гнейзенау, реорганизация армии которых началась провозглашением «свободы тыла». Тем не менее, как уже указывалось, дурное обращение, грубая брань, розги и всякие иные методы утонченно-жестокого обращения с солдатами до сих пор являются неотъемлемыми составными частями современной системы военного воспитания.

Само собой понятно, что позиция, которую милитаристы занимают в вопросе о дурном обращении с солдатами, определяется не этикой и культурой, не человечностью, не справедливостью и христианством или другими подобными прекрасными вещами, а соображениями чисто иезуитской целесообразности. Ее скрытая опасность для подрыва дисциплины и для «духа» самой армии до сих пор далеко еще не всеми признана. «Выравнение» рекру-

тов и неотесанных солдат старыми солдатами, грубые казарменные словечки и всякого рода пошлая брань, изрядная порция пинков, ударов, толчков и т. п., окрики «держи выше» или «подтянись» до настоящего времени засели настолько глубоко в сердца большого числа унтер-офицеров и даже офицеров, дрессируемых в духе отчуждения и враждебности к народу и символизирующих собой тупейших представителей политики насилия в миниатюре, что они не только поощряют эти методы, но и признают их прямо необходимыми. Борьба против этих эксцессов уже заранее наталкивается на их почти непреодолимое пассивное сопротивление. Ежедневно можно слышать, как начальники тайком называют требование гуманного обращения с «людьми» глупой выдумкой. Военная служба — это грубая служба. Но и тогда, когда проникают во всю глубину тайной опасности этих дисциплинарных злоупотреблений, мы очутимся опять между двух огней, из которых один должен следовать по пятам за естественным развитием системы, противодействующей насилию, на что нами уже было указано. Это грубое обращение — на что придется указать еще раз — является необходимым вспомогательным средством внешней муштры. От него капиталистический милитаризм, для которого свободная внутренняя дисциплина является недостижимой, не может отрешиться. Мы вновь повторяем, что эта система считается, правда, не официально, а официозно, несмотря на все сомнения и сожаления, хотя и не легальным, но незаменимым средством милитаристического воспитания.

Но эта система, независимо от своей сомнительности с военной точки зрения, стала вызывать угрызения совести, после того как беспощадная критика социал-демократии коснулась военного вопроса и после того, как даже широкие круги буржуазии начали отворачиваться от такой воинской морали. Скрежеща зубами, милитаризм должен был смириться не столько с тем, что им распоряжаются совсем не высокопоставленные военные, сколько с тем, что он зависит, и прежде всего материально, от народного представительства, к которому он привык относиться с насмешливым презрением,— от рейхстага, в котором заседают даже депутаты от «черни», короче говоря, от всяких «каналий», которые под охраной парламентского иммунитета все чаще и чаще и без всякой

пощады обнажают его. Поэтому, сдерживая бешеную злобу, ему пришлось прибегнуть к тому, чтобы расположить к себе «парней, заседающих в рейхстаге», и презираемое и осмеиваемое им «общественное мнение». Речь шла о том, чтобы не подвергать слишком большому испытанию военное благочестие буржуазии, которая сама по себе была готова на любые военные ассигнования, но иногда, особенно во времена финансовых затруднений, была не прочь погладить милитаризм и против шерсти; нужно было по возможности облегчить их роль перед своими избирателями, которые по существу принадлежат к антимилитаристическим классам и, осознав свое классовое положение, становятся обычно социал-демократами. Нужно было удержать или вырвать у социал-демократии могущественное оружие агитации. С этой целью вначале прибегли к тактике затушевывания и обмана. Военное судопроизводство было негласным, и «ни один луч не проникал в его темные тайники»; и если все же кто-либо и вторгался туда, то изо всех сил старались отрицать, оспаривать и приукрашать действительное положение. Однако ни казарменные стены, ни решетки военных тюрем и крепостей не могли преградить путь свету все более и более разгорающегося факела социал-демократии. Дебаты по военным вопросам в рейхстаге в восьмидесятых и девяностых годах предшествующего столетия являются упорной и страстной борьбой за признание факта казарменных жестокостей, причем не как чего-то случайного и проявляющегося лишь в отдельных случаях, а как обычного, повседневного, до известной степени органического и конституционного проявления милитаризма. Хорошие услуги в этой борьбе оказали неоспоримые доказательства, полученные благодаря публичности военно-судебного производства в других государствах, которые показали, что жестокое обращение в армии является обычным свойством милитаризма, что оно присуще даже республиканскому милитаризму Франции, даже бельгийскому и все более даже швейцарскому милиционному милитаризму. После обычных «обсуждений» и проволочек наступила, наконец, в 1898 г. реформа нашего военно-уголовного процесса. Правда, эта реформа благодаря сохранению негласности судопроизводства все еще позволяла в широкой степени набрасывать покрывало христианской любви на страшные тайны казарм. Однако, несмотря на все приказы, предписывающие самое широкое

сохранение негласности, несмотря на много раз комментировавшееся увольнение судей, участвовавших в процессе Бильзе, эта реформа позволила предавать гласности случаи наиболее грубой жестокости, вследствие чего все возражения, выдвигаемые против социал-демократической критики, оказались несостоятельными. Пришлось открыто, хотя и неохотно, признать, что грубое обращение с солдатами является почти повсюду постоянным атрибутом составляющего опору государственности милитаризма. Начали честно, а чаще всего нечестно пытаться искоренить это отвратительное и слишком благоприятное для социал-демократической пропаганды явление, и если сами не особенно верили в достижение этой цели, то делали это, чтобы произвести впечатление, будто таким положением недовольны и готовы приложить все силы для его устранения. С известной бесцеремонностью начали преследовать грубую расправу с солдатами, но все же для милитаризма более важным, чем борьба с жестокостью по отношению к солдатам, являются, конечно, интересы поддержания военной дисциплины, превращение народа в послушное орудие для борьбы против его собственных национальных и интернациональных интересов. Достаточно сопоставить приговоры за жестокое обращение с солдатами самого обычного типа с приговорами, назначающимися почти ежедневно за самые ничтожные, совершенные часто в состоянии опьянения или возбуждения, проступки солдат против начальства. Здесь наблюдается кровавое, драконовское возмездие за малейшую вину против святого духа милитаризма, там, несмотря на все,— соответственно мягкая снисходительность. Таким образом, борьба военной юстиции с жестокостями по отношению к солдатам, идущая рука об руку с безжалостным подавлением всякого следа самостоятельности и равноправия со стороны подчиненных, естественно, осталась почти безрезультатной. Случай с наследным принцем Саксен-Майнингеном, имевшим мужество призвать на помощь самих солдат к борьбе против жестокостей и даже вменившим им эту помощь в обязанность, собираясь таким способом искоренить зло энергичнее, чем это обыкновенно делали, говорит красноречивее всего: он должен был немедленно выйти в отставку. Этот случай проливает яркий свет на всю несостоятельность и безнадежность официальной борьбы против жестокостей, царящих в армии.

В книжке нашего товарища Рудольфа Краффта, бывшего баварского офицера, «Жертвы казармы» обработан ценный материал с полным знанием предмета, которое может обнаружить только человек, непосредственно имевший дело с тем, о чем он пишет. Регулярные сообщения нашей партийной печати относительно процессов о жестоком обращении с солдатами (и относительно маринизма), становящихся известными через определенные промежутки времени, дают прямо подавляющее количество материала, обстоятельной разработки которого мы, к сожалению, еще не имеем. В этом отношении нам предстоит еще важная и благодарная работа.

Наши взгляды на милитаризм вовсе не проникнуты навязчивыми идеями. Если «Указ о военно-уголовных наказаниях», изданный Шарнгорстом, гласит: «Опыт показывает, что обучение рекрутов может происходить и без побоев. У офицера, которому это кажется невыполнимым, отсутствует либо необходимый дар изложения материала, либо ясное представление о строевом обучении...», то теоретически он, конечно, был правилен, хотя практически значительно опережал свое время. Жестокое обращение с солдатами возникает из внутренней сути капиталистического милитаризма. Людской материал большей частью духовно и в еще большей мере физически не соответствует военным запросам и прежде всего маршировке на парадах. В армию все больше и больше поступает молодых людей с таким мировоззрением, которое является опасным для милитаристического духа и враждебным ему. Нужно в некотором роде вырвать у этих «парней» их прежнюю душу и втолкнуть в них новую, патриотическую и верноподданническую. Все эти задачи неразрешимы даже для искуснейших педагогов, не говоря уже о тех педагогах, какие имеются на службе у милитаризма, который и здесь должен экономить больше, чем это ему хочется.

Однако эти педагоги милитаризма не имеют никакого обеспеченного существования. Они всецело зависят от благорасположения и произвола начальства и каждую минуту должны бояться того, что их просто выбросят на мостовую, если они не станут выполнять своей главной задачи — формировать солдат, угодных милитаризму. Это обстоятельство является прекрасным средством для того, чтобы сделать весь военный начальствующий аппарат, т. е. офицеров и унтер-офицеров, необычайно послушным

орудием в руках военных властей. Разумеется, что такие начальники будут муштровать солдат с нервозной беспощадностью, руководясь при этом правилом: «если ты не сделаешь этого добровольно, то я употреблю силу», и, конечно, в характере человека употреблять, в конце концов, в грубой форме свою абсолютную власть над подчиненными, безраздельно отданными ему под начало. Очень быстро это сказалось и на новоиспеченном японском милитаризме. И здесь милитаризм оказывается между двух огней.

Конечно, не везде в одинаковой мере имеются причины для такого обращения с солдатами. Степень народного образования прежде всего оказывает здесь сильное воздействие. И не следует удивляться тому, что даже французский колониальный милитаризм благоприятно отличается в этом отношении от прусско-германского отечественного милитаризма.

Для нас, однако, именно эта форма дисциплинарного применения силы, как необходимая и заложенная в самой системе, является превосходным средством, с помощью которого можно весьма успешно бороться с милитаризмом, возбуждать против него все более широкие массы народа и вносить классовое сознание в такие круги, в которые при других условиях оно проникло бы с большим трудом или не проникло вовсе. Жестокое обращение с солдатами, поощряемое милитаристической классовой юстицией — самое раздражающее проявление буржуазного невежества; представляя собой тайную опасность для воинской дисциплины, оно остается самым действенным оружием в освободительной борьбе пролетариата. Этот грех капитализма вдвойне воздается ему самому. И как бы ни раскаивался в дальнейшем сам грешник, с искренним ли беспомощным сокрушением или в стиле Рейнеке-Лиса [38], ему не удастся вырвать у нас из рук это оружие, ибо, несмотря на пепел и рубище, этот кающийся грешник неисправим.

СТОИМОСТЬ МИЛИТАРИЗМА, ИЛИ LA DOULOUREUSE (СКОРБЬ)

Опять между двух огней

Исторический материализм — учение о диалектическом развитии — является учением об имманентной необходимости возмездия. Каждое классовое общество обречено на

самоубийство. Всякое классовое общество представляет собой силу, постоянно желающую зла и постоянно создающую добро, и даже если бы оно и не пожелало зла, оно должно было бы учинить его, ибо это зло лежит в основе его классового характера; хочет оно того или не хочет, оно должно сотворить Эдипа, которому суждено убить его, и притом в отличие от мифического фиванца это отцеубийство будет совершено вполне сознательно. Во всяком случае это верно для пролетариата, который уничтожит капиталистическое общество. Конечно, и господствующий класс капитализма мог бы со всей охотой, с полным благодушием смотреть на интересы наживы. Но этому благодушию мешает как национальная, так и международная капиталистическая конкуренция; да это и не по вкусу больше тем, из кожи которых капитализм вырезает ремни. Поэтому капитализм устанавливает насильственное господство для защиты наемного рабства, намереваясь охранить святая святых прибыли силой оружия. И если милитаризм является жизненной необходимостью для капитализма, то последний, конечно, не обращает внимания на колоссальные расходы на милитаризм, хотя до некоторой степени в глубине души они ему и неприятны. Так как теперь уже невозможно по известному рецепту Кадма сеять зубы [39], из которых затем вырастут из земли вооруженные солдаты, ему не остается ничего другого, как примириться с жадным, как Молох, милитаризмом и начать утолять его ненасытное прожорство. Насколько обременительны господствующим классам расходы на милитаризм, этому учат нас ежегодные прения в парламентах по поводу бюджета. Капитализм, выросший на прибавочной стоимости, лучше всего может открыть свои слабые стороны именно в денежном вопросе. Он пытается поставить известные пределы лишь дороговизне милитаризма, но и то постольку, поскольку расходы на него будут падать на самое буржуазию. И, конечно, мораль наживы ищет и находит себе столь же удобный, сколь и низменный выход: бо̀льшая или значительная часть тягот со своих плеч перекладывается на плечи тех слоев народа, которые не только являются слабейшими, но для подавления и угнетения которых главным образом и предназначен милитаризм. Капиталистические классы, подобно правящим классам при других системах общественного строя, используют свое насильственное господство, основываю-

щееся на эксплуатации пролетариата, еще для того, чтобы заставить сами угнетенные и эксплуатируемые классы не только ковать свои цепи, но по возможности и оплачивать их. Недостаточно того, что сынов народа делают палачами того же народа, нет, стремятся еще к тому, чтобы оплатить этих палачей средствами, добытыми потом и кровью народа. И если когда-либо и удается заметить раздражающее действие этого кровавого мошенничества, то все же капитализм ничуть не изменяет своей вере, вере в золотого тельца.

Конечно, это перекладывание военных расходов на более бедные классы уменьшает пригодность их к эксплуатации; но здесь не следует вдаваться в тонкости, и это даже способствует тому, что довольный своей эксплуатацией капитализм голосует назло Молоху милитаризма.

Милитаризм тяготеет как свинцовое бремя над всей нашей жизнью; но особенно его давление заметно в *экономической* области [40]. Он является тяжелой горой, под которой стонет наша экономическая жизнь, вампиром, сосущим ее; он на долгие годы отрывает лучшие силы народа от производства и культурной работы — в *Германии* теперь им оторвано от работы около 655 000 самых сильных и способных к производительной работе людей, большей частью в возрасте 20—22 лет. Кроме того, он вызывает безумные косвенные расходы. В *Германии* идущее гигантскими скачками увеличение военного и морского бюджета, включая колониальный бюджет, кроме дополнительных ассигнований, исчисляется на 1906/07 г. в 1 300 миллионов марок, т. е. около одного с третью миллиарда *. Издержки *других милитаристических государств* являются не меньшими **, и даже военные расходы более благословенных стран, например Северо-Американских Штатов, Англии (в 1904/05 г. на армию и флот — 1 321 миллион!), Бельгии и Швейцарии, являются столь значительными, что занимают господствующее место в государственном бюджете [42]. Направление развития повсюду стремится к безбрежному увеличению, доводящему почти до исчерпания финансовой возможности страны.

---

* В 1906 г. каждый сражавшийся в германской Юго-Западной Африке солдат обходился государству 9 500 марок в год!

** Например, во Франции в 1905 г.— 1 101 260 000 фр.! С 1870 г. Франция израсходовала на милитаристические цели (кроме колоний!) 40 миллиардов франков! [41]

Весьма показательным является следующее сопоставление, заимствуемое из «Нового руководства для солдата».

«В 1899 г. Европа имела военный бюджет в 7 миллиардов 184 321 093 франка. На военной службе состояло 4 миллиона 169 321 человек, которые, если бы они были заняты производительной работой, могли бы произвести (при расчете по 3 франка в день на человека):

12 миллионов 507 963 франка.

Далее, милитаризм обслуживало 710 342 лошади, которые, при расчете по 2 франка в день на лошадь, произвели бы работу общей стоимостью в 1 миллион 420 684 франка, что вместе с указанными выше 12 507 963 франками составляет 13 миллионов 928 647 франков.

Если умножить эту цифру на 300 дней, то мы увидим, что получилась потеря в производстве на сумму 11 миллиардов 362 миллиона 915 913 франков».

Однако с 1899 г. до 1906/07 г. в одной только Германии военный бюджет увеличился с 920 миллионов до 1 300 миллионов марок, т. е. более чем на 40%. Общая сумма военных издержек, не считая расходов на русско-японскую войну, должна была бы выразиться за год для Европы в 13 миллиардов марок в год, что составляет 13% всей мировой внешней торговли. Поистине хозяйство, приводящее к банкротству!

Подобно тому как в русских прибалтийских провинциях военное подавление революционного движения на долгое время было передано находившимся под его угрозой баронам, так и Америка даже в мирное время предоставила неограниченную возможность самим предпринимателям поддерживать капиталистический строй на их собственный страх и риск: достаточно взглянуть на агентов Пинкертона, которые прямо-таки превратились в легальное учреждение для ведения классовой борьбы. Это учреждение, как и бельгийская гражданская гвардия, имеет то преимущество, что оно смягчает некоторые побочные черты милитаризма, неприятные для самой буржуазии (грубости солдат, дороговизну содержания и т. п.) *, и, таким образом, до известной степени выбивает почву из-под ног у врагов капиталистического общества. Но этот весьма

---

* Но даже в Соединенных Штатах при общем бюджете на 1904/05 г. в 720 млн. долларов расходы на войско и флот составляли 240 млн. долларов!

приятный для пролетариата исход недоступен большинству капиталистических государств, и введение экономически гораздо менее тягостной милиции составляет для них на обозримое время внутреннюю политическую задачу. Милиция принимает на себя функцию постоянного войска и тем самым выявляет заметную тенденцию к устранению постоянной армии.

Сравним общий бюджет *Германской империи* на 1906/07 г. в сумме 2 397 324 000 марок с той частью его, которая падает на армию и флот, и мы увидим, что все остальные пункты играют лишь весьма незначительную роль, что вся система налогов, все финансовое хозяйство группируется вокруг военного бюджета, «как сонм звезд вокруг солнца».

Таким образом, милитаризм становится тесным башмаком, могильщиком даже того культурного прогресса, который сам по себе соответствует интересам нынешнего общественного порядка [43]. Школа, искусство и наука, общественная гигиена, транспорт — словом, все находится в загоне, так как для разрешения культурных задач, пользуясь известным выражением, у нас почти ничего не остается от прожорливости Молоха милитаризма. Заявление министра о том, что развитие культуры якобы не страдает от милитаризма, было одобрительно воспринято только восточноэльбскими юнкерами при их ничтожных культурных запросах, тогда как даже представители капиталистического общества в ответ на это лишь иронически улыбнулись. Цифры доказывают это. Сопоставление $1^1/_3$ миллиарда германского военного бюджета на 1906 г. со 171 миллионом, которые израсходовала Пруссия в 1906 г. на все народное образование; 420 миллионов, израсходованных в 1900 г. Австро-Венгрией на военные нужды, с 5,5 миллиона, израсходованными ею на народные школы,— достаточно в качестве примера. Недавний прусский закон о содержании школ с его мелочной регламентацией вопроса о жаловании учителей, а также пресловутый указ Штудта против улучшения содержания учителей в городах красноречивее целых томов.

Германия была бы достаточно богата для решения всех культурных задач: и чем больше выполнялись бы эти задачи, тем легче было бы ей нести эти расходы. Но на этом пути она наталкивается на барьер милитаризма. Особенно привлекают к себе внимание методы, с помощью которых

изыскиваются средства для покрытия издержек на милитаризм в Германии (во Франции дело обстоит не лучше). Милитаризм, можно сказать, является творцом и потребителем всей нашей столь тягостной и несправедливой системы косвенного обложения. Вся имперская таможенная и налоговая система, которая ведет к обнищанию массы нуждающегося населения, обязана ему своим существованием. Стоимость жизни для массы населения за период с 1900 по 1906 г. увеличилась на 10—15%. Сделано это не только в интересах юнкерства, этого паразитического класса, чье роскошное обеспечение в значительной мере базируется также на милитаризме, но и в непосредственных интересах самого милитаризма. Мы обязаны главным образом милитаризму и тем, что наши пути сообщения, строительство и усовершенствование которых удовлетворяют прежде всего интересы рассудительного капитализма, уже давно не соответствуют ни нуждам оборота, ни современной технике, а используются лишь как дойная корова в целях особого косвенного обложения населения. История последних финансовых проектов Штенгеля может открыть в этом отношении глаза и слепому. До последнего пфеннига можно рассчитать, что этот проект был вызван необходимостью заштопать 200-миллионную дыру, снова прорванную милитаризмом в имперской кассе. Самый способ обложения, затрагивающего такие предметы массового потребления, как табак, пиво и т. п., и даже пути сообщения, этот жизненный воздух капитализма, является превосходнейшей иллюстрацией к сказанному выше.

Без сомнения, милитаризм в некоторых отношениях является в тягость самому капитализму, но эта тяжесть так же прочно сидит на его спине, как таинственный колдун на плечах Синдбада-морехода. Он нуждается в нем, как государства нуждаются во время войны в шпионах или во время мира в палачах и их помощниках. Пускай он ненавидит его, он все же не может отказаться от его помощи подобно тому, как культурный христианин ненавидит грехи против евангелия и в то же самое время не может существовать, не совершая их. Милитаризм является наследственным грехом капитализма, который там или сям еще доступен улучшению, но окончательно освободить от него может только очистительное пламя социализма.

АРМИЯ КАК ОРУДИЕ ПРОТИВ ПРОЛЕТАРИАТА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ

Предварительные замечания

Выше мы видели, как милитаризм стал той осью, вокруг которой все больше вращается наша социальная, политическая и экономическая жизнь, как он становится актером, тянущим проволоку, на которой пляшут марионетки капиталистического кукольного театра. Мы видели, какой цели служит милитаризм, каким образом он стремится достигнуть этой цели и как, преследуя эту цель, он с естественной необходимостью должен произвести яд, от которого сам умрет. Мы объяснили также, какую важную роль в качестве фактора, поддерживающего государственный строй, но, к сожалению, малоуспешного, играет он, являясь школой, вбивающей определенные убеждения в умы людей, облаченных в пестрые мундиры и в штатское платье. Но этим он не ограничивается. Уже в спокойное время он проявляет свое поддерживающее государство воздействие в различных других направлениях, готовясь к тому великому дню, когда ему придется после долгого периода пребывания учеником и подмастерьем сдать экзамен на мастера, к тому дню, когда народ свободно восстанет против своих владык, ко дню великого переворота.

В этот день (наступление которого сегодня для милитаризма было бы более приятным, чем завтра, так как он надеется превратить его в день расплаты для социал-демократии за ее грехи) он начнет расстрелы, избиения и бойню, руководствуясь лозунгом — «с богом за царя и отечество». Для него идеалом явится 22 января 1905 г., кровавая майская среда 1871 г. Этому он хочет подражать. Очень хорошо похвалялся уже в апреле 1894 г. венский командир корпуса Шенфельдт во время банкета у одного буржуа: «Вы можете быть уверены, что найдете нас позади вашего фронта, когда самому существованию общества создастся опасность, когда будут угрожать честно нажитой собственности. Если буржуа придется очутиться на первой линии, то солдат поспешит к нему на помощь».

Таким образом, закованный в броню кулак постоянно поднят и готов обрушиться сокрушающим образом. Лицемерно говорят: «для обеспечения порядка», «для защиты свободы труда» — и при этом подразумевают: «для обеспечения угнетения», «для защиты эксплуатации». И если

пролетариат сильно и страстно восстает, то милитаризм стремится запугать его саблями, тот милитаризм, который в каждый момент во всеоружии стоит за каждым враждебным рабочему классу действием нашей государственной власти и оказывает ей поддержку, который в великие моменты только прячется за спину полиции и жандармерии, но всегда сознательно готов поддерживать ее в ее повседневной работе и укреплять устои капиталистического общества в упорной, мелочной борьбе. Именно эта разносторонность характеризует капиталистический милитаризм в его тонкостях.

Солдаты как конкуренты свободных рабочих

Милитаризм, являясь прислужником капитализма, прекрасно сознает это и считает одной из высших и священнейших своих задач способствовать получению капиталистами их прибылей. Он считает себя поэтому вправе и даже обязанным официально или официозно поставлять солдат в качестве рабочего скота предпринимателям, в частности юнкерам, для восполнения недостатка в рабочей силе, вызванного бесчеловечной эксплуатацией и жестокостью по отношению к сельскохозяйственным рабочим.

Солдаты, получающие отпуск для уборки урожая, представляют собой постоянное, вредное, враждебное интересам рабочих явление, которое в то же время разоблачает во всей его фальшивости и топорности мошенническое указание на чисто военную необходимость продолжительного срока службы и вызывает малоприятные воспоминания о системе, господствовавшей до кампании при Иене. Вспомним хотя бы о вызвавших много толков приказах командующих I, IV, X, и XVII армейских прусских корпусов, изданных в 1906 г. Весьма многочисленные случаи, когда солдаты привлекаются в случае сильного движения к работам на почте и на железных дорогах, являются хотя и более сложными примерами, но также относятся сюда.

Армия и штрейкбрехерство

Непосредственно милитаризм посягает на освободительные стремления рабочих в тех случаях, когда он предписывает солдатам оказывать *услуги* предпринимате-

лям по *штрейкбрехерству*. Мы напомним только об ожившем в памяти случае теперешнего главы имперского союза клеветников против социал-демократии генерал-лейтенанта фон Либерта, который уже в 1896 г. в должности простого полковника заявлял, что стачка является общественным бедствием, напоминающим пожар или наводнение, конечно, бедствием для предпринимателей, духом-покровителем и исполнителем воли которых он себя чувствовал.

В Германии особенно известен испробованный при Нюрнбергской стачке летом 1906 г. пресловутый метод включения в ряды штрейкбрехеров солдат, оканчивающих срок своей службы.

Несравненно большего внимания заслуживают три события вне Германии: широкое военное штрейкбрехерство по отношению к голландской всеобщей стачке железнодорожников в январе 1903 г., которое увенчалось законодательной отменой права на создание союзов для железнодорожников *, вмешательство в венгерскую всеобщую стачку железнодорожников в 1904 г., когда военное ведомство пошло еще дальше, удержав на службе сверх законного срока подлежавших демобилизации солдат и призвав железнодорожников и прочих технически подготовленных людей из числа запасных и ополченцев и принудив их мерами воинского воздействия приступить как штрейкбрехеров к исполнению железнодорожных обязанностей; наконец, вмешательство в провозглашенную 3 января 1907 г. в Болгарии стачку железнодорожников. Не менее важной явилась организованная в начале декабря 1906 г. борьба венгерского министра земледелия, действовавшего рука об руку с военным министром, против права коалиций и против стачки сельских рабочих, во время которой солдаты предупредительно были превращены в штрейкбрехеров — собирателей урожая.

И во Франции широко известно штрейкбрехерство при помощи солдат.

---

* Начавшаяся 30 января 1903 г. стачка победоносно закончилась 1 февраля 1903 г.; 10 марта закон, воспрещавший стачки, уже был внесен в Палату, 6 апреля разразилась всеобщая стачка, 9 апреля этот закон был вотирован, и 13 апреля всеобщая стачка закончилась неудачно. Так быстро работают жернова капитализма, когда его «Голландия находится в нужде».

Воинское воспитание систематически внедряет готовность к работе, и рабочие, уволенные с действительной службы, своей готовностью принять любую работу возлагают тяжкое бремя на спины своих классовых товарищей и тем самым становятся опасными для борющегося пролетариата. Это свойство также следует отнести к числу международных достижений милитаризма.

ПРАВО САБЛИ И ВИНТОВКИ ПРОТИВ СТАЧЕК

Предварительные замечания

Военные власти всех рангов давно уже усвоили буржуазную истину, что за всякой стачкой скрывается *гидра революции*. Поэтому армия постоянно находится начеку, чтобы расправиться с непослушными рабами предпринимателей *при помощи обнаженных сабель и огня винтовок* в том случае, когда окажется недостаточно полицейского кулака, полицейской шашки и полицейского револьвера против так называемых стачечных эксцессов. Это верно относительно всех капиталистических стран. Хотя и здесь во главе идут Италия и Австрия, все же для исторической оценки республиканской формы правления при капиталистической системе хозяйства особенно важно указать на то, что нигде, за исключением разве Англии, солдатчина не была столь ретива в подавлении стачек в интересах предпринимателей, нигде она не расправлялась столь кроваво и беспощадно, чем в таких республиканских и полуреспубликанских странах, как Бельгия и Франция, с которыми могут выдержать сравнение также и такие государства, как Швейцария и Америка. Россия в этом отношении, как и вообще на поприще жестокостей, стоит, конечно, вне конкуренции. Варварство и зверская дикость являются обычным культурным состоянием ее господствующих классов, являются естественной склонностью ее милитаризма, который буквально выкупал в крови мирных, в безграничной нужде взывавших о помощи рабочих при первых безобидных движениях пролетариата. Здесь нам не приходится указывать на отдельные факты, так как такое указание произвольно выхватывало бы лишь одно из звеньев бесконечной цепи. Царизм пролил столько же крови при подавлении самых скромных проявлений рабочего движения, сколько было пролито во всех вместе взятых других странах в ходе экономической борьбы.

Этому применению военной силы сродни деятельность колониальных армий и охранных войск против местного населения колоний, которое порой не очень охотно надевает на себя ярмо самой презренной эксплуатации и хищничества. Впрочем, углубиться и в эту область мы не имеем возможности.

Здесь тоже часто нельзя провести резкой разграничительной линии между армией в собственном смысле и жандармерией и полицией, которые работают рука об руку, взаимно восполняя и заменяя друг друга; они тесно связаны между собой уже потому, что качества, необходимые для этого,— насильственное нападение, готовность беспощадно обрушиться на народ и действовать против него оружием — и у полиции и у жандармерии являются преимущественно истинным продуктом казармы, плодом милитаристической педагогики и обучения.

Италия

Оттавио Динале подробно сообщает нам в двух поучительных статьях о случаях избиения рабочих в Италии. При этом он касается не только избиений во время стачек, но также и тех, которые имели место в связи с демонстрацией, проведенной рабочими в ходе экономической борьбы помимо стачек. Эти статьи наглядно показывают, как быстро в Италии армия приходит на помощь в таких случаях, по каким ничтожным поводам и с какой безграничной жестокостью производятся военные нападения на безоружные массы, как безразлично расстреливают и рубят уже рассеянных и бегущих людей. Автор в заключение отмечает, что в Италии ежегодно пять, шесть и даже десять раз прибегают к тому, когда «королевские пули» дробят кости итальянских рабочих. Он указывает при этом, что итальянская буржуазия, являющаяся зачинщицей этих побоищ, принадлежит к числу самых тупых и отсталых во всем мире, что в ее глазах социализм является не политическим воззрением, а скорее каким-то преступным настроением, уголовщиной, весьма опасной для общественного порядка. Автор цитирует слова статьи, опубликованной миланской газетой «Идеа либерале» на другое утро после учиненного побоища в Граммикеле: «Убитые и раненые получили то, что они заслужили, *картечь является самым драгоценным элементом цивилизации и порядка!*»

После таких слов не следует удивляться, что даже так называемое демократическое правительство, а именно правительство Джолитти, никогда не задавалось мыслью привлечь к ответственности военных за их варварские кровавые расправы. Более того, оно официально восхваляло их «за исполнение своего долга». Еще более показательным в этом отношении является то, что предложение социалистической фракции в парламенте об издании ограничительных правил пользования оружием военными чинами при массовых столкновениях было отвергнуто парламентом.

Расстрелы, имевшие место начиная с мая 1898 г., открыли глаза на классовую ситуацию даже слепым и самым близоруким оптимистам. Приблизительно полный список кровавых расправ за последние годы таков:

	Количество жертв:	
	убитых	раненых
Берра, 27 июня 1901 г.	2	10
Патуньяно, 4 мая 1902 г.	1	7
Кассано, 5 августа 1902 г.	1	3
Кандела, 8 сентября 1902 г.	5	11
Джаррантана, 13 октября 1902 г.	2	12
Пьере, 21 мая 1903 г.	3	1
Галатина, 20 апреля 1903 г.	2	1
Торре Аннунциата, 31 августа 1903 г.	7	10
Чериньола, 17 мая 1904 г. . .	3	40
Буджера, 4 сентября 1904 г.	3	10
Кастеллюцо, 11 сентября 1904 г.	1	12
Сестри Поненте, 15 сентября 1904 г.	2	2
Фоджиа, 18 апреля 1905 г. . . .	7	20
Ст. Эльпидио, 15 мая 1905 г. . .	4	2
Граммикеле, 16 августа 1905 г. . .	18	20
Муро, 23 марта 1906 г.	2	4
Скарано, 21 марта 1906 г.	1	9
Калинера, 30 апреля 1906 г.	2	3
Турин, 4 апреля 1906 г.	1	6
Кальяри, 12 мая 1906 г.	2	7
Небида, 21 мая 1906 г.	1	1
Соннеца, 21 мая 1906 г.	6	6
Бенвентаре, 24 мая 1906 г. . . .	2	2

Итого 23 избиения с 78 убитыми и 199 ранеными! Прекрасная жатва!

Число военных акций, прошедших без кровопролития, направленных против бастующих или вообще демонстрирующих по экономическим причинам рабочих и «крестьян», имевших место в Италии, не поддается исчисле-

нию. Эти «упражнения» составляют просто хлеб насущный для армии, находящейся по ту сторону Альп.

Именно в этом месте следует упомянуть, что, по свидетельству Эрве, избиения бастующих рабочих и крестьян *в Испании*, в пределах которой раньше не заходило солнце, а теперь не желает и восходить, так же мало поддаются исчислению, как и в Италии.

Австро-Венгрия

В черно-желтой дуалистической монархии, как хорошо известно, дела обстоят немногим лучше. Социалистический депутат Дашинский с полным правом мог заявить в австрийском парламенте 25 сентября 1903 г.: «При стачках, при демонстрациях народа совершенно так же, как при возбуждении национальных страстей, всегда именно армия направляет свои штыки против народа, против рабочих и крестьян». Он мог подчеркнуть, углубившись в политическую область: «Мы живем в государстве, в котором армия даже во время мира является единственным цементом, соединяющим столь разнородные элементы». Он указал на происшествия 1897 г. в Граце и на кровь, пролитую в Граслице. При ниспровержении Бадени, как известно, в ноябрьские дни 1897 г. в Вене, Граце и Будапеште войска устроили кровавую расправу. Частые избиения рабочих, в особенности в Галиции (здесь достаточно упомянуть происшедшие в 1902 г. в Буровиках и в Убинье (Камионка) кровавые избиения сельскохозяйственных рабочих), еще свежи у всех в памяти, равно как и кровавые происшествия в Фалькенау, Нюршау и Острау, которые, конечно, должны быть отнесены на счет жандармерии, этого специального войска, посвященного поддержанию внутреннего порядка и находящегося под командой частью военных, частью гражданских административных органов, однако подчиненного чисто воинской дисциплине. Во время триестской всеобщей стачки в феврале 1902 г. дело также дошло до столкновения с армией, причем десять человек было убито и ранено. Происшествия при стачке каменщиков во Львове в 1902 г. и во время примкнувших к ней политических демонстраций, когда гусары топтали толпу и стреляли в нее, убив пять человек, также заслуживают упоминания. Чисто националистическое восстание в Иннсбруке в 1905 г. лежит вне пределов нашей темы.

В Венгрии крупные выступления военной власти против народа являлись частыми до последних лет, так как и здесь жандармерия постоянно «полностью и до конца» выполняла свой «долг». Укажем для примера беспорядки на Пуста-Тамаси, когда жандармы без всякой причины стреляли в мирных сельскохозяйственных рабочих. Еще об одном случае совсем недавнего времени следует упомянуть, именно о сражении, разыгравшемся 2 сентября 1906 г. в местечке Гуньяд, где военная власть прямо неистово избивала бастующих горнорабочих Петросенских копей. Многие были тогда тяжело ранены, из них двое смертельно, а 150 человек получили легкие повреждения.

О стычках и столкновениях армии с рабочими, происходящих во время *политической* борьбы пролетариата Габсбургской двуединой монархии, мы поговорим в другом месте.

Дашинский в своей уже упомянутой нами речи выставил требование, чтобы *«штыки не вмешивались в политику»*. Но с того времени, как известно, они стали еще более энергично использоваться в политике.

Бельгия

В *Бельгии* избиения рабочих имеют длинную историю. Важными являются события 1867 и 1868 гг. уже вследствие вмешательства Интернационала. Движение началось с так называемых голодных беспорядков в Маршьене в 1867 г., когда безоружные ряды демонстрантов-рабочих подверглись нападению со стороны роты солдат и были рассеяны ею. В марте 1868 г. последовала бойня в Шарлеруа и в 1869 г. позорные избиения в Серанге и Боринаже.

Бойня в Шарлеруа, устроенная войском и жандармерией рабочим-углекопам, доведенным до крайнего отчаяния вследствие ограничения льгот и сокращения заработной платы, послужила тогда для Интернационала поводом к живой агитации в Бельгии и легла в основу воззвания Генерального совета, что ознаменовалось значительным организационным успехом для Интернационала.

Во время так называемых голодных бунтов 1886 г., когда кроме экономических вопросов известную, хотя и смутную, роль играло также и требование всеобщего избирательного права, повторились снова сцены шестидесятых годов. Генерал барон Бандерсмиссен издал 3 апреля 1886 г.

свой пресловутый, осужденный позднее даже парламентом, циркуляр, который цинично предписывал: «Оружие должно быть пущено в ход без всякого предупреждения». Результатом этого явились неслыханные жертвы. В одном только Ру было убито 16 рабочих. Сверх того, классовая юстиция наложила на это дело свою печать многочисленными тяжкими осуждениями рабочих. С 1886 г. по 1902 г. в Бельгии не происходило почти ни одной стачки без военного вмешательства. За эти годы одних убитых насчитывается 80 человек. Во время всеобщей стачки 1893 г., которую следует упомянуть здесь, несмотря на ее преимущественно политический характер, на месте, где проводился митинг, остались многочисленные трупы. Названия городов Вервье, Ру, Ла-Лувьера, Жемаппа, Остенде, Боргергаута, Монса выжжены огненными буквами в памяти сознательного бельгийского пролетариата. Они представляют собой кровавые страницы в толстой книге преступлений бельгийского капитализма. В 1902 г. постоянная армия с привлечением находящихся в запасе была в последний раз мобилизована против всеобщей стачки. Неблагоприятные сведения, полученные министерством о настроении умов и чувств солдат (они подтвердились, как только солдатские отряды были посланы для усмирения: солдаты не скрывали своих революционных симпатий, пели «Марсельезу», освистывали своих офицеров и т. п.), побудили к тому, чтобы больше не посылать солдат постоянной армии для выполнения подобных поручений. Была отменена также часто раньше практиковавшаяся посылка фламандских солдат в валлонские области и наоборот. С 1902 г. пролетарские солдаты в Бельгии передали, как указано выше, почетную роль быть «дворовыми псами» капитала, «летучей стражей у денежного ящика предпринимателей» — жандармерии и гражданской гвардии, по крайней мере, поскольку речь идет о внутреннем милитаризме. Буржуазия сама должна позаботиться об охране своей священной привилегии эксплуатировать других и пожертвовать своей собственной шкурой, если о таковой можно говорить, имея в виду невооруженные массы народа. Эта гражданская гвардия, как мы отметили в другом месте, превосходно действует в борьбе против внутреннего врага.

Во Франции история классовой борьбы также написана потоками крови. Здесь нам не придется воскрешать в памяти ни гекатомб трехдневной июльской битвы 1830 г., ни 10 000 трупов, оставшихся после уличных боев 23—26 июня 1848 г., этой палаческой работы Кавеньяка, ни 1 декабря 1851 г. Наполеона «Малого», ни моря крови тех 28 000 героев, в котором французская буржуазия в качестве мстительницы разъяренного капитализма старалась, устроив массовое избиение, потопить в красную майскую неделю 1871 г. Коммуну, это восстание рабов капитализма, ни Пер-Лашез и Стену федератов, этих трагических памятников несравненного героизма. Эти в высшей степени революционные события, во время которых милитаризм творил свое отвратительное дело, выходят за рамки нашего исторического рассмотрения.

Геройские деяния армии против безоружных бастующих рабочих начинаются еще раньше. Так называемое «восстание» прядильщиков шелка в Лионе, на знамени которых были написаны знаменитые трогательные слова: «Жить работая или умереть сражаясь», началось в ноябре 1831 г. стрельбой в мирных демонстрантов; возмущенные рабочие одержали верх после двухдневной борьбы на улицах города; национальная гвардия браталась с ними, но войска вскоре снова вторглись в город без боя. Во время империи города Рикамари, Сен-Обен и Деказвиль явились дебютом для выступлений буржуазных республиканцев. Тогда буржуазные республиканцы самым горячим образом противились посылке солдат в области, охваченные стачками. Но едва только эти республиканцы сами добились политического господства, как они снова начали практиковать только что заклейменный ими метод бонапартизма и скоро даже превзошли свой образчик. И только тогда, когда виновным являлся клерикал или монархист, они из политического расчета находили для него слова порицания. В Фурмье была застрелена молодая девушка Мария Блондо, получившая кровавое крещение от нового режима. В течение одного дня 1 мая 1891 г. 145 линейным полком было убито 10 и ранено 35 человек. Но устроившие бойню при Фурмье Констан и его подручный капитан Шапюи не остались в одиночестве. За Фурмье последовал в 1899 г. Шалон, в 1900 — ла Мартиник, далее Лонгви, где офицеры закрепили франко-рус-

ский союз применением нагаек, наконец, в мае и июне 1905 г.— Вильфранш и, конечно, Лимож с атакой конницы и стрельбой в народ 17 апреля 1905 г. В декабре 1905 г. разыгралась драма в Комбре, а 20 января 1907 г. воскресные демонстрации были насильственно разогнаны на парижских улицах по требованию военных властей. Не следует, однако, забывать и о рудниках Дюнкирхена, Крезо и Монсо, где, по сообщению представителей Генеральной Конфедерации труда на международной конференции в Дублине, солдаты заявили о своей солидарности с бастующими.

Правильны слова Мелье, сказанные им во время недавнего крупного процесса антимилитаристов: «Со времени убийства юной Марии Блондо в Фурмье рабочий класс пережил во Франции длинный ряд мученических жертв». Ничто не могло быстрее привести к абсурду иллюзию о возможности мирного развития, как тот факт, что именно сильный подъем антиклерикальных и республиканских настроений и действий, проявившийся во Франции последнего десятилетия, во Франции Мильерана, не только не привел к уменьшению, но, напротив, вызвал увеличение военных карательных экспедиций против стачечников. И новое радикально-демократическое министерство Клемансо, в котором участвуют два социалиста, не произвело какой-либо перемены в этой области. Метко заметил Лафарг относительно Франции: «Современные армии, поскольку они не заняты грабежом в колониях, служат исключительно для охраны капиталистической собственности».

Соединенные Штаты Америки

«Тон уравнения в правах», на который настроена общественная и публичная жизнь в Соединенных Штатах, легко мирится с «тоном» капитализма, и здесь прибегающего к щелканью винтовочных затворов и визгу сабель, на которые ему приходится опираться в борьбе против пролетариата. Приводимые ниже данные весьма поучительны по своему острому значению для системы военного рекрутирования, размещения и подготовки войск к использованию их против «внутреннего врага». Они весьма своеобразны, благодаря часто встречающемуся, вытекающему из особых условий американской жизни, относительно хорошему вооружению рабочих.

И здесь, как в Бельгии, имелся свой период избиения рабочих, связанный с движением среди безработных. 13 января 1874 г. в Нью-Йорке сильный отряд полиции без всякого предупреждения напал на толпу демонстрировавших безработных. Сотни тяжело раненых рабочих остались на поле сражения на площади Томпкинса.

Затем последовали драматические события во время стачки железнодорожников в июле 1877 г. Против бастующих рабочих Балтиморской и Огайской железной дороги губернатором были высланы многочисленные роты милиции штата, которые оказались слишком слабыми. Посланные им на помощь президентом Хейсом 250 человек регулярных войск не добились лучшего результата. В Мэриленде было убито десять человек и еще больше ранено милиционными войсками, действовавшими огнестрельным оружием. В Питтсбурге созванная шерифом местная милиция отказалась выступить. Была применена старая уловка перемещения. 600 милиционеров из Филадельфии вступили с бастующими в недолгую, горячую схватку, но были разбиты толпой и должны были бежать на следующее утро. Созванная в Рединге и в Пенсильвании против бастующих милиция состояла главным образом из рабочих, которые братались со стачечниками, делились с ними своим оружием и угрожали расправиться со всеми враждебными им милиционерами. Все же одна рота, навербованная почти исключительно из имущих классов и руководимая отважным офицером, открыла огонь против толпы, убила 13 человек и ранила 22. Роте не прошел даром ее геройский поступок: вскоре она должна была в потрепанном виде очистить поле сражения. В Сен-Луи, находившемся в течение некоторого времени в руках бастующих, «порядок» был водворен только после того, как в дело была пущена вся полиция совместно с несколькими ротами милиционеров, после формальной осады главной квартиры исполнительного комитета.

Ужасы, разразившиеся в мае 1886 г. в Чикаго, должны быть отнесены на счет агентов Пинкертона и полицейских отрядов. Фабрикант швейных машин м-р Кормик выпустил своих 300 вооруженных агентов Пинкертона против стачечников, будто бы для защиты «желающих работать» и тем самым дал повод для кровавых атак полицейских, которые набросились на мужчин, женщин и детей, убили шестерых и многих ранили. Это происходило

3 мая. 4 мая последовал известный взрыв начиненной динамитом бомбы, повлекший за собою горячее уличное сражение, в котором было убито 4 рабочих и около 50 ранено, в то время как из числа полицейских 7 нашли смерть и 60 получили тяжкие повреждения. Жестокая судебная расправа, последовавшая за событиями 4 мая 1886 г., в которой демократическая классовая юстиция Америки проявила себя во всем блеске, является общеизвестным фактом.

Более подробного рассмотрения заслуживают события 1892—1894 гг. Сначала, в июле 1892 г., ожесточенные схватки разыгрались во время стачки на железоделательных и сталелитейных заводах Карнеджи в Гомстеде между приглашенными предпринимателем вооруженными агентами Пинкертона и стачечниками, причем оказалось 12 убитых и 20 тяжело раненых; агенты Пинкертона были разбиты. Только правительственным войскам удалось одержать верх над бастующими посредством оккупации города и объявления осадного положения. Почти одновременно с этим в Кер д'Ален (Идаго) разразилась стачка горнорабочих; милиция, состоявшая лишь из 100 человек, оказалась не в состоянии вмешаться в борьбу между бастующими и противниками забастовки, так как бастующие были хорошо вооружены. Только войска, вызванные губернатором, смогли усмирить стачечников.

В Буффало в августе 1892 г. забастовали стрелочники. Местная милиция, созванная в самом начале стачки, очевидно, не была склонна разгонять пикеты, выставленные бастующими. Наконец, шериф решился просить губернатора о присылке войск, после чего в течение 48 часов явилась чуть ли не вся милиция штата, в двадцать раз превосходящая по численности бастовавших рабочих, и водворила «порядок».

В том же самом месяце стачки, происшедшие в железных рудниках в Инмане, в угольных копях в Оливер-Спрингсе и в Крике, также явились поводом для сосредоточения всей милиции штата по приказу губернатора, после того как отдельные отряды местных милиционеров были разоружены стачечниками и отпущены по домам. И здесь после подавления стачек происходили беспощадные акты классовой юстиции.

Наконец, следует упомянуть о чикагской Пульмановской стачке 1894 г., на подавление которой, несмотря на

протест Альтгельда, губернатора Иллинойса, президент Соединенных Штатов прислал федеральные войска. Эти войска совместно с милицией штата разбили стачечников, причем было 12 убитых. Здесь еще теснее, чем в предшествующих случаях, юстиция работала рука об руку с милитаризмом и своими приказами о прекращении стачки и массовыми арестами столь сильно способствовала подавлению стачки, что руководитель стачки Деббс засвидетельствовал: «Не железные дороги и не армия разбили нас, а власть судов Соединенных Штатов».

Все же остается правильным положение о том, несмотря на частый отказ в повиновении со стороны милиции и на частое обладание стачечниками оружием, поражение рабочих во всех упомянутых случаях было осуществлено при помощи военной силы. И в будущем, вероятно, стачки в Америке будут подавляться «в большинстве случаев при помощи местной полиции, милиции штата или союзных войск», а в случае нужды — и при поддержке «судебных запретительных приказов». По несколько пессимистическому заявлению Хилквита, почти все без исключения стачки заканчивались такого рода поражением рабочих.

Канада

«Свободная» земля Канады была орошена 24 ноября 1906 г. в Гамильтоне кровью рабочих. При столкновении с бастующими железнодорожниками милиция ранила 50 человек, часть из них — тяжело.

Швейцария

Синодик прегрешений Швейцарии в этой области поистине велик. Уже в 1869 г. женевское правительство направило против бастующих рабочих кроме полиции также и милицию. В том же году правительство кантона Ваад вызвало с маневров по телеграфу батальон войск, снабдило его боевыми патронами и заставило со штыками на перевес вступить в город, в котором рабочими была начата стачка. В том же 1869 г. базельское правительство расставило пикеты войск, когда шелкопряды объявили стачку для улучшения своего жалкого положения; когда в том же году в Шо-де-Фон разразилась стачка граверов и ножовщиков, новое буржуазное правительство приобрело

оружие и амуницию для того, чтобы в случае нужды мобилизовать милицию.

В 1875 г. дело дошло до кровопролития. Против 2000 бастующих рабочих Сен-Готардского туннеля, выступивших главным образом против бесстыдной системы, по которой с рабочими расплачиваются товаром, правительство кантона Ури, получившее от заинтересованных предпринимателей за это 20 000 франков, мобилизовало милицию. Жертвами отважной атаки на поле классовой борьбы пало несколько человек, а 15 было ранено. Кровь была пролита и в 1901 г. двумя ротами, призванными правительством кантона Валлис против стачечников в Симплоне. Несколько рабочих получили при этом тяжелые ранения. В том же году в Тессине против бастующих итальянских каменщиков были двинуты две роты. В октябре 1902 г. в Женеве разыгрались известные события, когда объявившие стачку против американского общества эксплуататоров рабочие были разбиты и рассеяны по приказу женевского правительства. Так как некоторые милиционеры при этом отказались исполнить свою полицейскую службу, они были заключены в тюрьму и лишены гражданских прав. Следует упомянуть, что в этом случае даже не призванная к оружию значительная часть буржуазии стала сама вооружаться для нападения на рабочих. В то же самое время в Базеле была мобилизована милиция для борьбы со стачечниками. В 1904 г. подрядчики в Шо-де-Фоне призвали на помощь военную силу против стачки строительных рабочих, ведших себя совершенно спокойно, несмотря на многочисленные провокации со стороны подрядчиков. Прибывшая кавалерия и батальон пехоты одним своим появлением рассеяли борющихся за свои законные права пролетариев, загнав их опять под ярмо фабрикантов. В 1904 г. в Рикене (кантон Сен-Галлен) также пригласили милицию против стачечников, якобы для охраны находящихся под угрозой посевов овощей и фруктов. Сен-Галлен послал свою милицию в Роршах, где из-за споров по поводу заработной платы в принадлежащих французским предпринимателям чугунолитейных мастерских собралась возбужденная толпа, разбившая пару оконных стекол. Весьма серьезным был случай, разыгравшийся летом 1906 г. в Цюрихе. После многочисленных стачек с целью добиться повышения заработной платы, ввиду значительно возросшей дороговизны, там выступили

по тем же мотивам и строительные рабочие. Без всякого основания милиция набросилась на бастующих рабочих, стала избивать их самым бесчеловечным образом, затащила в казармы иностранных рабочих и, подстрекаемая при этом офицерами, отхлестала их нагайками. Но и этим она не удовольствовалась: были запрещены стачечные посты, всякие демонстративные шествия по улицам. Запрос в большом совете по поводу этих позорных фактов сначала был положен в долгий ящик и затем просто похоронен буржуазным большинством. Более того, шестеро руководителей забастовщиков были привлечены к уголовной ответственности и 24 августа 1906 г. предстали перед судом, причем пятеро были оправданы, а Зигг за мнимое подстрекательство к мятежу, проявившееся в виде распространения среди милиции антимилитаристской листовки, призывавшей их к неповиновению, был приговорен к восьми месяцам тюрьмы и лишению на год активных гражданских прав.

Большего, конечно, нельзя и требовать от буржуазной республики и от милиции.

Эти данные выглядят в новом свете благодаря упомянутому уже в другой связи факту, что в 1899 г. было отобрано оружие у не состоящих на действительной военной службе швейцарских граждан. Как видно, это произошло вовремя, чтобы облегчить применение милиции в интересах предпринимателей при обострившейся классовой борьбе.

21 декабря 1906 г. Национальный Совет большинством в 65 голосов против 55 внес в закон о новой военной реорганизации изменение, по которому при конфликтах экономического характера, «нарушающих спокойствие внутри или угрожающих ему», могут быть призваны войска, но, конечно, только для целей *«поддержания общественного порядка»*. В целом закон был принят 105 голосами против 4. Без сомнения, это постановление узаконивало существовавшее и раньше положение о вмешательстве военных властей. В этом, и именно в этом его значение, показателем чего является значительное меньшинство, высказавшееся против него.

Норвегия

Свободная Норвегия, проведшая у себя летом 1905 г. самую мирную революцию во всемирной истории [44], а затем

для своего собственного удовольствия опять поставившая во главе страны монарха, плывет, несмотря на всю присущую ей крестьянскую романтику, в фарватере капиталистических государств. Применение воинской силы против бастующих рабочих и в этой стране крестьянской демократии не является редкостью. Статья в «Тивенде орхундреде» от 1 мая 1903 г. сообщает, что в одном только 1902 г. имели место два таких случая — в Далене и в Тромсе.

Германия

Мы до сих пор оставляли в стороне Германию. Именно в Германии применение военной силы в экономической борьбе не вошло в обиход. По крайней мере, трудно указать здесь случаи активного вмешательства армии. Исключение составляют волнения среди ткачей в 1847 г., во время которых прусская пехота убила 11 человек и ранила 24 этих несчастных до крови замученных пролетариев, причем классовая юстиция закрепила эту расправу целой серией приговоров, присуждавших к каторжным работам; и стачка горнорабочих 1889 г., когда вызванные 10 мая обер-президентом Гагемейстером войска оставили 3 убитых и 4 раненых у копей Мольтке и 2 убитых и 5 раненых в Бохуме *. Во время беспорядков среди безработных в Берлине, происходивших в феврале 1892 г., воинские власти не вмешивались, хотя, по достоверным сведениям, берлинские войска были уже готовы к действию 18 января 1894 г., как только распространились слухи о том, что безработные собираются устроить демонстрацию перед берлинским императорским дворцом.

Эта воинская «умеренность» находит, однако, свое объяснение не в особо кротком и справедливом образе мыслей наших правящих кругов. Напротив того! В интересах предпринимателей Германия обладает превосходной, организованной и сильной полицией и жандармерией. Германия не напрасно называется полицейским государством.

---

* Германский император заявил 19 мая 1889 г. императорской депутации: «Я замечаю, что в движение вмешиваются социал-демократические элементы, которые побуждают к незаконному сопротивлению. Поэтому я поступлю со всей строгостью и употреблю всю силу, имеющуюся в моем распоряжении». По словам газеты свободомыслящих, он прибавил еще: *«При малейшем сопротивлении* против властей я *прикажу стрелять в толпу»*.

Прекрасно вооруженная полиция и прекрасно вооруженная жандармерия вполне справляются здесь с теми функциями, которые в других странах предоставляются военной силе; она умеет лучше приспособляться к разнообразным положениям момента, чем менее подвижной и неуклюжий механизм действующей армии. Число кровавых конфликтов между стачечниками и полицией или жандармерией в Германии является достаточно большим. Берлинская стачка трамвайных служащих 1900 г. и так называемый Бреславльский мятеж 1906 г. отнюдь не являются исключениями. Отсеченная рука Бивальда является особенно ярким показателем ослепленно-яростной дерзости полицейского нападения, этого продукта воинской школы. Его рука находится в хорошем обществе многочисленных раскроенных черепов, отрубленных ушей, носов, пальцев и других органов тела, и это хорошее общество быстро увеличивается. Число кровавых жертв вооруженной силы государства при стачках в Германии вряд ли окажется менее значительным, чем в других государствах; но даже приблизительные подсчеты их оказываются, конечно, невозможными, так как телесные повреждения, полученные при столкновениях с полицией, к сожалению, не регистрировались и на них не обращалось достаточного внимания. Но если бы даже число таких жертв в Германии являлось меньшим, чем в других странах, то это следует приписать не доброй или гуманной воле предпринимателей и не капиталистическому государству. Яснее всего это доказывается тем фактом, что вызов солдат и военные приготовления при больших стачках и у нас являются обычным делом. Самый наглядный пример такого рода представляет собой большая стачка рурских горнорабочих, длившаяся с 8 января по 10 февраля 1905 г. Успех ее следует приписать исключительно обдуманности, умеренности и строгой дисциплине, выдержанности и просвещенности германских рабочих. И мы нисколько не сомневаемся в том, что, например, прусское или саксонское правительство нисколько не задумалось бы над тем, чтобы при первом удобном случае барабанами и трубами, винтовками и шашками или пушками поддержать предпринимателей в экономической борьбе.

При стремлении милитаризма поддержать и расширить милитаристические тенденции посредством военных союзов для лиц, окончивших действительную военную службу, становится вполне понятным, почему военные союзы вмешиваются порой в стачки. Конечно, они не в состоянии насильственно подавить экономическую борьбу рабочих, но их можно охарактеризовать как самой судьбою предназначенных быть организацией штрейкбрехеров. По крайней мере, членов этих союзов легко завербовать для этой цели. И только то обстоятельство, что в их среде, несмотря на все принятые меры предосторожности, встречается известный процент оппозиционных, даже социал-демократических элементов, и в связи с тем, что при конфликтах между предпринимателями и рабочими скорее всего выходят из себя и проникаются пониманием классовой борьбы и своего классового положения именно смирные, как ягнята, мало сознательные рабочие и что в этих случаях начинают негодовать даже христианские и либеральные рабочие организации, только в связи со всеми этими фактами сдерживается использование в классовых конфликтах военных союзов. В этом отношении большой интерес представляет собой дискуссия, происходившая в июне 1906 г. в Остгейме на съезде делегатов военного союза великого Саксонско-Веймарского герцогства. Эта дискуссия развернулась в связи с положением, принятым этим съездом, по которому на каждого члена союза возлагалась обязанность представлять к исключению таких членов, которые явятся сторонниками противоправительственных партий, в особенности социал-демократии. В результате обнаружилось, что съезд считает противогосударственными и революционными хотя и не всякие стачки, но во всяком случае такие, которые происходят в нарушение «верности императору, князю и отечеству». И так как от важных господ, которые играют в военных союзах роль первой скрипки, будет зависеть провозгласить, когда и где такая верность будет затронута при стачке, и так как эти господа, подобно нашей полиции и нашей юстиции, привыкли слишком часто всякую стачку, затрагивающую их личные, порою самые интимные интересы, рассматривать как результат социал-демократических махинаций, то здесь можно рассчитывать на плодотворную работу военных союзов. Впрочем, она будет

плодотворной не столько для предпринимателей, сколько для социал-демократии, для которой нет ничего более приятного, как такое неуклюжее и нелепое решение, служащее только для просвещения рабочих и для ослабления военных союзов. Все чаще военные союзы исключают не только социал-демократов, но и тех членов, которые стоят на почве современного профессионального движения рабочих. Нет сомнения, что этим самым они на время создают в маленьких местечках некоторые затруднения для профессиональных организаций, ибо эти военные союзы привлекают в свои ряды новых членов не только с помощью шумихи и мишуры, но также и некоторыми иногда весьма значительными подачками и материальными преимуществами.

Стремления военных союзов энергично поддерживаются классовой юстицией и администрацией, которые имеют комическое мужество рассматривать их как неполитические организации, несмотря на то, что их политически-агитационный характер выступает во всем. В этом состоят те вспомогательные услуги, которые эти органы капиталистического государства должны оказывать милитаризму из солидарности и в интересах достижения общей им цели — защиты капиталистического общественного порядка.

АРМИЯ КАК ОРУДИЕ ПРОТИВ ПРОЛЕТАРИАТА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ, ИЛИ ПРАВО ПУШЕК

Венцом классовой борьбы, ее самой концентрированной формой является политическая борьба, подобно тому как венцом и самой концентрированной формой услуг, оказываемых милитаризмом, этой самой резкой концентрацией политической силы, является его прямое или косвенное вмешательство в политическую борьбу. Здесь милитаризм выступает прежде всего как экономическая сила, как производитель и как потребитель. Беспощадное устранение всех социал-демократов или даже заподозренных в сочувствии социал-демократии из всех военных мастерских, как, например, в Шпандау, бесцеремонная передача всех подверженных влиянию милитаризма рабочих реакционным партиям, в особенности Имперскому союзу для борьбы с социал-демократией, этой черной сотне Германии, герметическое изолирование их от всякого, даже малейшего соприкосновения с социал-демократией — все это показы-

вает, как хорошо милитаризм понимает свою главную задачу — защиту предпринимателей, и как он выполняет ее с военной пунктуальностью. Никакой Крупп или Штумм не может соперничать с милитаризмом, превосходящим в этом отношении даже тех, чьи интересы он представляет. Например, в военных мастерских в Шпандау Имперский союз ведет борьбу против социал-демократии настолько активно, что даже принимает на себя роль надсмотрщика над благонадежностью любого рабочего, и от его слова и его воли зависит вопрос об увольнении рабочих. Это обнаружилось летом 1906 г. при роспуске президиума одного малозаметного союза необученных рабочих военных мастерских.

Значительное, правда, уже постепенно сокращающееся влияние оказывает местный бойкот военными тех содержателей кабачков и трактиров, у которых собираются члены рабочих союзов или вообще кто-либо имеющий хотя бы самое отдаленное отношение к социал-демократии. Этот бойкот сразу убивает двух зайцев. Он охраняет солдат от возможности соприкосновения с ядом революционности, что является правилом вышеуказанной милитаристической педагогики. Кроме того, он затрудняет рабочим возможность найти себе помещение для собраний. Если, например, в Берлине этот бойкот оказался уже невыполнимым и потому почти совершенно отпал, то наши товарищи в маленьких местечках еще очень страдают от него, и от этого, конечно, не мало ущерба терпит экономическая борьба пролетариата.

Но это еще самые малые из грехов милитаризма. Милитаризм не довольствуется тем, чтобы в *повседневной политической борьбе* с упорством и настойчивостью преследовать свои мелочные интересы. Его честолюбие идет гораздо дальше. Он является самой выдающейся и мощной опорой трона и алтаря во всех великих и величайших, тяжелых и тягчайших конфликтах капиталистической реакции с революцией, подобно тому, как и в прежних революционных движениях крупного масштаба он постоянно бросал свой меч на чашу весов. Здесь достаточно только кратких указаний. Мы уже говорили о тех *жестоких* лаврах, которыми увенчал себя капиталистический милитаризм в борьбе с парижскими рабочими в июле 1830 г., в июне 1848 г. и в мае 1871 г. Мы говорили также о провокационном выступлении Наполеона «Малого»

2 декабря 1852 г. Избиения чартистов в Ньюпорте и Бирмингеме в 1839 г., когда оказалось 10 убитых и 50 раненых, заслуживают особого упоминания в особенности потому, что они имели место в Англии: «И ты, мой сын Брут!» [45]. Вся Россия за последние два года в целях защиты царского варварства и кнута и подавления освободительного движения объявлена на военном положении и стала жертвой кулачного права, плетей, сабель, винтовок и пушек военщины. Военщина стремится превратить эту несчастную страну в поле, усеянное трупами. Однако ход революционного развития и находящееся в соответствии с ростом революционных сил разложение армии служат надежной гарантией того, что такое «христианское» и вместе с тем самоубийственное намерение не осуществится.

Важную роль играла постоянная армия в период первой крупной избирательной кампании в Бельгии. В период второй избирательной кампании в 1902 г. не менее важную роль в Бельгии играла гражданская гвардия, эта специальная милитаристическая организация для ведения классовой борьбы. Австрия в период избирательной кампании 1905 г., не говоря уже о вмешательстве армии в демонстрацию рабочих в Венском Пратере 1 мая, а также о событиях в Праге, Вене и Глатце (1897 г.), во Львове и Триесте (1902 г.), дает нам второй блестящий пример милитаристско-политического выступления крупного масштаба. При этом особую известность приобрела Богемия, ставшая театром подлинной гражданской войны. 5 и 28 ноября 1905 г., в дни демонстраций в связи с выборами, Прага, где в то время происходила также стачка горнорабочих, была наводнена и оцеплена солдатами; окружающие Прагу высоты были заняты готовой к стрельбе артиллерией; полицией было ранено около 80 человек.

Относящиеся к данному вопросу события в Италии уже рассмотрены нами в другом месте.

Перейдем теперь к Германии, к той Германии, верховный военачальник которой, своеобразно интерпретируя в преломлении к солдату четвертую заповедь, высказал известные всему миру слова, которые стали самым действенным оружием в постоянном арсенале антимилитаристической пропаганды всех стран. Эти слова были произнесены им не только в день празднования Седана в 1895 г. на парадном обеде у гвардейцев в известной

речи, направленной против «горсточки людей», но повторно сказаны и 28 марта 1901 г. в известном воззвании к своим александрийцам [46]. Для пролетариата, этой единственной непрогнившей опоры «конституции», предназначались вооружения и путчи Врангеля, при помощи которых была низвергнута в 1848—1849 гг. почти целиком преданная буржуазией и оставленная ею на произвол судьбы немецкая революция. Обидно, что в результате у нее было отнято право называться первой революцией. Вспомним затем боен-лотцевскую аферу в сентябре 1870 г. и кровожадные замыслы блаженной памяти Бисмарка и Путткамера. Во времена позорного закона о социалистах [47] эти герои XIX в. намечали и уже предвкушали массовое избиение, расстрелы и кромсание саблями заманенного на улицу пролетариата. Применение вооруженных сил во время майских празднеств и выборов в рейхстаг мы хорошо помним и по сей день, равно как события во время саксонского избирательного грабежа 1896 г., а также участие саксонских войск в «умиротворении» саксонского населения в 1905—1906 гг. В Гамбурге, в «красную среду», во время предвыборных демонстраций в ноябре 1905 г., войсковые части, составленные из уроженцев этого города, играли второстепенную роль, здесь оказалось достаточно полицейских сабель и револьверов. Плод их работы — два трупа, украсивших мостовую свободного ганзейского города.

События 21 января 1906 г. показали армию, этот оплот капитализма, в ее полной красе. Тот, кто видел в этот день в тиши «святого» воскресенья расставленные на мостовой Берлина пушки — имел возможность заглянуть в глубину души милитаризма. Гул этих пушек до сих пор еще звучит у нас в ушах и зовет к борьбе с милитаризмом, требуя неустанной выдержки и решительной беспощадности в этой борьбе.

21 января 1906 г. проводилась демонстрация против позорной прусской системы трехклассных выборов [48]. А ведь мы знаем, что у нашего милитаризма сабли и винтовки наготове, если он думает о государственном перевороте с целью изменить в реакционном направлении имперскую конституцию. Недавние разоблачения Гогенлоэ и Дельбрюка показали, что Бисмарк уже в 1890 г. был готов разогнать рейхстаг, грабительски отнять у народа всеобщее избирательное право, спровоцировать массы пролетариев

выйти на улицы под дула ружей и пушек, сокрушить социал-демократию, разбив ее безоружные ряды, а на искромсанных трупах пролетариев создать железом и кровью принудительный режим бисмарко-юнкеровской реакции. Мы слышали также, что германский император не имел ничего общего с этим планом, так как он хотел прежде всего «удовлетворить обоснованные жалобы рабочих и сделать для них по возможности все», «чтобы выполнить их обоснованные требования». Мы знаем, что по вопросу о том, какие именно требования рабочих являются обоснованными, рабочий класс и господствующие классы придерживались совершенно различных мнений; что наступление на всеобщее избирательное право, к числу ревностных противников которого, как разоблачили мемуары Гогенлоэ, принадлежал также экс-коммунист Миккель, продолжается со все возрастающей силой, по крайней мере, со стороны очень влиятельных северно-немецких кругов. Таким образом, опасность решения социального вопроса «военным путем», при помощи ружей небольшого калибра и крупнокалиберных пушек в настоящее время является более близкой, чем когда-либо. Если это приведет к недавно провозглашенному назначению начальника генерального штаба Хельмута фон Мольтке на пост канцлера империи, то это, по всей видимости, будет означать победу пресловутой придворной военной партии *.

В мировой истории никогда не было недостатка в картечь-принцах, картечь-юнкерах и картечь-генералах. Нужно быть готовыми ко всему. Нельзя терять времени.

СОЮЗЫ БЫВШИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ

Естественно, что союзы бывших военнослужащих развертывают весьма интенсивную деятельность в политиче-

---

* «Берлинер Тагеблатт» дает этому человеку следующую характеристику: «Хельмут фон Мольтке считается стопроцентным реакционером, некоторую умеренность придает ему его солдатская откровенность и жизнерадостность, говорят, что у него есть склонность к спиритуализму. Он отнюдь не является «человеком теории», скорее он человек, идущий напролом, у которого достаточно хладнокровия, чтобы проводить политику с помощью разящей сабли и стреляющей винтовки.» Таким образом, здесь сконцентрированы все черты, о которых мечтают наши подстрекатели.

ской области, чего, конечно, не смогла разглядеть до сих пор германская юстиция, работающая с завязанными глазами. Каждый знает, как эти союзы мобилизуют свои силы во время выборов и как они принуждают своих членов к выходу из оппозиционных политических организаций. Заслуживает упоминания их «верноподданническая» борьба за лишение классово-сознательного пролетариата возможности пользоваться помещениями для собраний. Приведем лишь два свежих факта: принятое в октябре 1906 г. решение «Союза бывших солдат XVI армейского корпуса Дуйсбург-Беек» о бойкоте отеля «Кайзерхоф» в Дуйсбурге за предоставление отеля горнорабочим для проведения в нем собрания, а также исключение из «саксонского союза бывших военнослужащих» тех хозяев отелей и ресторанов, которые предоставляли свои помещения рабочим. В небольших местечках подобные средства борьбы ни в коем случае нельзя недооценивать, применительно же к *хорошо* организованному рабочему классу они, конечно, не достигают цели.

Относящийся к этому вопросу материал заслуживает того, чтобы его систематически собирали и использовали в повседневной борьбе.

МИЛИТАРИЗМ КАК УГРОЗА ДЛЯ МИРА

Националистические противоречия, потребность в расширении своей территории в связи с ростом населения, стремление к поглощению областей с полезными ископаемыми для увеличения национального богатства (правильнее сказать — богатства господствующих классов) и для обеспечения отечественной промышленности возможности приобрести хозяйственную целостность и самостоятельность (естественная тенденция, являющаяся дополнением к политике покровительственных пошлин, тенденция, значение которой, в связи со все более прогрессирующим и расширяющимся международным разделением труда, должно постоянно уменьшаться), потребность в облегчении транспортных связей как внутри страны, так и с заграницей (например, посредством завладения морскими гаванями, судоходными реками и т. д.), транспортных связей, которые являются средством обеспечения обмена веществ, т. е. торговли, в экономическом организме, противоречия, связанные с уровнем общего культурного развития, в особенности с уровнем политического развития,—

все это и ныне еще может создавать международные политические осложнения. Но важнейшие осложнения, могущие повлечь за собой международные военные действия, возникают, как было уже показано, в результате конкуренции отдельных государств между собою на мировом рынке, в связи с проблемами мировой торговли и мировой политики во всей ее запутанности и, в особенности, в связи с политикой колониальной. Главными носителями этих осложнений являются экспансионистски настроенные круги промышленников и торговцев, которые заинтересованы в *победоносной* войне.

Не следует, однако, упускать из виду, что существование постоянных армий, в которых милитаризм проявляется в его наиболее открытой форме, уже само по себе угрожает международному миру и создает угрозу войны. Нет нужды говорить о том, что увеличение военного бремени, этого «винта без конца», может побудить кого-либо воспользоваться благоприятным моментом, т. е. своим военным превосходством, или побудить к осуществлению признанных в общем полезными для него военных мероприятий, пока не произошло дальнейшего невыгодного изменения в соотношении военных сил. Это обстоятельство, как известно, сыграло свою роль во Франции во время недавнего марокканского конфликта, но оно, однако, всегда скорее определяет момент начала войны, чем само развязывание войны как таковой. Постоянная армия, также как в значительно меньшей степени и милиция, создает современную касту военных, состоящую из лиц, которые, так сказать, уже с детских лет дрессируются для войны, создает касту привилегированных конквистадоров, ищущих на войне приключений и повышений. Сюда же следует отнести те круги, которые лелеют мысль стать в случае войны поставщиками оружия, амуниции, военных судов, лошадей, военного оснащения и обмундирования, продовольствия и транспортных средств, словом, поставщиков армии, которые имеются, хотя и в меньшем числе, конечно, и в государствах с милицией. Обе группы этих особенно заинтересованных в войне лиц, т. е. офицеры, ищущие авантюр, и военные поставщики, для которых война интересна сама по себе, независимо от ее исхода, являются, если употребить популярное выражение, «главными у брандспойта». Они породнились с высшими государственными деятелями и оказывают большое влия-

ние на те круги, которым принадлежит формальное право решения вопроса о войне и мире. И они не упускают ни одного удобного случая для того, чтобы попытаться превратить это влияние, которое они в большинстве случаев приобрели в результате своего паразитического использования милитаризма, в чистое золото и принести массу пролетариев в жертву своей корысти. Будучи колониальными подстрекателями, они втравливают «дорогое отечество» в опасную и дорогостоящую, но для них чрезвычайно прибыльную авантюру, чтобы затем в роли создателей флота спасти это же самое отечество за счет других, причем способом, опять-таки для них весьма выгодным.

Таким образом, борьба против постоянных армий и против шовинистическо-милитаристического духа является борьбой против угрозы нарушения мира между народами. Древняя пословица «Si vis pacem, para bellum» («Если хочешь мира, готовься к войне») может быть применена и к некоторым странам, окруженным милитаристскими государствами, но она вовсе не подходит для всех капиталистических государств, против которых направлена агитация социал-демократии различных стран. Нет большей опасности возникновения войны, чем такой метод обеспечения мира! Для агрессивного в экономическом и политическом отношении империализма наших дней постоянная армия является, несомненно, самой подходящей формой подготовки к войне.

Сохранение мира между народами соответствует интересам международного пролетариата и, вместе с тем, культурным интересам человечества. А из этого следует, что борьба против милитаризма, который натравливает народы друг на друга, который представляет собой сумму и экстракт всех препятствующих сохранению мира тенденций капитализма, который, короче говоря, создает серьезную угрозу возникновения мировой войны, является борьбой за культуру, борьбой, которой гордится пролетариат и которую он *должен* вести в своих собственных интересах, являющихся для него несравнимо более значительными, чем для какого-либо другого класса как такового (наличие отдельных благомыслящих мечтателей лишь подтверждает это правило).

Милитаризм нарушает также и мир внутри стран, причем не только в результате присущего ему свойства вносить огрубение в нравы, взваливать на население тяже-

лое экономическое бремя и создавать сильный налоговый и таможенный гнет; не только в результате крайней коррупции, идущей с ним рука об руку (ср. Вермана, Фишера, Типпельскирха, Подбельского и компанию); не только в результате раскола населения, и без того стонущего от классовых различий, еще на две касты; не только в результате процветания эксцессов по отношению к солдатам и существования военной юстиции, а прежде всего в результате того, что милитаризм является очень действенным тормозом всякого прогресса, что он является искусным и в высшей степени эффективным инструментом насильственного завинчивания клапана социального парового котла. Кто считает неизбежным дальнейшее развитие человеческого рода, для того существование милитаризма является важнейшим препятствием мирного и постоянного хода этого развития, для того несломленный милитаризм равнозначен необходимости кроваво-красного заката капитализма.

ТРУДНОСТИ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Таким образом, ликвидация или возможное ослабление милитаризма является жизненным вопросом политической освободительной борьбы, формы и характер которой в известном смысле вырождаются под влиянием милитаризма и находятся от него в тесной зависимости.

Ликвидация милитаризма является тем более важным жизненным вопросом, поскольку превосходство армии над безоружным народом, над пролетариатом, вследствие высокого развития техники и стратегии, вследствие огромных размеров армий, вследствие весьма неблагоприятного деления на классы на местах и, наконец, вследствие особенно неблагоприятного для пролетариата соотношения экономических сил между рабочим классом и буржуазией, является гораздо более значительным, чем когда-либо раньше, и уже поэтому любая будущая революция окажется делом значительно более трудным, чем любая революция, имевшая место до сих пор.

Важно всегда помнить, что во времена буржуазных революций активная революционная буржуазия успевала наложить свою руку на экономическую жизнь еще до того, как осуществлялась революция в узком смысле слова, что в распоряжении буржуазии имелся многочис-

ленный экономически подчиненный ей и находившийся под ее политическим влиянием класс, с помощью которого она могла чужими руками таскать для себя каштаны из огня, что она успевала в известной мере подкупить старых феодальных грабителей перед тем, как разрушить феодализм и свалить его в сундук со старым хламом, тогда как пролетариат, терпя голод, должен завоевывать голыми руками все то, что тогда было достигнуто при помощи богатства.

II ЧАСТЬ
АНТИМИЛИТАРИЗМ

I глава
АНТИМИЛИТАРИЗМ СТАРОГО И НОВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

«Коммунистический манифест», это самое пророческое произведение мировой литературы, прямо не касается вопроса о милитаризме ввиду его побочного значения. В нем говорится, правда, о мятежах, «в ряде мест вспыхивающих в ходе пролетарской борьбы», и отмечается тем самым в своей основе роль капиталистического милитаризма по отношению к освободительной борьбе пролетариата. Подробнее «Манифест» касается вопроса о международных или, вернее, межгосударственных вооруженных конфликтах, а также вопроса о капиталистической экспансионистской политике (включая колониальную политику). Этот последний вид политики рассматривается в нем как необходимое следствие капиталистического развития; этому положению предшествует указание, что национальные особенности и противоречия все более и более исчезают *уже при господстве буржуазии* и что в будущем, когда будет установлено господство пролетариата, они станут еще менее значительными. В программе первых мероприятий, которые должны быть проведены при диктатуре пролетариата, относительно милитаризма не найти, можно сказать, почти ничего: завоевание политической власти, рассматриваемое в программе как уже свершившийся факт, включает в себя и «пленение», т. е. сокрушение милитаризма.

Специальное обсуждение вопроса о милитаризме началось, однако, сразу же на конгрессах Интернационала. Это обсуждение касалось исключительно вопроса о дея-

тельности «милитаризма вовне», т. е. его отношения к войне. *Лозаннский* конгресс 1867 г. имел в своей повестке дня пункт: «Женевский конгресс мира 1868 г.». Было принято решение принять участие в работе этого конгресса при том условии, для того времени отнюдь не наивном и не ироническом, если этот конгресс примет программу Интернационала. Война характеризовалась как продолжение классовой борьбы.

На третьем конгрессе Интернационала, т. е. *Брюссельском* конгрессе 1868 г., *единогласно* была принята предложенная Лонге от имени одной из комиссий резолюция, в которой главной и постоянной причиной войн признавалось отсутствие экономического равновесия и подчеркивалось, что перелом может быть создан только путем осуществления общественной реформы. Вместе с тем отмечалось, что организация рабочих в состоянии содействовать уменьшению угрозы войн путем проведения агитации и просвещения народов, причем целенаправленная и неустанная работа в этой области признавалась их прямой обязанностью; в случае войны рекомендовалось прибегать ко *всеобщей забастовке,* причем конгресс высказал свое убеждение, что *интернациональная солидарность рабочих всех стран* является достаточно прочной, чтобы обеспечить помощь рабочих в этой борьбе народов против войны.

Перейдем теперь к «новому Интернационалу»!

Соответствующая резолюция *Парижского* конгресса 1889 г. заслуживает наибольшего внимания. Она касается вопроса о постоянных армиях, которые называет «отрицанием всякого демократического и республиканского режима», «милитаристическим выражением монархического или олигархически-капиталистического режима», «орудием для реакционных переворотов и социального гнета»; резолюция характеризует постоянные армии в непосредственной связи с агрессивной политикой, органом которой они являются, в качестве следствия и причины агрессивных войн и постоянной угрозы возникновения международных конфликтов. Она отвергает постоянные армии как с военно-технической точки зрения, так и в связи с их непосредственно дезорганизующим, деморализующим и враждебным всякому культурному прогрессу характером, а также в связи с теми расходами, которые ложатся на плечи населения. Она требует ликвидации

постоянных армий и введения всеобщего вооружения народа, рассматривая войну как неизбежное следствие капитализма.

Эта резолюция по своей характеристике милитаризма является наиболее исчерпывающей по сравнению со всеми резолюциями, принятыми ранее. Представляет интерес и ход обсуждения вопроса на *Брюссельском* конгрессе (1891 г.). Здесь обсуждению подлежала исключительно деятельность милитаризма, направленная вовне, т. е. вопрос о войне. Резолюция Ньювенгейса [49], которая характеризовала войну как результат международных усилий капитализма и как средство сломать мощь революционного движения, которая вменяла в обязанность социалистам всех стран отвечать на всякую войну всеобщей стачкой, была отвергнута. Принята была резолюция Вальяна — Либкнехта [50], рассматривавшая милитаризм как неизбежное следствие капитализма, а мир между народами как цель, которой можно достигнуть исключительно посредством создания международного социалистического общественного строя. Резолюция призывала рабочих содействовать торжеству социализма при помощи неустанной агитации против варварства войны и поощряющих это варварство военных союзов, а также посредством развития международных организаций пролетариата. Этот последний метод борьбы был провозглашен как единственно пригодный для предупреждения катастрофы — мировой войны.

Цюрихский конгресс 1893 г. подтверждает брюссельскую резолюцию и перечисляет средства борьбы против милитаризма: отклонение военных кредитов, неослабевающий протест против постоянных армий, неустанная агитация в пользу разоружений и поддержка всех объединений, которые стремятся ко всеобщему миру.

Лондонский конгресс 1896 г. снова обсуждает обе стороны милитаризма. В качестве главной причины войны он указывает на экономические противоречия, сталкивающие господствующие классы различных стран вследствие капиталистического способа производства *; войны рассматриваются конгрессом как продукт действий господствующих классов, предпринимаемых в интересах этих классов

---

* Следовательно, не классовые противоречия! *Специально эта* сторона вопроса была подчеркнута здесь впервые.

и за счет рабочих; борьба против военного насилия рассматривается как составная часть борьбы против эксплуатации и вменяется рабочему классу в обязанность. Перед рабочим классом ставится задача завоевания политической власти для уничтожения капиталистического способа производства и для того, чтобы вырвать из рук правительств орудие власти класса капиталистов, орудие поддержания существующего порядка *. Постоянные армии, по мнению конгресса, увеличивают опасность войны и служат целям жестокого угнетения рабочих. В качестве ближайших требований конгресс снова выдвигает: уничтожение постоянных армий и введение всеобщего вооружения народа, а наряду с этим международное третейское разбирательство и предоставление народу права самому решать вопросы войны и мира. Но рабочие, гласит в заключение резолюция, могут достичь этой цели только в том случае, если они приобретут *решающее* влияние на законодательство и примкнут к международному социализму.

Парижский конгресс 1900 г. в подробной резолюции высказался относительно колониальной экспансионистской политики капитализма и заложенных в ней возможностей международных конфликтов, кроме того, на некоторых особенно наглядных примерах варварства он осудил политику национального угнетения и специально рассмотрел вопрос борьбы против милитаризма. Эта резолюция ссылается на постановления 1889, 1891 и 1896 годов, указывает на международные и национальные опасности империалистической мировой политики, призывает пролетариат удвоить энергию в международной борьбе против милитаризма и его мировой политики и предлагает для этого ряд практических средств: интернациональное движение протеста, отклонение всех кредитов на армию, флот и колонии, а также *«воспитание и организацию молодежи в целях борьбы с милитаризмом»*.

Анализ этих решений свидетельствует о постоянно растущем понимании целей и задач внешнего милитаризма, о все более глубоком и квалифицированном понимании причин и опасностей войны, а также понимании роли «внутреннего милитаризма». Что же касается средств

* Последнее, собственно, есть не *цель* завоевания политической власти, а *сущность* этого завоевания: организационное *обеспечение* завоеваний пролетариата относится уже, разумеется, к задачам диктатуры пролетариата.

борьбы с милитаризмом, то всеми позднейшими конгрессами была признана преждевременной и отвергнута (при существующей ситуации совершенно обоснованно) точка зрения, высказанная конгрессом 1868 г., о всеобщей стачке против войны, а также о солдатской стачке как регулярном средстве борьбы против войны. Все же признанные конгрессами средства борьбы говорят лишь о небольшом прогрессе. Отклонение военных кредитов является единственным, само собою разумеющимся, но вместе с тем бессильным по своему непосредственному воздействию прямым политическим выступлением против милитаризма, рекомендуемым пролетариату. Все остальные предложения вращаются в области пропаганды за изменение существующего законодательства и за возможные действия в будущем, а это означает, по существу, как указывается в другом месте,— в той области, которая является единственно доступной в настоящее время для пролетариата; даже отклонение военных кредитов следует считать в основном только средством пропаганды такого же рода. Главная трудность в этом вопросе (прежде всего для Германии) заключается в настоящее время в определении способа и формы антимилитаристической пропаганды. Тот факт, что эти средства не определены подробнее в постановлениях конгрессов, объясняется различными внешними и внутренними условиями в отдельных странах, и с этой точки зрения такое положение является целесообразным, даже необходимым. Нельзя все же не учитывать того, что в этих постановлениях проявляется тенденция придавать все большее значение антимилитаристической пропаганде и специализировать эту пропаганду. Наиболее наглядно об этом свидетельствует решение Парижского конгресса. В этом решении одновременно находит отражение возросшее самосознание международного пролетариата, а также растущая уверенность в том, что при капиталистическом общественном строе можно добиться частичных успехов в борьбе против внутреннего и внешнего милитаризма путем развития сознательной пролетарской мощи.

В заключение мы упомянем о том циркуляре, который был издан Международным социалистическим бюро [51] в ноябре 1905 г. по инициативе «французской секции Интернационала» по поводу конфликта из-за Марокко. В нем не содержится никаких конкретных предложений

относительно непосредственных антивоенных действий, но указывается на необходимость проведения само собой разумеющихся элементарных мероприятий, а именно: чтобы в случае опасности войны партии, представленные в бюро, немедленно собрались бы, обсудили и решили вопрос о средствах борьбы, наиболее пригодных для того, чтобы избежать войны и предотвратить ее.

II глава

АНТИМИЛИТАРИЗМ ЗА ГРАНИЦЕЙ, С УЧЕТОМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИИ

Антимилитаристическое движение в других странах капиталистической культуры является в основном оживленным, а во многих случаях и весьма сильным. Это можно сказать в первую очередь о романских странах, о Бельгии, Франции, Италии и в неменьшей степени, хотя только в самое последнее время и при наличии существенно иных условий, об Австрии, Швейцарии и Скандинавских странах, а также о Голландии, хотя в ней имеются только небольшие ростки милитаризма.

БЕЛЬГИЯ

Широкая антимилитаристическая пропаганда в Бельгии началась приблизительно с 1886 г., когда войска, как было указано выше, стали активно применяться для подавления стачечного движения. После того как появились листовки, напоминающие солдатам об их обязанностях по отношению к их братьям-рабочим, были основаны две антимилитаристические газеты — «Conscrit» и «Caserne» («Новобранец» и «Казарма»), из которых первая появилась в январе (перед февральской жеребьевкой), а вторая в сентябре (перед назначенным на 1 октября призывом в армию). В 1896 г. партия передала издание обеих газет учрежденной в 1894 г. национальной федерации «Молодая гвардия», разумеется, под наблюдением правления партии, в которое, впрочем, с 1896—1897 гг. посылает своих делегатов и национальная федерация «Молодая гвардия». Организации «Молодой гвардии», из которых некоторые возникли в Брюсселе уже в се-

редине восьмидесятых годов, стали формироваться в 1893—1894 гг. прежде всего для оказания помощи на выборах; они должны были также вести широкую антимилитаристическую пропаганду. С 1902 г. это положение изменилось. Пессимизм, возникший вследствие неудачи второй всеобщей стачки, побуждал к более предусмотрительной и медленной работе, требовал более заботливого отношения ко всем низовым организациям и к пропаганде. Цели молодежных организаций были расширены, и на первый план было поставлено поощрение образования, которое, без сомнения, должно быть самым солидным или, вернее, основным базисом для антимилитаристической пропаганды. Несмотря на всю соблазнительность, мы не можем здесь углубиться в историю бельгийских молодежных организаций, которая теснейшим образом связана с антимилитаризмом.

Позволим себе сделать только некоторые замечания. С 1896 г. в Брюсселе начал издаваться ежемесячник антимилитаристического направления «Авангард», явившийся органом учащихся и «Молодой гвардии»; с 1900 г. также в Брюсселе начал выходить ежемесячный журнал «Антимилитарист», орган национальной федерации «Молодая гвардия». С 1903 г. эта федерация начала издавать ежемесячный иллюстрированный журнал «Социалистическая молодежь», а с января 1907 г. органом федерации стал издававшийся ранее (с 1906 г.) в Шарлеруа также ежемесячный журнал «Молодежь — это будущее», руководство которым находится в руках валлонской федерации Эно и Намюра. Оба журнала полны антимилитаристического агитационного материала.

Отдельные местные организации «Молодой гвардии», прежде всего «Молодые часовые» Антверпена и Гента, также развили активную литературную деятельность, развернув на своих страницах широкую антимилитаристическую пропаганду. Первая, напр., издавала в 1900 г. газету «De Bloedwet» («Кровавый закон») для агитации среди призванных на действительную службу, далее, с 1 мая 1901 г. она начала выпускать двухнедельник «Разоружение» и, наконец, с 1905 года — газету «De Vrijheid» («Свобода»), на страницах которых ревностно и искусно вела антимилитаристическую пропаганду. Кроме того, издавались гектографическим способом бюллетени. Естественно, организации «Молодой

гвардии» широко используют листовки и очень часто иллюстрированные плакаты *, в которых обращаются иногда ко всей рабочей молодежи, иногда специально к новобранцам и солдатам. Брошюрная литература также богата. В большом количестве распространяются очень дешевые, большей частью иллюстрированные открытки антимилитаристического содержания.

В Бельгии освобождается от службы в армии более половины военнообязанных. Ежегодно призываются около 13 000 человек. «Новобранец» и «Казарма» издаются на фламандском и валлонском языках как правило общим тиражом 60 000 экз. каждая. Обычно они рассылаются специально новобранцам, адреса которых известны; индивидуальная пропаганда ведется также среди всех знакомых рекрутов.

В январе и сентябре регулярно устраиваются собрания для новобранцев, рекрутские празднества, шествия и демонстрации всякого рода.

Связь с уже призванными на службу пролетариями не теряется. В некоторых организациях «Молодой гвардии» устроены кассы помощи: в зависимости от продолжительности принадлежности призванного к организации и от размера собранных организацией членских взносов членам «Молодой гвардии», призванным на действительную службу, выдается в течение их службы некоторая приплата к их солдатскому жалованью; в свою очередь, эти члены обязаны регулярно посылать отчеты о существенных событиях своей казарменной жизни. Члены «Молодой гвардии», призванные в армию, сохраняют и личную связь со своей организацией; если же соответствующий член «Молодой гвардии» служит в местности, отдаленной от той, где расположена организация, к которой он принадлежит, то он устанавливает связь с той организацией гвардии, которая расположена вблизи его гарнизона. В подробности, по вполне понятным причинам, я здесь входить не могу.

Агитация в казармах играет в Бельгии существенную роль. В настоящее время существует приблизительно 15 солдатских организаций (солдатских союзов), имею-

---

* В 1906 году было расклеено на улицах около 20 000 плакатов с текстом и распространено около 80 000 листков с иллюстрациями антимилитаристического содержания.

щих между собою контакты. Естественно, что правительство стремится любым способом потушить этот опасный пожар. Но несмотря на то, что эти организации часто подавляются насильственными средствами, они вновь вырастают из жизнеспособных корней, которые проросли слишком глубоко, чтобы их можно было выкорчевать. Порою в ином полку две трети солдат входили в такие организации. Эти союзы отчасти весьма близки к социал-демократической партии.

В казармы доставляется в большом количестве агитационная *литература;* ее раздают солдатам также на улицах и в общественных местах. Устраиваются специальные солдатские собрания. Получают широкое распространение многочисленные солдатские песни антимилитаристического характера.

Сама партия, естественно, также постоянно ведет антимилитаристическую агитацию. Ей содействуют в этом деле активно и успешно женщины и девушки, особенно члены «Молодой гвардии» при агитации в казармах. Заслуживает упоминания вышедшая еще в 1896 г. и выдержавшая несколько изданий брошюра «Катехизис новобранца», напоминающая собою французское «Руководство для солдата» и подвергшаяся, как и этот последний, ожесточенному уголовному преследованию.

Антимилитаристическая пропаганда преследуется сурово. Конечно, эту оценку можно правильно понять только при учете в общем значительно продвинувшегося вперед политического развития в Бельгии. В 1886 г. Анзеле был приговорен к шести месяцам тюрьмы за напечатанное в «Vooruit» («Вперед») воззвание к матерям, в котором он рекомендовал им воспитывать своих сыновей так, чтобы те не стреляли в народ. «Новобранец» и «Казарма» неоднократно подвергались судебным преследованиям; с момента их основания почти ежегодно выносились против них серьезные приговоры, причем, конечно, такое положение вещей сохранилось и тогда, когда оба органа стали издаваться «Молодой гвардией». Начало таким преследованиям было положено процессом над «Новобранцем» в 1897 г., в результате которого двое членов партии были приговорены к шести месяцам тюрьмы каждый. В 1904 г. были привлечены к суду присяжных в Брабанте Ценен, секретарь национальной федерации «Молодой гвардии», и еще пять человек за выпущенный

ими плакат с обращением к рекрутам; вскоре к суду был снова привлечен Ценен, уже один в связи с его статьей в «Казарме», причем на суде он был оправдан. Осуждение Трокле в середине девяностых годов за «Катехизис новобранца» заслуживает также особого упоминания.

Главными преступлениями, которые обычно преследуются в судебном порядке, являются: побуждение к отказу в повиновении, оскорбление армии (минимальное наказание — шесть месяцев тюрьмы!) и, наконец, пресловутое atteinte à la force obligatoire des lois (непризнание обязательной силы законов), за которое при участии более чем пяти лиц наказание удваивается. В среднем ежегодно выносится приговоров на общий срок от двух до трех лет тюремного заключения. В 1903 г. национальный секретарь федерации был приговорен к трем годам тюрьмы. Правда, приблизительно половина судебных дел заканчивается оправданием обвиняемого. Условия отбывания наказания суровые,— между политическими и уголовными заключенными не проводится сколько-нибудь существенного различия.

Жестоко (принимая, конечно, во внимание опять-таки бельгийский масштаб) расправляются и с солдатами, осуждающими милитаризм. Исправительное заключение на срок от двух до пяти лет угрожает этим вольнодумцам, протестующим против милитаризма, а эта форма заключения весьма сурова. При малейшем проступке применяется средневековое варварское дисциплинарное наказание в карцере, где арестованные заковываются в кандалы, питаются хлебом и водой и сидят без огня. Камеры расположены под водой, поэтому сырые, а зимою просто убийственны. К тому же в порядке вещей самые жестокие истязания со стороны унтер-офицеров, выполняющих обязанности тюремных надзирателей, на которых эта обязанность возлагается также в виде дисциплинарной меры.

В другом месте мы покажем, какой все же размах приняла в Бельгии антимилитаристическая пропаганда, которая, несмотря на преследование ее огнем и мечом, увенчалась почти полным успехом. В критический 1902 год все население проявляло такой интерес к пропаганде, что офицеры, пытавшиеся воспрепятствовать открытой агитации среди солдат на улицах, неоднократно подвергались физическим оскорблениям.

Нельзя не упомянуть также об объединениях бывших солдат, которые раньше выступали в рамках единого национального союза, а теперь действуют в рамках местных организаций. Они издают газету и занимаются главным образом антимилитаристской пропагандой среди резервистов и ополченцев, а также ведут агитацию против буржуазных военных союзов.

А теперь несколько слов о тактической позиции, занимаемой бельгийской социал-демократией в отношении милитаризма.

В их отношении к войне, прежде всего к тактике в случае возникновения войны, нет единодушия. Приведем только три факта.

Гентский партийный конгресс 1893 г. оживленно приветствовал телеграмму «бывших солдат» Амстердама, в которой выражалась надежда, что конгресс в соответствии с предложением голландских социалистов займет положительную позицию по вопросу о всеобщей стачке солдат в случае возникновения войны. Лувенский конгресс 1899 г., по предложению де Виннеса, признал лучшим средством борьбы против гонки вооружений и за установление всеобщего мира пропаганду социализма вообще. В 1905 г. социалистическая федерация округа Шарлеруа приняла решение о том, что для предотвращения войны необходимо:

1. Сделать невозможной мобилизацию войск путем организации всеобщей стачки железнодорожников.

2. Организовать всеобщую стачку углекопов, чтобы лишить воюющие державы топлива, в котором они нуждаются для флота и для перевозки войск.

3. Приостановить работы в доках, арсеналах и на военных заводах.

Заслуживает внимания и история «Молодой гвардии». Ее конгресс 1897 г. принял решение, в частности, о необходимости побудить социалистические партии других стран организовать рабочую молодежь этих стран на началах интернационализма и антимилитаризма, чтобы тем самым сделать войну невозможной. Важное значение имели прения на Брюссельском конгрессе 1903 г. Здесь резко и почти с равной силой проявились два противоположных взгляда. Один взгляд, который особенно горячо защищал де Ман, опиравшийся на аргументацию Эрве[52], вылился в предложение о стачке солдат (коллективном отказе от исполнения служебных обязанностей),

о всеобщей стачке и революционной агитации в случае возникновения войны. Другой взгляд, высказанный Трокле и Фишером, перекликался с решениями конгрессов Интернационала. Резолюция Трокле — Фишера была принята 17 голосами против 15 при двух воздержавшихся. На Гентском конгрессе в январе 1906 г. произошло резкое размежевание делегатов по вопросу об анархистской тактике и, в частности, были отвергнуты предложения об индивидуальном отказе от исполнения солдатами своих служебных обязанностей. В предложении, внесенном де Маном, указывалось, что средством, с помощью которого можно вырвать из рук господствующих классов их орудие власти, т. е. постоянную армию, является пробуждение пролетарского классового сознания среди солдат. В другом предложении де Мана была дана характеристика роли армии в вопросе борьбы с внутренним врагом. В интересах антимилитаристской агитации солдатам рекомендовалось по возможности улучшать свое поведение. Тем самым был удален шлак анархизма и устранена последняя неясность по этому вопросу.

ФРАНЦИЯ

Антимилитаристская пропаганда во Франции проводится уже длительное время и очень активно, хотя ей и не свойственны то организационное единство и те тенденции, которые имеют место в Бельгии.

В 1894 г. 12-й конгресс социалистической революционной рабочей партии (POSR) в Дижоне принял заслуживающую особого внимания резолюцию против милитаризма в его *обоих* проявлениях, в которой четко подчеркивалась вредность милитаризма и его опасность для всего пролетариата. В заключительной части резолюции говорилось: «В мирное время постоянная армия выполняет роль полицейского войска и машины для расстрелов; она топит в крови борьбу горнорабочих и фабричных рабочих за их права. В тупоумной ярости солдат-пролетарий набрасывается на своих бастующих братьев».

Наряду с социал-демократическим антимилитаризмом во Франции развился и анархистский и даже (в качестве специфического французского явления, нашедшего, впрочем, позднее свое отражение в Италии и даже в Швей-

царии) антипатриотическо-социалистический антимилитаризм.

Французские анархисты в числе первых подняли в 1902 г. вопрос об образовании Интернациональной антимилитаристской федерации, о которой говорится ниже, а несколько раньше они образовали Интернациональную лигу защиты солдата с местопребыванием в Париже. Руководителями этой Лиги (вскоре утратившей активность) были анархисты Жанвион, Малато, кроме того редактор радикальной «Aurora» («Аврора») Жорж Лермитт и Урбан Гойе. Ее программа сводилась к устранению постоянных армий, упразднению военных судов и улучшению материальных условий жизни солдат; но деятельность ее пошла значительно дальше этой программы. Издаваемые Лигой открытки, часто богато иллюстрированные, а также листовки и афиши беспрестанно повторяют ее пароль: «Долой военную юстицию!», а также призывы «Долой войну!», «Долой милитаризм!», «Да здравствует мир между народами!». Деятельность этой Лиги, впрочем, не вышла за пределы Франции.

Агитация за индивидуальный и коллективный отказ от исполнения служебных обязанностей и за дезертирство занимает в пропаганде этого толка значительное место. Стачка солдат, которую следует организовать в случае войны, не должна носить, по мнению Кропоткина, исключительно пассивного характера, а должна идти рука об руку с социальной революцией и с защитой революции от внешнего врага, опровергая тем самым главный упрек в антипатриотизме или, как его называет газета «Новые времена», антинационализме. Известно, что анархист-террорист Эмиль Анри в августе 1892 г. бросил в Карно свою пресловутую бомбу для того, чтобы она в качестве грозного предостережения помешала повторению избиения рабочих в Фурмье, которое имело место в прошлом году во время тогдашней стачки горнорабочих.

Антипатриотически-социалистический антимилитаризм, проявляющий порою и анархистские признаки, поддерживается, во-первых, в среде объединенной ныне социалистической рабочей партии со стороны федерации Ионны, имеющей почти исключительно сельскохозяйственный характер и, во-вторых, со стороны сильного течения внутри антипарламентских профессиональных союзов, у которых антипатриотизм вполне логично отсту-

пает на второй план по сравнению с борьбой против «внутреннего милитаризма», этого жесточайшего и могущественнейшего врага бастующих рабочих.

С 1901 г. организации французской социалистической молодежи Ионны издают на основании постановления, принятого в 1900 г., газету «Пиупиу * Ионны», выходившую сначала два раз в год, а затем один раз в квартал. Эта газета, как указывалось в ее первых номерах, издается для новобранцев. Против «Пиупиу», бесплатно рассылающейся во все департаменты, немедленно была организована самая энергичная травля со стороны всех государственных элементов. Начались судебные преследования, которые, впрочем, обычно оканчивались оправдательными приговорами, хотя газета самым резким образом призывала к неисполнению приказаний начальства о применении оружия против бастующих. Все еще издававшаяся в 1905 г. редактором Монере газета «Пиупиу» находилась под сильным влиянием Эрве, который, наряду с Ивето, был и остается руководителем и организатором антипатриотического милитаризма; Эрве в своей работе «Leur Patrie» («Их отечество») дал подробное и искусное обоснование и формулировку своих идей, а с середины декабря 1906 г. начал издавать в Париже еженедельную газету «La Guerre Sociale» («Социальная война»), энергично поддерживающую антимилитаризм. В связи с вопросом о войне, каковы бы ни были причины ее возникновения, он знает только один лозунг: «Скорее восстание, чем война»; он в самой резкой форме критикует отношение руководящих германских социал-демократов к вопросу об агрессивных войнах. Он далек от мысли рекомендовать солдатам индивидуальный отказ от исполнения служебных обязанностей. Борьба против внутреннего милитаризма отходит у него несколько на второй план. Нам придется еще в другом месте подробнее рассмотреть взгляды Эрве, ведущего борьбу с достойным признания упорством и готовностью к жертвам.

С точки зрения формы, в которой Эрве ведет пропаганду, характерным, пожалуй, является происшествие, имевшее место 30 сентября 1906 г. В этот день Эрве и кучка его приверженцев присутствовали на празднестве в

* «Пиупиу» — простонародное ласкательное фамильярное прозвище новобранца.

Трокадеро, устроенном республиканской молодежной организацией 3-го округа и французской Лигой образования в честь молодых людей, призванных на военную службу. Эрве устроил здесь такую демонстрацию против этой патриотическо-милитаристской затеи, что дело дошло до столкновений с полицией и до арестов.

Относительно антипатриотического антимилитаризма профессиональных союзов дает неплохое представление отчет, представленный Генеральной Конфедерацией Труда Дублинскому конгрессу секретарей профессиональных союзов в 1903 г. В прямую противоположность Эрве, он недооценивает самостоятельного значения «внутреннего милитаризма».

В этом отчете методы воспитательной антимилитаристской работы подразделяются на:

1. Работу по воспитанию солидарности:

а) солдатские фонды;

б) оказание гостеприимства солдатам и обеспечение их продовольствием в рабочих домах (домах профессиональных союзов);

в) солидарность по отношению к товарищам, уклоняющимся от военной службы или ставшим жертвами преследований вследствие нарушения ими дисциплины;

2. Пропагандистскую работу:

— устройство публичных собраний, товарищеских вечеров, проводов новобранцев, шествий, расклейка афиш на стенах, распространение манифестов, брошюр, листовок, издание ежегодного специального номера иллюстрированной газеты «La Voix du Peuple» («Голос народа»), выпускаемой с 1900 г. и являющейся органом французской федерации профессиональных союзов, она рассылается в массовом масштабе, в том числе солдатам, по почте, наконец, издание «Нового справочника для солдат», который был распространен уже в 1903 г. в количестве 100 000 экземпляров и навлек на себя (с одобрения экс-социалиста Мильерана) суровые меры преследования со стороны административных и судебных властей.

«Новый справочник для солдат» был издан в соответствии с постановлением состоявшегося в Алжире конгресса профессиональных союзов от 15 сентября 1902 г. федерацией рабочих бирж; в том же 1902 г. он вышел уже вторым изданием, а в 1905 г. был переиздан в третий раз. Этот справочник доходит до призыва, обращен-

ного к новобранцам, дезертировать или вести в казармах антимилитаристическую пропаганду, а также не исполнять приказаний о стрельбе во «внутреннего врага», т. е. в своих братьев-рабочих.

Следует упомянуть здесь также о бывшем органе социалистическо-революционной рабочей партии «La lutte sociale» («Классовая борьба»), который наряду с другими до 1904 г. издавался для Федеративного союза центра Аллеманом и Эрве и был также подчинен задаче ведения антимилитаристской пропаганды.

В 1905 г. социалисты и синдикалисты совместно распространили красный плакат, глубоко запавший в сердца солдат, который предлагал им не применять оружия против пролетариата и, в случае получения такого приказа, направить лучше свои штыки против начальствующих офицеров, чем против своих классовых товарищей.

Антимилитаристская пропаганда является, наконец, также главной задачей французских *молодежных организаций*, которые до 1903 г. имелись при каждой из трех французских социалистических партий. С 1902 г. к этим молодежным союзам присоединились еще организации синдикалистской молодежи, находящиеся под покровительством революционных профессиональных союзов. Все они находятся теперь в хаотическом состоянии.

Деятельность молодежной организации Ионны нами была уже рассмотрена выше. В качестве органа групп социалистическо-революционной молодежи с 1900 г. в Париже издавался журнал «Новобранец», который продолжал свое существование и в 1906 г.; органом же федерации социал-демократической молодежи является газета «La feuille du Soldat» («Листок солдата»). Обе газеты обращаются к пролетариям, облаченным в солдатские мундиры, призывая их выполнить свои обязанности по отношению к товарищам по классу. «Листок солдата» открыто требует отказа в повиновении в случае приказа применить оружие против рабочих; он рекомендует также солдатам принять участие во всеобщей стачке, если она будет объявлена. «Новобранец» отвергает отказ солдат от исполнения служебных обязанностей в *индивидуальном* порядке, подчеркивая бесполезность этого.

На конгрессе французских профессиональных союзов в Амьене в октябре 1906 г. Дельсаль обоснованно указал на то, что прежние конгрессы профессиональных органи-

заций высказывались в пользу антимилитаристской и антипатриотической пропаганды и сообщил, что соответствующие решения были единогласно одобрены комитетом. На том же конгрессе по предложению Ивето, правда, при незначительном большинстве, в программу была внесена рекомендация усилить антимилитаристскую и антипатриотическую агитацию. Меньшинство, как это было очевидно, возражало не против антимилитаризма или его усиленной пропаганды, а исключительно против выделения антипатриотической пропаганды. Такое же положение сложилось и на конгрессе в ноябре 1906 г. в Лиможе, созванном объединенной социалистической партией Франции. Предложенная *федерацией Ионны* резолюция в духе *Эрве*, в которой после изложения взгляда на антипатриотизм следовал призыв к членам партии ответить на объявление войны, какая бы страна это ни сделала, стачкой солдат и восстанием, получила сравнительно ничтожное количество голосов. Резолюция, предложенная *Гедом*, подчеркивавшая органическо-капиталистический характер милитаризма и рассматривавшая социал-демократическую пропаганду в качестве единственно приемлемой антимилитаристской пропаганды, выдвигавшая, кроме того, требование о сокращении срока военной службы, об отказе в военных кредитах и о введении вооружения всего народа, также потерпела поражение, хотя и собрала втрое больше голосов, чем первая резолюция. Принята была резолюция, внесенная федерацией Сены и обоснованная *Вальяном*, которая, одобрив принципиальную точку зрения интернациональных конгрессов, потребовала готовить международные выступления в целях предотвращения любой войны и рекомендовала все формы выступления, начиная от вмешательства в дела парламента и общественной агитации и демонстрации и кончая всеобщей стачкой и восстанием в соответствии с потребностями положения. В начале 1906 г. Вальян, как известно, напечатал в «Социалисте» в связи с марокканским конфликтом свою знаменитую прокламацию против войны, содержавшую призыв: «Скорее восстание, чем война!».

По вопросу о роли милитаризма применительно к внутреннему врагу не было принято никакой резолюции. Но позиция французской социал-демократии по этому вопросу явствует из ряда других деклараций. Ее пароль в

этой области гласит: обращение к солдатам с призывом не выполнять приказ о применении оружия против бастующих, против рабочих. В «Справочнике для солдата» мы находим следующую рекомендацию:

«Если попытаются превратить вас в убийц, то ваша обязанность отказаться от исполнения приказа. Если вас пошлют против стачечников, то вы не будете стрелять в них!»

Этот знаменитый лозунг: «Vous ne tirerez pas!» («Не стреляйте!»), который товарищ Мелье повторил и на большом процессе антимилитаристов в декабре 1905 г. перед судом, является эхом общего требования всех сознательных рабочих Франции, будь то социалисты или синдикалисты.

Уже упомянутый нами призыв, с которым в 1905 г. совместно выступили социалисты и синдикалисты и который предлагал солдатам не повиноваться командирам и на приказ стрелять в бастующих обратить свои штыки против отдающих такой приказ офицеров, представляет собою наиболее резкую и бесстрашную формулировку этого лозунга. При обсуждении этого призыва в Палате, Самба заявил от имени социалистов: «Меня спрашивают, что я думаю о призыве стрелять в офицеров. Я отвечаю на это: в том случае, когда офицер дал приказ стрелять в бастующих, я одобряю этот призыв». Также и Лафарг, без всяких оговорок, еще раз резко и ясно развил эту точку зрения в «Юманите».

Немало способствуют пропаганде и многочисленные процессы против антимилитаристов, которые во Франции, вплоть до последних дней, обыкновенно заканчивались вынесением оправдательных приговоров. Мы уже говорили о процессах, возбужденных против «Пиупиу». Ивето, после того как его десять раз оправдывали, был впервые признан виновным за антимилитаристскую речь в 1904 г. судом присяжных нижней Луары и приговорен к штрафу в 100 франков. Позднее он познакомился и с тюрьмой. В Эксе в 1905 г. к суду были привлечены два анархиста. Один из них был приговорен к трем месяцам тюрьмы за расклеенный им на стенах Марселя антимилитаристский манифест. К тюремному заключению были далее приговорены Морель и Фрима; в Бресте, Армантьере и Лиможе также имели место случаи тюремного наказания. Весной 1906 г. были вынесены приговоры в Ту-

лузе и Реймсе. Номера газеты «Голос народа», посвященные новобранцам, неоднократно конфисковывались; в октябре 1906 г. редактор этой газеты Виньо был арестован. Особо следует упомянуть о большом процессе против антимилитаристов в Париже в декабре 1905 г., на котором Эрве и 25 других антимилитаристов были приговорены в общей сложности к 36 годам тюрьмы и 2500 франков штрафа; впрочем, эти суровые наказания не были полностью приведены в исполнение.

Успехи антимилитаристской пропаганды во Франции весьма значительны. При этом не следует особенно сильно подчеркивать тот факт, что порою и отдельные офицеры открыто переходят на антимилитаристские позиции и с большой самоотверженностью принимают на себя все вытекающие отсюда последствия *. Подобные единичные факты не накладывают особенного отпечатка на это чисто пролетарское классовое явление, каким мы должны признать антимилитаризм во Франции. Более знаменательным является факт *массового* дезертирства солдат, отказа их от службы, повиновения и их участия в антимилитаристских демонстрациях, за что порою они подвергаются весьма суровым ** (по нашим немецким представлениям, впрочем, поразительно мягким) наказаниям. Так, в октябре 1906 г. военным судом в Шербуре были приговорены к тюрьме на 15 и на 60 дней два моряка за то, что они громогласно заявили перед одним из исторических памятников: «Долой армию и офицеров, нам не нужно никакой армии».

Для иллюстрации несколько примеров. 3 мая 1905 г. 61 солдат 10 роты 32 пехотного полка покинули в знак протеста против плохого питания и плохого обращения с ними свои казармы и отправились в близлежащий населенный пункт. В сентябре 1906 г. солдаты гарнизона в Компьене устроили в связи с самоубийством одного из резервистов демонстрацию, запели Интернационал и ругали своих офицеров. Газета «Эклер» опубликовала в начале августа 1906 г. циркуляр военного министра Этьена

---

* Заслуживает упоминания дело Меррейма, который во время стачки в Лонгви обратился к своим солдатам с приказом не применять насилия против стачечников даже в случае провокации или ранения ими солдат.

**В особенности в Алжире, где даже за ничтожные проступки назначается смертная казнь!

командирам корпусов, в котором он доводил до их сведения, что унтер-офицеры — выпускники пехотной школы в Сен-Мексене открыто придерживаются антимилитаристских идей и заявляют, что они остаются в армии только затем, чтобы вербовать там сторонников своих идей. Особенно следует указать на ряд стачек, например в Дюнкирхене, Крезо, Лонгви (Меррейм!), на рудниках в Монсо, во время которых прибывшие на место солдаты объявили о своей солидарности с бастующими. Неудивительно, что «Руанский нувеллист» характеризует социал-демократию в связи с ее отношением к армии как «весьма опасную рану на теле Франции», «с которой следует бороться самыми решительными мерами».

Нас, немцев, не может поразить, насколько сдержанно высказался военный министр Этьен в упомянутом уже циркуляре относительно антимилитаристской опасности и борьбы с нею. Вообще нельзя отрицать, что гарантированное во Франции конституцией право свободного выражения своих мнений часто серьезно благоприятствует развитию антимилитаризма. Отчеты о процессах над антимилитаристами во Франции являются весьма поучительными. Вспомним, например, о том, как несколько лет тому назад социалист Фурньер был допущен к чтению лекций о социальной политике в офицерской политехнической школе. А совсем недавно у наших ограниченных милитаристов мороз пробегал по коже от лекций, читавшихся для офицеров в Высшей школе социальных наук в Париже, во время которых полковник Демонж свободно и необычайно энергично обрушивался на милитаризм. Если еще принять во внимание предстоящее ограничение полномочий военной юстиции и «бириби», правительственный законопроект, хотя и отклоненный, относительно сокращения проверочных сборов для резервистов и ополченцев, а также план Пикара о демократизации офицерского корпуса путем введения «unité d'origine» («единства происхождения») для офицеров и унтер-офицеров *, то Франция может показаться счастливой страной в отношении милитаризма. Тон, взятый в отношении антимили-

* Сначала здесь стремились к введению единого типа военных школ. Для каждого рода оружия должна быть учреждена лишь одна общая для офицеров и унтер-офицеров школа. Естественно, что такое предложение наполняет сердца наших реакционеров ужасом.

таризма Клемансо, этим председателем министерства с двумя «социалистами», бывшим когда-то надеждой и любовью всех социальных оптимистов, показывает, как уже говорилось выше, что во Франции речь идет не об изменении сущности милитаризма, а лишь об изменении его формы, что следует приписать главным образом антиклерикализму.

ИТАЛИЯ

Рабочее движение в Италии в некоторых оттенках имеет большое сходство с французским. И здесь мы находим наряду с обычным политическим движением скатывание на анархические позиции, а также синдикалистско-антипатриотическое движение, которое является антипарламентским и стоит близко к анархизму. В соответствии с этим имеются различия и в антимилитаристском движении. В Италии оно сравнительно немолодое, однако лишь за самое последнее время партия начала проводить систематическую работу по его развитию. В первую очередь обратили внимание на молодежные организации, прежде всего на Национальную федерацию социалистической молодежи с правлением в Риме, которая состоит из провинциальных федераций, издает редактируемый Паоло-Орано журнал «Социалистическая молодежь» и активно действует по примеру бельгийской «Молодой гвардии» на поприще пропаганды среди молодежи антимилитаристских идей.

В 1905 г. была основана Лига будущих призывных; она тесно связана с национальной федерацией и выступает в роли специальной антимилитаристской вспомогательной организации. Обе организации признаны партией.

В октябре 1905 г. правление партии на своем заседании в Риме большинством голосов (против — один голос) приняло следующую резолюцию, предложенную Ферри:

«Правление партии протестует против полицейских преследований социалистов и их печати, в частности, против преследования недавно состоявшихся антимилитаристских митингов; оно с удовлетворением констатирует тот энтузиазм, с которым молодежные организации помогают партии проводить антимилитаристскую агитацию, и постановляет, чтобы вся партия при участии ее правления способствовала этой агитации не только для того,

чтобы показать общественному мнению невиданное разбазаривание государственных денег военным управлением, но и, прежде всего, для того, чтобы воспитать солдат и рекрутов не в духе пренебрежения обязанностями по обороне страны, а в духе отказа от участия в убийствах рабочих, что, к великому позору нашей страны, происходит часто и творится без зазрения совести».

Общий обзор антимилитаристской пропаганды в Италии дал Римский партийный съезд, состоявшийся в октябре 1906 г. Вопрос об антимилитаризме был поставлен здесь как отдельный пункт новости дня. Были внесены два предложения. Одно — синдикалистом Бианки: «Девятый конгресс социалистической партии Италии, рассмотрев вопрос о милитаризме, высказывает свое одобрение антимилитаристской деятельности и форме пропаганды социалистическими организациями итальянской молодежи». Другое предложение было сделано Ромуальди, редактором газеты «Аванти»: «Партийный съезд подтверждает антимилитаристскую традицию партии и признает необходимым ввиду сопротивления, оказываемого буржуазией последовательному проведению в жизнь действительного нейтралитета армии в борьбе между рабочими и капиталом, развернуть агитацию за предотвращение убийств рабочих и штрейкбрехерства со стороны солдат, агитацию, которая должна иметь целью внушить молодым рабочим, чтобы они не применяли оружия в подобных конфликтах и не выступали в роли штрейкбрехеров. Вместе с тем конгресс считает необходимым вести пропаганду среди рабочих с тем, чтобы они не применяли насилия против войск во избежание возможной реакции со стороны солдат, демонстрируя тем самым наличие уз братства, которые связывают между собою бастующих рабочих и солдат».

Во время прений выступали сторонники как антипатриотического, так и анархического антимилитаризма, но явно преобладал социал-демократический антимилитаризм в его узком смысле. Только отдельные ораторы возражали против антимилитаристской агитации среди солдат, применяя те же аргументы, которые фигурировали на Бременском съезде германских социал-демократов [53]. Представители молодежных организаций заявили, что их члены ведут антимилитаристскую пропаганду, но

не в духе Эрве, а для того, чтобы уменьшить размеры военных издержек и чтобы пробудить солидарность солдат с рабочими. В конечном счете, по предложению Ферри и Турати, от голосования отказались, и вопрос был передан правлению партии для дополнительного изучения. Тем не менее особое значение имеет то обстоятельство, что так называемая уравнительная резолюция Ферри, принятая преобладающим большинством членов конгресса, содержит следующее место:

«Партия развивает практическую деятельность, направленную к тому, чтобы усилить антиклерикальную и антимонархическую агитацию ввиду существующего положения и растущего клерикализма правительства, *а равным образом и антимилитаристскую агитацию, которая имеет своею целью воспитать итальянскую молодежь в духе социализма и нейтрализовать тенденцию господствующих классов использовать войско в качестве органа насилия над пролетариатом»*.

В Италии, благодаря антимилитаристической агитации, армия тоже стала ненадежным оружием против внутреннего врага. В Италии также нет недостатка в классовой юстиции, борющейся с антимилитаризмом при помощи многочисленных процессов и суровых наказаний, которым подвергаются как солдаты, так и штатские антимилитаристы. Известность получили происшествия в Турине в 1905 г.

ШВЕЙЦАРИЯ

В Швейцарии антимилитаризм стал быстро развиваться в связи с постоянно расширяющимся применением солдат для подавления стачек.

В октябре 1903 г. Ольтенский съезд швейцарской социал-демократической партии принял резолюцию, которая излагает общепринятую точку зрения на войну и требует такого подхода к вопросу об армии, при котором «были бы точно установлены права и обязанности государства и граждан» и признано недопустимым применение военной силы для подавления стачек.

Недовольство этим постановлением привело в апреле 1904 г. к созыву в Люцерне партийного съезда, который выдвинул, в частности, следующие требования: значительное сокращение военных расходов, необходимость согласия всего народа на производство издержек на сумму

свыше миллиона, улучшение положения военнослужащих в воинском и материальном отношении, упразднение военной юстиции и запрещение применения войск для подавления стачек. Съезд признал обязанностью партии бороться всеми средствами за осуществление своих требований, однако не указал конкретно этих средств.

Военное вмешательство в стачки в Шо-де-Фоне и в Рикене послужило толчком для более инициативных действий и выдвижения более конкретных лозунгов. Состоялись оживленные собрания. Федеральный комитет профессионального союза и правление партии выпустили 15 сентября 1904 г. листовку, в которой содержатся следующие положения:

«Во всех случаях нашим военнослужащим должно быть вменено в обязанность не стрелять в своих братьев-рабочих, не применять против них оружия, не только не подчиняться соответствующим приказам, но и всемерно препятствовать всяким убийствам. В этом случае они действовали бы в соответствии с духом нашей федеральной конституции, так как гражданин, призванный на военную службу, остается все же прежде всего гражданином».

Состоявшийся вскоре после этого партийный съезд в *Цюрихе* принял следующую резолюцию:

«Социал-демократическая партия требует от солдат, чтобы они осознали свою солидарность с бастующими рабочими и не позволили использовать себя для таких действий, которые наносят ущерб праву их классовых товарищей на стачки и проведение собраний».

Последовавший вслед за этим партийный съезд в Женеве поручил правлению партии подготовить к ближайшему съезду партии проект решения по военному вопросу.

Между тем антимилитаристская агитация обрела четкие организационные формы. В 1905 г. образовалась Швейцарская антимилитаристская лига, которая ставит своей задачей:

1. Разъяснять рабочим, что армия в буржуазном обществе служит для того, чтобы воспрепятствовать освобождению рабочего класса.

2. Пропагандировать все средства, пригодные для того, чтобы обезвредить армию, являющуюся орудием насилия в руках капиталистов.

Первый конгресс этой Лиги состоялся в октябре 1905 г., после чего она стала быстро расти. Она издает листовки для рабочих организаций и брошюры для фабричных и сельскохозяйственных рабочих и развертывает энергичную деятельность. Среди брошюр следует особенно отметить широко распространенную, почти классическую брошюру — «Дворовый пес капитала».

По постановлению *Люцернского* конгресса в январе 1906 г. была организована центральная библиотека и переведена брошюра Эрве «Их отечество». Кроме того, Лига издает журнал «Форпост», который весьма умело проводит антимилитаристскую агитацию. По вопросу о деятельности «милитаризма вовне» она защищает много раз оспаривавшуюся точку зрения, а именно, ту точку зрения, что войны будут ликвидированы только после победы социализма, но что еще до этой победы следует предпринять какие-нибудь меры против «взаимного избиения неимущих неимущими по приказу имущих» и что единственное, что может быть сделано в этом плане, состоит в «сопротивлении вооруженных рабочих», т. е., другими словами, в забастовке солдат. По вопросу о деятельности милитаризма против внутреннего врага Лига придерживается лозунга «Vous ne tirerez pas!» («Не стреляйте!»). Само собою разумеется, что этот второй лозунг гораздо более неприятен швейцарскому капитализму, чем первый. Тем не менее, излюбленным макиавеллистическим маневром буржуазии является стремление приводить в движение мельницу своих контрдействий при помощи *«патриотического»* ветра, для чего она с негодованием клеймит «изменническую», «лишенную любви к родине» тенденцию «разоружения перед лицом внешнего врага».

На партийном съезде в Аарау в феврале 1906 г. имели место весьма интересные антимилитаристские прения. Здесь обнаружилось, что и в Швейцарии имеются сторонники идеи военной стачки и, в частности, отказа от исполнения воинского долга по отношению к внешнему врагу. Была принята следующая важная резолюция:

1. Социал-демократическая партия Швейцарии, в союзе с социал-демократическими партиями других стран, стремится к ликвидации всякой возможности войны и всех средств войны между цивилизованными

народами. Она требует урегулирования международных конфликтов третейскими судами.

2. Пока не будет установлено такого порядка между народами Центральной Европы, она допускает существование народного войска, предназначенного исключительно для обороны страны от нападения извне.

3. Партия протестует против применения вооруженной силы во время стачек. Поскольку за последние годы такие злоупотребления фактически имели место, она требует гарантий, что этого больше не повторится. До тех пор, пока таких гарантий не будет дано, она советует солдатам не выполнять приказа о применении оружия против бастующих рабочих. Социал-демократическая партия будет пытаться облегчить по возможности те финансовые последствия, которые могут возникнуть в подобных случаях для отдельных лиц и их семей, и с этой целью установит контакт с профессиональными союзами. Партия признает, что наилучшей гарантией против применения войска во время стачек является укрепление политического влияния партии в общинах и в государстве.

4. Партия требует такой организации армии, основанной на принципах всеобщей воинской повинности, которая соответствовала бы демократическим правилам и не противоречила установленному конституцией равенству прав граждан. Она требует сокращения военных издержек и будет бороться против всяких расходов, которые не вызваны безусловной необходимостью обороны страны.

В развитие этой резолюции было принято решение о создании «кассы сопротивления».

Пункты 1, 2 и 4 этого решения перекликаются в основном с предложениями, внесенными партийным комитетом. Что же касается пункта 3, то съездом было включено в предложение партийного комитета положение, требующее неповиновения приказу о применении солдат против стачечников, которое сделало это предложение, в соответствии с требованием «Форпоста», значительно более острым и более актуальным.

Большинство социал-демократов-грютлийцев[54], как известно, занимает по отношению к милитаризму полностью мелкобуржуазную позицию; они, например, порицают даже голосование против военного бюджета. Неуди-

вительно поэтому, что они склонны весьма легко относиться к вопросу о милитаризме и готовы даже выбросить этот вопрос из партии как ненужную шелуху. Тем не менее новый раскол партии на партийном съезде в Аарау все же не произошел, хотя его и предсказывали, несмотря на энергичную антимилитаристическую позицию партийного съезда.

Заслуживают также упоминания публикации научной группы рабочего кружка Сен-Имье, среди которых имеется приемлемая брошюра «Армия и стачки». Известную роль в движении играют также молодежные организации, хотя они и существуют только во французской Швейцарии. С 1903 г. некоторые из этих организаций стали издавать в Лозанне журнал «Социалистическая молодежь», который, впрочем, позднее потерял характер молодежного журнала. Далее заслуживает упоминания учрежденное в Цюрихе членом партии пастором Пфлюгером «Объединение молодых парней».

Само собой разумеется, что и в Швейцарии вопросам антимилитаризма анархизм уделяет внимание. В Швейцарии, а именно в Женеве, имеется анархическая антимилитаристическая группа, являющаяся отделением Интернациональной антимилитаристической ассоциации, о которой речь еще будет впереди. Издающийся с 1902 г. в Цюрихе анархистский «Набат» считает антимилитаристическую агитацию, проводимую, разумеется, с анархистских позиций, одной из главных своих задач. Не следует упускать из виду, что анархизм здесь имеет пролетарский оттенок, или вернее, что аргументы, приводимые «Набатом», в значительной своей части являются пролетарскими. Успехи швейцарского антимилитаризма, выявившиеся в особенности во время женевской и цюрихской стачек, нами уже рассмотрены; мы говорили также о связанных с ними и заслуживающих упоминания судебных процессах. Упомянем лишь дополнительно, что случаи отказа от вмешательства в стачки со стороны милиции, состоящей из пролетариев, многочисленны; например, во время стачки каменщиков в Шо-де-Фоне милиция отказалась выступить против бастующих; шестеро из милиционеров были приговорены за это военными судами к довольно серьезным наказаниям, несмотря на «симпатию» так называемого «общественного мнения», которое будто бы поддерживало их.

Об особом антимилитаристическом движении в Австрии можно говорить только применительно к периоду, начавшемуся после возникновения специального движения рабочей молодежи. Такое движение возникло, по-видимому, в Вене в начале 1894 г., когда был учрежден Союз молодых подмастерьев. Этот союз направлял острие своей деятельности против национальных молодежных групп и католических юношеских объединений. Вскоре эта организация нашла своих подражателей и в других местах, так что смогла с 15 октября 1902 г. приступить к изданию органа, защищавшего интересы молодых рабочих Германии, который выходил сначала раз в две недели, а затем ежемесячно большим тиражом под названием «Молодой рабочий». К пасхе 1903 г. был затем учрежден Имперский союз молодых рабочих Австрии, объединивший все местные организации. С 1 апреля 1903 г. «Молодой рабочий» стал официальным органом этого Имперского союза. Обзор вышедших номеров этой весьма живой газеты показывает, что она умело руководит специальной борьбой против милитаризма среди молодежи.

Далее следует указать на появившуюся уже в 1896 г. в Вене популярную агитационную брошюру под заглавием «Весела ты, солдатская жизнь», которая превосходно разоблачает все грехи милитаризма в его специфически австрийской окраске и беспощадно пригвождает милитаризм к позорному столбу. Отметим также появившийся в том же издательстве сборник «Лучи света», и, в особенности, брошюры «200 миллионов на новые пушки» и «Человекоубийственный милитаризм в Австрии». Сюда следует отнести также распространение массовым тиражом речи Дашинского в рейхсрате 25 сентября 1903 г., изданной под заглавием «Долой милитаризм и дуализм».

Особого внимания заслуживает чешский антимилитаризм. И здесь движение молодежи играет существенную роль. С 1 мая 1900 г. здесь выходит журнал «Сборник молодежи». Чешские организации молодежи открыто провозгласили антимилитаристическую агитацию одной из своих задач. Правда, социал-демократический партийный съезд в Будвейсе в 1900 г. отказался дать свое согласие на учреждение особых организаций молодых рабочих. Но это решение было направлено лишь против организаций, стоявших вне партии, и привело к слиянию

этих организаций с общим партийным движением. Планомерное объединение молодежи сделало крупные успехи. Во многих местностях были учреждены агитационные комитеты со специальной задачей агитации среди рабочей молодежи. С 15 марта 1901 г. «Сборник молодежи» стал издаваться ежемесячно; с 1 января 1905 г. он выходит уже дважды в месяц. Социал-демократический партийный съезд, состоявшийся в Праге в 1902 г., вновь высказался в поддержку особой агитации среди молодежи и за молодежные организации в рамках партии.

В 1903 г. возник Союз рабочих гимнастических союзов, который также специально занимается вопросами работы с рабочей молодежью. В Праге в декабре 1904 г. был учрежден постоянный агитационный комитет; вскоре такие комитеты были созданы и в других городах.

29 апреля в Праге собралась первая конференция чешской социал-демократической молодежи, на которой присутствовали 127 делегатов от 22 организаций молодежи. Были проведены многочисленные агитационные собрания, как закрытые, так и открытые. В «Сборнике молодежи» вопросам милитаризма постоянно отводится особая рубрика, которая часто давала повод к конфискациям этой газеты. В Праге была учреждена Рабочая Академия с многочисленным членским составом. Национальные конфликты с милитаризмом (проблема языка и насилий над отдельными солдатами) особенно оживляли антимилитаристические тенденции. В особенности следует отметить дело Немравы, одного солдата, который отказался носить оружие и был за это наказан. Шествия рекрутов в траурных одеждах, сопровождаемые похоронной музыкой на повозках, украшенных красными лентами, которые организуются в городах, стали обыденным явлением.

Происшествия, имевшие место во время избирательной борьбы за самое последнее время, показали, что армия отнюдь уже не является совершенно надежной опорой для господствующих классов и для реакции.

ВЕНГРИЯ

В Венгрии социал-демократическая партия и профессиональные организации образуют одно целое, или, правильнее, партия существует только в форме профсоюзов. Движение молодежи здесь началось с 1894 г., когда в Будапеште были созданы организации свободных подма-

стерьев, которые под руководством взрослых сначала преследовали чисто образовательные цели. Но это движение исчезло в 1897 г. в результате ужасной травли со стороны социалистов, начатой Банфи, этим «спасителем буржуазии». В 1899 г., после падения Банфи, рабочими союзами были устроены филиалы для молодых рабочих, которые также главным образом занимались просветительной работой среди своих членов. Но и они испытали на себе зимой 1901/02 г. ожесточенную травлю со стороны полиции и судов. Рабочая молодежь рассеялась по общим просветительным и профессиональным рабочим союзам. Огромный экономический подъем 1904 г., во время которого число организованных в профессиональные союзы рабочих увеличилось в пять раз (с 10 000 до 52 410 членов), вновь поднял на своей волне молодежное движение. Это движение, развитие которого продолжается и сейчас, приобрело при этом социально-политический характер. Его внешней формой явились просветительные союзы или свободные организации (в провинции), или же в некоторых местах, как, например, в Прессбурге, гимнастические клубы. Несмотря на все происки, жестокости, преследования, аресты и конфискации, эти организации стали процветать. В помощь им взрослые рабочие начали издавать газету «Молодой рабочий»; эта газета заложила прочный краеугольный камень для всего движения и теперь имеет тираж приблизительно в 1500 номеров. В апреле 1906 г. был учрежден «Союз молодых рабочих», который и поныне (декабрь 1906) тщетно добивается официального признания со стороны государства. Организации открыто стоят на почве социализма. В каких формах они ведут *специальную* антимилитаристическую пропаганду и ведут ли ее вообще, нам, к сожалению, не удалось установить.

ГОЛЛАНДИЯ

Здесь милитаризм до сих пор еще не стал особенно обременительным, если не считать подавления большой стачки железнодорожников в январе 1903 г., так что учрежденный первоначально в 1900 г., затем прекративший свое существование в 1903 г. и в 1906 г. вновь реорганизованный союз голландской рабочей молодежи («Сеятель, Союз молодых рабочих и работниц Нидерландов») ставит антимилитаристическую агитацию лишь на второй план.

Тем не менее, в своем журнале «Сеятель» (выходит с 1906 г.), превосходно редактируемом товарищем Роланд-Гольст, Союз уделяет значительное внимание вопросу борьбы с милитаризмом.

Зимой 1902/03 г., в эту красную зиму Голландии, редакцией газеты были устроены многочисленные антимилитаристические собрания, в особенности в Амстердаме, по инициативе товарища Роланд-Гольст. На конгрессе Союза, состоявшемся 8 апреля 1906 г. в Утрехте, единогласно была принята резолюция, которая подчеркивала классовый характер милитаризма и вменяла Союзу в обязанность разъяснять молодым рабочим этот характер милитаризма на собраниях, в лекциях, особенно в те дни, когда происходит очередной призыв в армию, а также в листовках и манифестах. Резолюция рекомендовала в этом вопросе по возможности действовать всегда в контакте с социал-демократической партией. Ежегодно в октябре по случаю призыва «Сеятель» устраивает собрания против милитаризма. В начале октября 1906 г. на устроенном «Сеятелем» собрании в Амстердаме, после речи Менделя, была сделана попытка провести резкую грань между социалистическим и анархическим антимилитаризмом.

Вопросом о милитаризме подробно занимались как партсъезды, так и профсоюзные конгрессы, которые выдвигали главным образом задачу организации пропаганды среди солдат.

В Голландии уже давно существует «Союз молодых социалистов», издающий (или, по крайней мере, издававший) редактируемый анархистом-коммунистом Винком журнал «Молодой рабочий»; этот журнал находился под известным влиянием анархистов, открыто, впрочем, не исповедуя анархизма. Число членов этого Союза весьма невелико; он, по-видимому, испытывает хронические внутренние организационные кризисы. Естественно, что в Голландии существует также и анархический антимилитаризм, нашедший себе наиболее яркого выразителя в лице Ньювенгейса.

Далее, здесь существует «Союз солдат и бывших солдат», издающий с 1903 г. ежемесячник «Солдат», который редактируется социалистическим депутатом Тер Лааном. Этот Союз представляет собою нечто вроде политически нейтральной организации профессионального характера с программой, направленной на борьбу с беспорядками в

военной области. Его копией является другой союз — профессиональный Союз моряков, орган которого — «Якорь» — издается в Хельдере под редакцией товарища Мейера. Этот журнал имеет много заслуг в деле улучшения положения матросов и не раз устраивал среди них стачки. Порою он резко преследовался со стороны государственной власти — его редакторы подвергались наказаниям, а продажа журнала на кораблях запрещалась. Палате пришлось неоднократно заниматься им.

ШВЕЦИЯ

Движение среди социал-демократической молодежи Швеции началось с середины 90-х годов. Социалистические молодежные клубы объединились в Союз социалистической молодежи (его местопребывание — Ландскрон, Союз издает журнал «Пожар»); этот Союз, недружелюбно встреченный партией, постепенно пошел по пути анархизма, что особенно наглядно проявляется на примере его позиции по вопросу об обороне страны и о деятельности милитаризма «вовне». В противовес ему в 1903 г. в Мальме был создан Социал-демократический союз молодежи, превосходная организация, начавшая издавать с 1 января 1906 г. журнал «Фрам» («Вперед»), очень солидный и содержательный ежемесячник, стоящий всего 10 эре. Но и он не находит в партии почти никакой поддержки. С 1903 г. по 1906 г. в рамках этого Союза образовалось вместо прежних 7 клубов с 450 членами 300—400 клубов с 14—15 тыс. членов. К концу 1906 г. Союз насчитывал уже 25 тыс. членов и состоял из множества местных организаций. «Фрам» выходит в количестве 35—40 тыс. экземпляров. Социалистический союз ныне насчитывает около 10 тыс. членов, а его журнал «Пожар» (гораздо меньшего объема и менее содержательный, чем «Фрам») имеет тираж в 10—12 тыс. экземпляров.

Оба Союза, *согласно их уставам,* поставили себе задачей ведение антимилитаристической пропаганды, которая преимущественно осуществляется через печать. Социал-демократический союз издает многочисленные агитационные брошюры, среди которых упомянем «Долой оружие!» Ц. Хэглунда и «Социал-демократия и анархизм» Кате Дальстрема. Как сообщает журнал «Фрам», в марте 1906 г. велась энергичная борьба против военных расходов с тем, чтобы высвободившиеся средства были упо-

треблены на поощрение «мелких сельскохозяйственных предприятий, на просвещение народа и на страхование рабочих». Во время кризиса Шведско-Норвежской унии Социал-демократический союз молодежи, который на своем первом съезде в 1905 г. в Стокгольме в превосходной форме обсудил, в частности, военный вопрос, издал свое известное воззвание «Долой оружие!», которое призывало пролетариат к отказу от военной службы в случае возникновения войны с Норвегией; за это воззвание товарищу Ц. Хэглунду пришлось отсидеть девять месяцев в тюрьме. Либеральное министерство, главой которого был «полусоциалист» Стааф, совершенно так же, как во Франции «социалист» Мильеран или недавнее министерство Клемансо — Бриана — Вивиани, весьма отрицательно реагировало на это воззвание и тем самым подчеркнуло важное значение этого движения. В мае 1906 г. вошел в силу пресловутый закон «о намордник», или «анархистский закон», о котором нам придется сказать в другом месте. Вскоре после этого было вынесено несколько тяжелых приговоров: Зундстрем был приговорен 27 сентября 1906 г. городским судом в Норркепинге к году тюремного заключения за осторожно составленную листовку, обращенную к молодым новобранцам. Этот приговор вызвал два дня спустя — наряду с антимилитаристическими демонстрациями среди солдат — внушительную демонстрацию протеста в Норркепинге, которая была рассеяна полицией с применением насилия. Но дело получило своеобразный оборот, тем самым оправдав верность поговорки: «У кого бог отнимает должность, тому он часто возвращает разум». Министерское благополучие Стаафа быстро окончилось. Суровый зимний ветер неудовлетворенности вернул Стаафу разум, и он стал пытаться погасить потоками своего адвокатского красноречия, будучи уже простым гражданином, огонь классовой юстиции, который усердно раздувал, будучи министром. Он принял на себя в декабре 1906 г. защиту товарища Зундстрема в апелляционной инстанции придворного суда в Ионкепинге, где и пытался доказать, что закон вовсе не был рассчитан на такое применение. И действительно, наказание было уменьшено на шесть месяцев! Летом 1906 г. последовало осуждение товарища Ольссона, приговоренного городским судом в Ионкепинге к шести месяцам тюрьмы в наказание за антимилитаристическую листовку

«К рабочей молодежи Смаланда». В конце сентября Социалистический союз молодежи устроил в Гельсингборге и Бьюфе антимилитаристические демонстрации по случаю возвращения солдат, переведенных из регулярной армии в резерв; против этих демонстраций выступила полиция, применившая холодное оружие. В конце октября много участников Гельсингборгской демонстрации 29 сентября было приговорено местным городским судом к тюремному заключению на сроки от 13 месяцев до 3 лет. Нечего сказать, многообещающее начало, которое, впрочем, накладывает отпечаток только на форму, но не на содержание и успехи антимилитаристической пропаганды в Швеции.

14 октября 1906 г. между обоими союзами завязались интересные переговоры относительно слияния обеих организаций, которые коснулись, в частности, и вопроса об антимилитаризме.

НОРВЕГИЯ

В Норвегии местные организации молодежи существуют уже в течение ряда лет, например в Христиании, Драммене, Лаврике и Трондгейме. Социал-демократический союз молодежи в Христиании издает с июня 1901 г. превосходный, пропагандирующий также антимилитаристские идеи, ежемесячный журнал «Тивенде орхундреде», который позднее стал издаваться раз в три месяца. Союз юношеских социал-демократических организаций Норвегии с правлением в Христиании был учрежден в июне 1903 г. на конгрессе в Драммене. Он насчитывает около 2000 членов, в том числе много женщин. Он издает под редакцией Зольберга ежемесячник «Юный социалист». Он выступает за развитие общего, социального и политического образования и, в частности, ведет борьбу против милитаризма. Его отношение к милитаризму совпадает с позицией социал-демократической партии. Конгресс Союза, состоявшийся на троицу 1905 г., отклонил предложение вести борьбу против милитаризма *во всех формах*.

Что касается антимилитаристической агитации Союза, то в этой связи следует упомянуть брошюру норвежского лейтенанта Михаила Пунтервольда «Милитаризм», которая активно распространяется в гарнизонах. Кроме того, нужно отметить следующий случай, имевший место в недавнем прошлом.

10 октября 1906 г. в Христиании состоялось антимилитаристическое собрание, созванное местным союзом социал-демократической молодежи. В ходе его подготовки во все казармы были разосланы билеты с надписью: «Все воинские начальники и рядовые настоящим мобилизуются». Несмотря на запрещение со стороны воинских властей, на собрание пришло много людей. На нем выступали, что можно отметить как характерный момент, кроме Зундстрема лейтенант Пунтервольд (редактор «Социал-демократа»), подавший, впрочем, уже тогда заявление об отставке, а также Эйнар Ли, другой редактор этой же газеты, который отказался вступить в армию и подвергся вследствие этого судебному преследованию.

ДАНИЯ

Организации молодежи в Дании также являются главными носителями антимилитаристической пропаганды. Они создают здесь противовес реакционным организациям, в частности христианским союзам молодежи, которые насчитывали большое число членов. Первая из этих организаций возникла в 1893 или 1894 г. в Ютландии, но только в конце 90-х годов она стала играть определенную роль. На рубеже XIX и XX веков в маленьких местечках Ютландии появились многочисленные социал-демократические Fremscridtsklebber (приверженцы прогресса), которые поддерживают тесную связь друг с другом.

В 1900 г. в Копенгагене был учрежден Союз молодежи. Весною 1914 г. местные организации в Копенгагене объединились в Социалистический союз молодежи Дании, который издает ежемесячник «Новое время». Первоначально этот союз входил в состав партии и поддерживал контакт с организациями Швеции и Норвегии. В момент учреждения он охватывал 19 местных групп, вел работу в стране по трем агитационным округам и уделял особенное внимание антимилитаристической пропаганде. Из числа выпущенных им воззваний, которые печатались в Швеции, так как в Дании нельзя было найти подходящую типографию, 15 были конфискованы, но вскоре арест с них был снят. Так как милитаристы хотели организовать союз милитаристической молодежи, то в апреле 1906 г. была развернута широкая антимилитаристическая агитация: помимо того, что проводились агитационные собрания, по всей стране распространялась газета «Новое время» в

количестве 50 000 экземпляров, в особенности среди солдат, находившихся в отпуску, причем, конечно, дело не обошлось без конфискаций и арестов.

Социалистический союз пошел здесь постепенно по анархическому фарватеру, причем даже более заметно, чем аналогичная организация в Швеции. Конгресс, происходивший 20—21 апреля 1905 г., на котором собрались представители от 7 клубов с 500 членами, занял резкую позицию против социал-демократической партии, хотя такая позиция, конечно, не соответствовала настроениям, господствовавшим в отдельных клубах. Это послужило, однако, толчком к созданию самостоятельного социал-демократического клуба молодежи в Копенгагене, поставившего своей главной целью образование и просвещение рабочей молодежи и борьбу против капитализма и анархизма. Этот клуб органически связан с партией. Конгресс социал-демократической партии, состоявшийся на пасху 1906 г., потребовал создания подобных же организаций по всей стране и обещал им моральную и материальную поддержку.

АМЕРИКА

Относительно *Соединенных Штатов Америки* следует сообщить следующее: программа учрежденной в 1874 г. социал-демократической рабочей партии Северной Америки не содержит никаких специальных указаний насчет милитаризма, который в то время еще был там почти незаметен. В 1879 г., после подавления описанных выше стачек, социалистами Чикаго и Цинциннати под влиянием идей Бакунина было создано несколько военных рабочих союзов, именовавшихся «Просветительные и вооруженные союзы», что, конечно, очень недружелюбно было встречено в партии.

По вопросу о тактике в отношении армии и милиции мнения в последующее время сильно разошлись. Тред-юнионы в особенности пытались держать вдалеке от себя всех служащих регулярной армии и милиции, поскольку они часто участвовали в подавлении стачек. Сторонники другого взгляда думали уменьшить опасность военщины как раз путем установления тесного контакта с военнослужащими.

Социалистическая партия Соединенных Штатов рассматривает пропаганду антимилитаризма, равно как и

антиклерикализма, как одну из побочных задач рабочего движения. Она считает вопрос о милитаризме не столько вопросом, не заслуживающим внимания, сколько вопросом второстепенным, и поэтому стремится предотвратить вырождение партии в простую антимилитаристическую организацию.

Ли указывал, что если ранее, т. е. до 1905 г., социалистическая пропаганда среди солдат и милиции в Соединенных Штатах проводилась слабо, партия все же начала проводить такую агитацию.

В чикагской программе социалистической партии от 1904 г. содержится упоминаемое и в программе-минимум, в п. 5, требование: «Предотвращение использования армии против бастующих рабочих». Здесь же подчеркивается интернациональная солидарность рабочего класса.

ИСПАНИЯ

Об Испании можно здесь сообщить точно так же не многое. В Испании, по-видимому, царят как в организациях молодежи, так и в области антимилитаристической агитации неясность, раздробленность, путаница и анархизм, что соответствует неясности и во взаимоотношениях внутри партии. Впрочем, имеется и признанная социал-демократической партией организация молодежи «Национальная федерация молодых социалистов» с центральным комитетом в промышленном центре Бильбао. Согласно опубликованному в 1906 г. уставу, эта организация ставит своей задачей воспитание молодежи в духе социалистических принципов и использование таким образом воспитанной молодежи в интересах партии.

ФИНЛЯНДИЯ

Весной 1906 г. в Гельсингфорсе был основан клуб молодых рабочих, явившийся отделением местного союза шведских рабочих, в который немедленно вступили 40 человек. 10 марта 1906 года этот клуб, насчитывавший тогда уже 70 членов, обсуждал предложение «Фрам» о своем присоединении к молодежному союзу королевства Швеции. Предложение было временно отклонено из тактических соображений, хотя оно было встречено дружелюбно. Клуб издал агитационную брошюру под заглавием «Товарищ». В ней он пропагандировал создание дальнейших клубов в стране и образование союза, охватывающего

все финские организации. 9 декабря 1906 года в Таммерфорсе состоялся первый конгресс финских организаций рабочей молодежи, на котором было принято решение, чтобы *Союз молодых рабочих финской национальности* присоединился к рабочей партии и чтобы в его уставе содержалось положение о «борьбе с милитаризмом во всех его видах».

РОССИЯ

О России следует говорить особо, и здесь мы не можем подробно рассмотреть положение в этой стране. Несколько общих замечаний были сделаны уже выше. Следует еще раз указать на то, что отношение офицеров к русской революции является совершенно иным, чем к рабочему движению, и что поэтому положительная точка зрения по вопросу о возможности агитации среди офицерства, высказанная Плехановым в № 7 «Дневника Социал-демократа»[55], сама по себе является последовательной. Значение антимилитаристского движения в России является чрезвычайно важным, оно входит в качестве одного из элементов в бесконечное целое великой революции.

МЕЖДУНАРОДНАЯ АНТИМИЛИТАРИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

В 1902 г., кажется, вначале в среде французских анархистов, возникла мысль о созыве международного антимилитаристического конгресса с целью создания международного антимилитаристического союза. Побудительным мотивом, в первую очередь, явилось стремление поддержать дезертиров, которые под влиянием анархистской пропаганды в довольно значительном числе переходили через границу и создавали там прочные соответствующие организации. Большинство сторонников созыва такого конгресса принадлежало к упомянутой уже выше Лиге защиты солдата, которая может служить примером безрезультатной попытки создания международной антимилитаристической организации на основе узкой программы. Эта идея, кажется, нашла сочувственный отклик в Англии и в других странах; был создан комитет, находившийся, по всем признакам, под сильным влиянием Ньювенгейса. Лозунг, под которым конгресс должен был собраться, был самым «многообещающим»: «Ни одного человека, ни одной копейки для милитаризма».

Пропаганда в пользу созыва конгресса, который первоначально должен был собраться в марте или в апреле

1903 г. в Лондоне, не приносила ощутимых результатов, хотя комитет и пытался привлечь к участию в конгрессе социал-демократические организации (впрочем, довольно тщетно), как, например, бельгийские организации «Молодой гвардии», а также всевозможных антимилитаристов, стоящих на этих позициях по религиозным или гуманным мотивам.

После того как созыв конгресса, запланированный на сентябрь 1903 г. в Амстердаме, вновь был отложен на неопределенное время, в Париже в целях агитации за созыв этого конгресса стал издаваться специальный орган «Враг народа», первый номер которого вышел в августе 1903 г.; он редактировался анархистом Жанвионом в духе самого безудержного штирнерианства. Наконец, в июне 1904 г. удалось созвать этот конгресс в Амстердаме, причем, благодаря энергичной работе Ньювенгейса, с довольно значительным числом участников. Конгресс, разумеется, представлял собою в высшей степени пестрое общество: здесь собрались анархисты всех оттенков из Голландии, Франции, Бельгии, Богемии (представители небольшой группы горнорабочих), несколько представителей от испанских анархистских профессиональных союзов, голландские толстовцы, евангелический пастор Шермергорн и представители других разновидностей религиозного и гуманитарного антимилитаризма из Голландии, наконец, также и отдельные английские тред-юнионисты.

С трудом удалось избежать того, чтобы конгресс не превратился в чисто анархический конгресс по учреждению анархической лиги, естественно, с отречением от анархистов-индивидуалистов. Ход конгресса показал, что разнородные элементы, которые приняли в нем участие, совершенно не могут быть объединены для согласованных выступлений.

Толстовцы и гуманитаристы были исключены, а оставшаяся часть делегатов приняла несколько резолюций:

1) предложенную голландскими делегатами резолюцию, которая вменяет в обязанность профессиональным организациям бороться против милитаризма, особенно учитывая его вмешательство в стачки; завязывать с солдатами дружеские связи и находиться в постоянном контакте с членами профессиональных союзов, призванными на военную службу;

2) резолюцию Жиро (Франция), которая рекомендует профсоюзам создавать организации молодежи в целях проведения ими антимилитаристической пропаганды;

3) резолюцию Боричека (Богемия), которая рекомендует профсоюзам «всего мира» придерживаться тактики, применяемой французскими профсоюзами;

4) голландскую резолюцию, рекомендующую в качестве средства предотвращения войны провозглашение всеобщей стачки;

5) еще одну голландскую резолюцию, рекомендующую воспитание молодежи в духе антимилитаризма, в частности используя влияние на матерей, и, наконец,

6) французскую резолюцию относительно индивидуального отказа от исполнения воинского долга.

Таким образом, в резолюциях не было недостатка. Кроме того, был принят обширный манифест, расплывчато-идеалистический характер которого подвергся резкой критике даже со стороны самого Ньювенгейса.

Все же была учреждена Международная антимилитаристическая ассоциация, причем под тем же пресловутым лозунгом: «Ни одного человека, ни одного сантима для армии». Секретарем был избран Ньювенгейс. Одновременно было принято решение созвать второй конгресс в 1905 г. в Оксфорде.

Конгресс в Оксфорде, конечно, не собрался, и столь же неудачной оказалась попытка созвать такой конгресс в июне в Женеве.

В повестку дня Женевского конгресса, между прочим, под пунктом 2 были предложены следующие вопросы:

а) Что должны мы делать, чтобы предотвратить войну?

б) Что мы должны делать, если война начнется?

в) Как должны поступать антимилитаристы, если во время войны рабочие одной страны откажутся взяться за оружие, в то время как их братья в неприятельском государстве совершат на их сторону вооруженное нападение?

г) Позиция рабочих нейтральных стран в случае войны.

Проблема международного разоружения и эрвеизма поднята здесь в ее практическом значении со всей необходимой ясностью.

Пункт 3 предусматривал: антимилитаризм, локальные стачки и общую социальную стачку для создания коммунистического общества.

Под влиянием Ньювенгейса в октябре 1904 г. состоялся национальный голландский антимилитаристический конгресс в Цволле, на котором Ньювенгейс сделал в высшей степени оптимистический доклад о состоянии Международной ассоциации и, между прочим, сообщил, что кроме «Врага народа» в Марселе стала выходить газета «L'action antimilitariste» («Антимилитаристическое действие»). Этот конгресс постановил создать национальную голландскую антимилитаристическую ассоциацию, которая составила бы часть Международной ассоциации.

Во Франции указанная Ассоциация также стала развиваться довольно быстро. В июле 1905 г. в Этьене состоялся национальный конгресс, в работе которого, согласно докладу «А. I. А.», приняли участие «многочисленные группы». Был учрежден национальный комитет и принято решение об издании национального органа, который, однако, начал впервые выходить только в октябре 1906 г. под заглавием «А. I. А.» (начальные буквы наименования Ассоциации) в Париже в качестве ежемесячного бюллетеня Ассоциации. Конгресс, далее, принял решения о мероприятиях на случай войны: стачка резервистов, отказ со стороны солдат в повиновении и восстание; на случай всеобщей стачки предусматривалась энергичная поддержка борющихся рабочих организаций. Дезертирство не было включено в число активных средств Ассоциации, и материальная ответственность за него, кроме исключительных случаев, была отклонена. Наиболее важным было постановление — не принимать никакой партийной «доктрины»,— ни социалистической, ни анархической,— а сохранить самостоятельный межпартийный революционный характер; все же в случае принятия Ассоциацией соответствующей резолюции вменялось в обязанность восстание и — здесь-то сказался анархический привкус — было решено воздерживаться от участия в выборах. Парижский национальный комитет выпускает кроме того в Париже бюллетень «Публикации А. I. А.», среди которых имеется изданная в 1906 г. брошюра «О целях, методах и деятельности А. I. А.». Известная подвергшаяся 31 декабря 1905 г. резкому осуждению со стороны парижских присяжных листовка «К призванным» также была подписана членами Национального комитета. Насколько можно судить по бюллетеням, существует значительное число местных групп (секции), плохое финансовое положение которых

говорит, между прочим, о том, что число членов этих групп невелико. Упомянутая брошюра относительно целей, методов и деятельности Ассоциации характеризует саму Ассоциацию следующим образом: «Она является боевой организацией; она требует от своих членов в соответствующем случае готовности к прямым, насильственным, мятежным выступлениям. Ее единственной заботой, единственной целью ее деятельности является: противопоставить милитаризму волю к мятежу, т. е. ту силу, которая, где это возможно, уничтожит его». Таким образом анархизм и путчизм вопреки всему. Это проявляется в факте своеобразной дискуссии по поводу «упрека», сделанного Ассоциации, что она является *организацией.*

В Швейцарии также существует несколько секций «А. I. А.».

Во время заседаний международного конгресса в Париже в 1900 г. и в Амстердаме в 1904 г. устраивались также международные конференции социалистической молодежи, которые каждый раз поручали бельгийским организациям «Молодой гвардии» заняться созданием Международной ассоциации, что до сих пор, однако, еще не выполнено.

Международный союз *организаций молодежи,* таким образом, все еще не создан, несмотря на все попытки. Но, по-видимому, осуществление этой идеи не так уж далеко.

III глава
ОПАСНОСТИ АНТИМИЛИТАРИЗМА

Реакция и капитализм особенно чувствительны в вопросе о милитаризме; они превосходно понимают, что в лице милитаризма они защищают свое господствующее положение по отношению к демократии и рабочему классу, и сплоченно выступают против антимилитаризма в его обоих видах, выражающихся в его борьбе как против внутреннего, так и против внешнего милитаризма. Золотые дни нерешительного, нередко снисходительно-милостивого отношения, которое проявлялось со стороны юстиции, иногда попадавшей под влияние революционной фразеологии, окончились для Бельгии и даже для Франции с тех пор, как антимилитаризм стал представлять собою серьезную опасность для антипролетарских сил. В связи с Германией достаточно вспомнить о приказе-«намордник» военного министра фон Госслера от января 1894 г. (опубликован 6 августа 1897 г. в Имперском сборнике законов); этим приказом унтер-офицерам и рядовым (об офицерах здесь не говорится ввиду того, что они в силу своего социального происхождения и положения являются благонадежными) запрещается не только всякая открытая деятельность революционного или социал-демократического характера и не только хранение и распространение революционных и социал-демократических сочинений, но даже воспрещается, чтобы устранить любые обходы и нежелательные попытки в этом направлении, *всякое* участие в каких-либо союзах, собраниях, празднествах и сборах денег без предварительного разрешения со стороны начальства. Кроме того, лицам, состоящим на действительной военной службе — и это в особенности характерно для той бесцеремонности, с которой

милитаризм преследует свои цели, и неуважения чести и чувства достоинства своих «ребят»,— предписывается немедленно доносить командованию о всяком дошедшем до их сведения случае обнаружения в казармах или других служебных помещениях революционных и социал-демократических сочинений. В результате германский милитаризм самовольно создал себе особую уголовную защиту от внесения в действующую армию социал-демократического или вообще антимилитаристического яда, как бы легален он ни был и не имел ничего общего с агитацией за отказ от повиновения. Эта защита далеко превосходит даже пресловутый шведский закон о «намордник». Доносы, относящиеся всюду к числу гнуснейших пороков, возводятся здесь в служебный долг; кто не донесет, того посылают в тюрьму за неисполнение приказов начальства!

Но для того чтобы переполнить чашу, в соответствии с тем же приказом особо устанавливается, что эти запреты и приказания распространяются и на лиц, призываемых на учебные сборы и контрольные собрания. Конечно, в данном случае перегибают палку. Ибо попросту невозможно добиться исполнения этих приказов и проверить, действительно ли люди, призванные на учебные сборы, порвали, например, на это время свою связь с профессиональными союзами и другими так называемыми революционными организациями; нельзя думать, что они на это время перестанут быть подписчиками рабочих газет (технически вообще невыполнимая вещь), даже выбросят хранящуюся у них дома революционную литературу и перестанут читать ее. Между прочим, автору настоящей книги стал известен случай, имевший место в 1905 г., когда военный суд в Потсдаме приговорил рабочего к продолжительному лишению свободы, так как он вечером того дня, когда проводился контрольный семинар, принял участие в собрании своего профессионального союза. Напротив, безрезультатным оказалось возбужденное в 1904 г. перед уголовным судом Потсдама обвинение против рабочего, который послал одному знакомому унтер-офицеру социал-демократическую газету, содержавшую некоторые соображения по поводу плохого материального положения унтер-офицеров; в этом случае обвиняемый был оправдан.

О том, насколько строго приказ Госслера выполняется по отношению к солдатам, состоящим на действительной службе, дают представление, например, имевшие место

случаи, когда в отношении солдат, подтвердивших свои социал-демократические убеждения в ходе служебного опроса или даже в ходе выступления на суде под присягой, причем с осторожной оговоркой о приверженности к этим взглядам только до вступления в армию, военные суды выносили обвинительные приговоры. Это представляет собою явно грубо противозаконное и антиморальное действие.

Напомним здесь также о знаменательном во многих отношениях деле полковника Гедке, который, будучи офицером запаса, был лишен права ношения мундира за то, что он при обсуждении вопроса об убийстве сербского короля высказал соображение о том, что для офицера при известных обстоятельствах обязанности по отношению к родине могут стоять выше обязанностей по отношению к монарху. Уголовные и полицейские преследования против союза учащейся и рабочей молодежи Кенигсберга летом 1906 г., last not least (последний, тем не менее важный) опубликованный в начале октября 1906 г. в печати тайный приказ прусского военного министра по вопросу об определении характера и объема социал-демократической антимилитаристической пропаганды, приказ, который, конечно, отражал в себе одновременно и страх и нечистую совесть господствующих классов, а также антисоциал-демократическая инструкция генерала фон Эйхгорна,— все это в одинаковой мере относится к рассматриваемому вопросу.

Естественно, что эта чувствительность в отношении антимилитаризма имеет такой же международный характер, как и сам капитализм и милитаризм. Реакция на антимилитаристическую деятельность повсюду, как это показано в другом месте, является резкой и жестокой.

Более подробного изложения заслуживает также внесенный «полусоциалистом» Стаафом в мае 1906 г. шведский закон «о намордник», направленный против антимилитаристической агитации, который был принят первой палатой без всяких прений, а второй палатой — после оживленных прений, но, тем не менее, подавляющим большинством голосов. Этот закон мы должны рассматривать как в принципе согласованную на будущее время форму «законодательной» борьбы против антимилитаризма. В соответствии с этим законом чрезвычайно усилены меры наказания за некоторые преступления против общественного

порядка, например за устное или письменное подстрекательство к совершению наказуемых деяний: закон повысил максимальное наказание с двух лет тюрьмы до четырех лет каторжных работ. Далее, он вводит наказуемость за «восхваления» преступных деяний и призывы к неповиновению закону или законной власти, поскольку это делается через органы печати, и дает право воинским начальникам конфисковывать и передавать специальным органам сочинения, имеющие своей явной целью подорвать у солдат чувство долга и повиновения. Наконец, он предоставляет военным командирам право воспрещать солдатам посещение собраний, если можно предположить, что там будут произноситься речи, создающие опасность для дисциплины. О плодах этого закона мы уже говорили выше.

Мелье прав: повсюду реакция объявляет казарму священной и неприкосновенной, повсюду она рассматривает антимилитаризм как государственную измену. Когда же Мелье делает замечания относительно Франции, указывая, что яростные нападки на антимилитаризм исходят из храма золотого тельца, с биржи, со стороны *международного* капитала, который лицемерно подымает свой голос в защиту интересов *«отечества»*, то эти замечания правильны и для современной Германии, однако с теми ограничениями, которые вытекают из нашей своеобразной монархически-бюрократическо-аграрной разновидности капитализма.

В высшей степени интересным доказательством чувствительности по отношению к антимилитаризму и вместе с тем доказательством того преобладания, которое получила функция милитаризма против внутреннего врага по сравнению с его функцией против врага внешнего, служат заявления германского кайзера (который уже в своих речах от 26 января 1895 г. и 22 марта 1901 г. призывал к борьбе против социалистических стремлений молодежи к образованию), сделанные французскому журналисту Гастону Менье в 1906 г. Кайзер охарактеризовал в данном случае антимилитаризм «как международный бич» и при этом специально сослался на французский антимилитаризм, т. е. антимилитаризм, который якобы намеревается ослабить боеспособность и подготовленность французской армии, армии нашего «злейшего врага»! Немного недостает, чтобы создать международную «анти-антимилитаристическую» лигу.

IV глава

АНТИМИЛИТАРИСТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА

Сам по себе антимилитаризм не имеет ничего пролетарско-революционного, и вместе с тем он не является также чем-то специфически буржуазно-капиталистическим. Достаточно вспомнить о прошлых примерах, например, о русских декабристах и о буржуазно-националистическом катехизисе солдата Эрнста Морица Арндта в сентябре 1812 г., который открыто призывал солдат к бунту против изменников-князей. Убедительным примером из нового времени является русская революция. Но здесь мы имеем в виду ограничиться только антимилитаризмом в капиталистических государствах.

1. ТАКТИКА ПРОТИВ ВНЕШНЕГО МИЛИТАРИЗМА

Конечной целью антимилитаризма является устранение милитаризма, т. е. упразднение армии в любой форме, что неизбежно повлекло бы за собой исчезновение всех прочих характерных проявлений милитаризма, которые, по существу, являются лишь косвенным следствием существования армии. Когда спадает мантия, герцог также должен уйти.

Эту цель смог бы осуществить и пролетариат только при условии, если сложится такое международное положение, при котором будет исключена всякая необходимость содержать в *интересах пролетариата* постоянную армию, причем интересы пролетариата отнюдь не следует понимать как противоречащие национальным интересам.

Логически рассуждая, необходимость существования армии могла бы отпасть *и для капитализма* при устранении возможностей конфликтов или при равномерном международном разоружении.

Устранение возможностей конфликтов означало бы прежде всего устранение экспансионистской политики, которая, как это указывается в другом месте, найдет свое естественное завершение в охвате всего земного шара трестами, подчиненными великим державам; собственно говоря, это означало бы в конечном счете создание всемирного союзного государства [56].

Но эта задача является пока еще романтической музыкой будущего. Все говорит за то, что мировая политика не достигнет такого «состояния устойчивости» до тех пор, пока пролетариат не осуществит своей конечной цели и не поставит свою мировую политику на место капиталистической.

С международным разоружением дело обстоит еще хуже. Оно означает не только отказ от военного соперничества всех милитаристических государств и тем самым отказ от шансов на наживу, на которую может рассчитывать или хотело бы рассчитывать то или другое государство из числа наиболее могущественных и, следовательно, могущих оказывать наибольшее влияние на осуществление такого разоружения государств (отсюда и предложение о *соответствующих* размерах отдельных армий); оно означает, кроме того, не более и не менее как отказ от тех международных интересов, которые заставляют господствующие классы, капитализм, апеллировать к ultima ratio regum (последний довод), т. е. именно от тех интересов, которые признаются капитализмом как важнейшие и даже жизненные для него, в особенности, от политики экспансии. Вера в то, что всего этого можно достичь при господстве капитализма еще до обеспечения указанного естественного состояния устойчивости мировой политики, является поистине верою слепца. Конечно, влияние пролетариата, направленное против основ нынешней мировой политики и благоприятствующее образованию всемирного союза государств, все более и более возрастает даже в отсталых странах и может порою способствовать ослаблению угрозы войны и общемировому умиротворению; но рост влияния пролетариата усиливает также и опасность бонапартистских трюков, так что представляется сомни-

тельным, произойдет ли при этом хотя бы уменьшение суммы возможностей войны.

Тенденцию осуществления равномерного международного разоружения можно было бы также назвать антимилитаризмом, если бы в результате этого удалось сделать существующие армии фактически не способными к выступлению или, по крайней мере, подорвать их боеспособность. Эрве требует,— в этом заключается суть его идей,— проведения такой подрывной работы любой ценой.

Но и идея Эрве также приемлема в принципе только в том случае, если признать, что *пролетариат ни при каких* обстоятельствах и *ни в каком* случае не заинтересован в вооружении народа. Вокруг этого последовательно и вращается весь спор, причем «реально-политическая» точка зрения Каутского, не довольствующегося лишь внешним и вводящим в заблуждение делением войн на наступательные и оборонительные [57], безусловно заслуживает предпочтения перед заносчивым и игнорирующим реальное положение вещей антипатриотизмом федерации Ионны. До тех пор, пока в международном масштабе не будет достигнуто состояние экономической и социальной устойчивости, к которому стремится социал-демократия, пока не будет устранен классовый характер общества, возможность возникновения войн будет существовать, и социал-демократия, вернее, *именно* социал-демократия не может игнорировать этого. Само собой разумеется, как указано выше, что действительные причины войны при господстве капитализма таковы, что пролетариат не только не может поддерживать их, но, напротив, должен бороться с ними самым решительным образом. Конечно, неправильно думать, что все войны представляют собой лишь действия, направленные против пролетариата. Правда, в бонапартовском смысле такое толкование возможно, а ведь «привкус» бонапартизма можно найти повсюду. Однако наиболее существенной из всемирно-исторических причин войны является, как правило, борьба за добычу, за прибыль между капиталистическими классами мировых держав. Естественно, что в результате таких войн, в ходе таких войн могут произойти восстания, революции, и каждая из воюющих стран будет вынуждена повернуть оружие против своего пролетариата. Таким образом, здесь проявляется общая солидарность господствующих классов воюющих между собой держав в их борьбе против пролетариата

этих государств; в большинстве случаев именно тогда и проявляется тенденция к окончанию войны. Столь же естественно также, что *каждая* победоносно завершенная война, предпринятая по капиталистическим мотивам, так или иначе приводит к бонапартистским последствиям, в то время как при неблагоприятном исходе войны неизбежному культурному ущербу противостоит все же шанс крушения капиталистической реакции. Вследствие этого у пролетариата возникает чрезвычайно сильный стимул к выступлению против войны, и вполне понятно и почти похвально, если в той или иной стране в ходе борьбы против войны идут дальше первоначально поставленных целей. С точки зрения пробуждения и возбуждения масс учение Эрве имело свои ценные стороны. Оно уже отчасти сыграло свою роль.

Мы должны прежде всего различать войны по их характеру. В зависимости от этого мы должны затем установить, в каких случаях будет принципиально правильным стремиться к разоружению. Естественно, что вопрос о принципиальном отношении к войне имеет весьма существенную практическую важность и ни в коем случае не является чисто теоретической умственной гимнастикой. Он не решается сам собой в каждом конкретном случае; напротив, каждый конкретный случай, вызывая большое возбуждение, приносит с собой тенденцию к запутыванию ясной точки зрения. Применительно к Германии предостережением служат те события, которые разыгрались внутри партии в начале германо-французской войны и во время восстания Герреро; они указывают на необходимость осторожности и своевременного выяснения принципиальных вопросов.

Далее, в каждом отдельном случае необходимо наряду с выяснением того, что в принципе было бы желательным, поставить и вопрос о том, что практически выполнимо. И здесь Эрве предается опасным иллюзиям. Еще не созрело время для объявления всеобщей стачки или стачки солдат против *любой* войны, противоречащей интересам рабочего класса. Эрве восклицает: «Энергичная антимилитаристическая и антипатриотическая агитация — и гора подойдет к Магомету!». Здесь он увлекается анархизмом. Мы же должны сказать: пролетариат в своей подавляющей массе еще не проникнут классовым сознанием, еще не просвещен в духе социал-демократии, не говоря уже о том,

что для каждого антипатриотического выступления во время разгорающегося шовинистического пожара необходимо столько же готовности к самопожертвованию и хладнокровия, сколько и рассудительности. Организация и общее революционное просвещение рабочих являются предпосылками для успешной всеобщей или солдатской стачки в случае войны. Рассчитывать в этом вопросе на одну только антимилитаристическую пропаганду — значит предаваться чистейшей фантазии.

Обычное положение вещей в связи с данным вопросом выглядит следующим образом: если пролетариат уже настолько развит, что может осуществить указанные действия, то значит он способен и завоевать для себя политическую власть, поскольку не может быть более неблагоприятных условий для развертывания пролетарской мощи, чем те условия, которые обычно возникают в момент развязывания войны.

Что же касается плана Эрве, согласно которому стачка солдат должна увязываться с восстанием и, следовательно, с попыткой завоевания политической власти и с настоящим вооружением революции, то этот план является по крайней мере логичным и не выдает премии за культурную отсталость. Нужно было бы только задать себе вопрос о возможности его осуществления в *национальном* масштабе (если он вообще осуществим во время социальной революции), а не о возможности его осуществления в *международном* масштабе, что должно нас интересовать в связи с вопросом о стачке солдат или всеобщей стачке. Однако национальная осуществимость находится в прямой зависимости в первую очередь от уровня развития пролетариата и от степени политического, социального и экономического напряжения, при котором он живет. А это напряжение оказывает, в свою очередь, в зависимости от уровня экономического и духовно-политического развития пролетариата, благоприятствующее или сдерживающее воздействие, так что в странах с умеренным напряжением, несмотря на высокий уровень развития пролетариата, например в Англии, нельзя было бы добиться большего, чем в странах с большим напряжением, но с низким уровнем развития пролетариата, как, например, в сельских, а также преимущественно католических промышленных областях Германии. То, что может быть практически осуществимо во Франции, Бельгии или Швейцарии, далеко еще не

является осуществимым в Германии. И, конечно, одной только антимилитаристической пропаганды мало для устранения этого недостатка, хотя она, безусловно, вполне пригодна для пробуждения классового сознания. Далее, можно выдвинуть также и следующее возражение: восстания искусственно не делаются. При трезвом и вдумчивом отношении к вопросу нельзя предполагать, что *всякая* война, или даже та война, которую проклинает пролетариат, которая причиняет ему вред, может, даже при наличии самой активной агитации, сразу довести вооруженный народ до революционного накала, причем наиболее подготовленный к этому народ, не говоря уже о всех народах, эксплуатируемых капиталистами; нельзя предполагать, что всегда будут иметься шансы на успех такого восстания. Война — это такой факт, который никогда не проявляется столь же регулярно, как конфликт с внутренним милитаризмом, и который представляет собой опасность, сознаваемую массами скорее теоретически. Война вовсе не является самоочевидным, легко бросающимся в глаза массам проявлением классовой борьбы, а ее зависимость от действий иностранных государств затрудняет ориентацию как в ней самой, так и в направленных против нее действиях.

Эрве и в этом вопросе недооценивает тех серьезных стимулов, на которые должно опираться такое выступление против войны, если оно не желает оказаться смешным и одновременно опасным пуфом, подобно бомбе, которая взрывается в кармане у того, кто хочет бросить ее.

Следует вновь выявить различие. Нельзя стричь все под одну гребенку. Безусловно, имеются такие войны, которые пробуждают революционные силы, которые создают внутри отдельных государств сильное социальное и политическое напряжение и доводят его до взрыва: к таким войнам следует отнести случай интервенции в России, практически возможный, конечно, лишь в отдаленном будущем. Начало именно такой войны явилось бы для западноевропейских народов сигналом для взрыва самой беспощадной классовой борьбы, явилось бы принуждением, ударом бича, способным поднять народ против внутренней реакции, против поклонников кнута, против позорных палачей несчастного, стремящегося к свободе народа. И действительно, лозунг Вальяна «Скорее восстание, чем

война» нашел бы тогда сочувственный отклик среди пролетариата всех цивилизованных стран.

Сегодня можно представить себе и другие случаи, при которых выковалась бы мужественная и готовая на жертвы солидарность, например, возникновение войны между Швецией и Норвегией. Однако все это не укладывается в рамки нормального развития, которое мы должны класть в основу при разработке нашей тактики. Возможно, что когда-либо в будущем такую ситуацию создаст возникновение войны между Францией и Германией. Многое будет зависеть от социал-демократии обеих стран, которая своей революционной просветительной работой может способствовать скорейшему появлению такой солидарности. Естественно, что многое будет зависеть и от причины войны; очевидным фактом является, например, то, что, несмотря на всю общемировую шумиху, в настоящее время колониальные поводы к войне, хотя они и актуальны, могут использоваться заинтересованными в войне лицами лишь с небольшой эффективностью.

Если мы, таким образом, можем считать своей целью полное разоружение, хотя бы временное и только для исключительных случаев, то не может быть каких-либо принципиальных или практических возражений против частичного разоружения, которое уменьшало бы лишь способность армий к *агрессии*. Уничтожение постоянной армии и замена ее всеобщим вооружением народа, замена ее милицией, а также идущее рука об руку с этим предложение Гастона Моха о сокращении военных расходов и ослаблении всех прочих вредных следствий милитаризма,— таковы те требования, которые вполне логично написаны повсеместно на знамени сознательного пролетариата.

Поэтому понятно, что имеются определенные причины, по которым решения интернациональных конгрессов, содержащие лишь антимилитаристическую «программу-минимум» большинства организаций, стоящих на почве современного рабочего движения, не выходят в основном за рамки общих мест по вопросу о «милитаризме вовне». Не в меньшей степени этим же самым оправдывается также и то, что в тактических программах отдельных национальных партий почти повсюду отсутствует более глубокое определение милитаризма с этой стороны, что борьба против него, как правило, происходит все еще на общеполитической арене, что национальные партии стремятся

добиться своей цели путем воздействия на весь общественный строй и не очень стремятся специализировать пропаганду. Резолюция Вальяна, принятая французским партийным съездом в Лиможе, которая должна быть предложена Штутгартскому конгрессу 1907 г. [58], является в своих основных чертах удачной и приемлемой.

Нападки анархистов, в частности Ньювенгейса, на такое поведение социал-демократии бьют мимо цели. Пускай социал-демократия проявляет здесь известную беспомощность, но зато она не занимается фразеологией. Фразеологией и фантазией является скорее поведение тех, которые, провозглашая неосуществимые мероприятия, стремятся при помощи таких общих фраз разрешить эту все еще неразрешимую в настоящее время тактическую проблему.

2. ТАКТИКА ПРОТИВ ВНУТРЕННЕГО МИЛИТАРИЗМА

Гораздо проще обстоит дело со значительно более перспективной борьбой против «внутреннего милитаризма», борьбой, очевидной целью которой является разоружение, а именно, безусловное и основательное разоружение государственной власти. Метод этой борьбы состоит в том, чтобы, приспособляясь с величайшей гибкостью к внутренним политическим условиям отдельных стран, использовать все средства, начиная от медленной, спокойной и глубокой просветительной работы и кончая французским призывом: «Солдаты, вы не станете стрелять!».

Эта борьба и необходимость ее специализации с особенной настоятельностью возникают для пролетариата там, где употребление войск против бастующих рабочих или политически демонстрирующего пролетариата является весьма вероятным. Повсюду — во Франции, в Бельгии, в Италии, в Швейцарии и в Австрии — можно наблюдать, как специальная антимилитаристическая пропаганда приобретает своеобразную форму и актуальность под влиянием вмешательства армии в классовую борьбу. Это относится и к Франции, несмотря на ее эрвеизм, многочисленные сторонники которого среди синдикалистов могут отнести лишь ничтожную часть своего успеха на счет своего антипатриотического направления и своеобразия своих приемов. Это положение характерно, по свидетельству Ли, и для Америки. И если в Германии

специальная антимилитаристическая пропаганда пока непопулярна, то это в немалой степени объясняется тем, что здесь до самого последнего времени почти не было случаев кровавого вмешательства армии в стачечную борьбу. Но неужели неизбежная участь даже прогрессивных народных движений должна состоять в том, чтобы прикрыть колодец только после того, как ребенок успел уже в него упасть? Неужели даже социал-демократия с ее дальновидной, ясной и оптимистической программой должна остаться глухой ко всем воплям Кассандры? [59]

3. АНАРХИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ АНТИМИЛИТАРИЗМ

Цель социал-демократии вытекает из историко-экономического воззрения; *только в нем* — оправдание этой цели, которая поэтому и далека от всякой утопии. Цель же анархизма идеологически не имеет под собой какого-либо исторического основания. Этим именно и характеризуются различия, противоположность между обоими направлениями.

Взгляды социал-демократии являются историко-органическими, взгляды же анархизма — произвольно-механическими. Правда, анархизм рассматривает людей как носителей того развития, которое он имеет в виду, и признает их волю движущей силой; поэтому он считает своей задачей воздействовать на их волю. Но и социал-демократия считает воздействие на волю рабочего класса своей задачей.

Но все же здесь имеется коренное различие.

Для анархизма воздействие на волю является единственно существенной предпосылкой успеха, для социал-демократии же этот момент занимает лишь второстепенное место по сравнению с объективно существующими стадиями экономического развития, ни одну из которых нельзя миновать даже при самом большом желании со стороны масс или отдельного класса.

Анархисты считают, что такое воздействие при надлежащей энергии всегда возможно; социал-демократия же признает возможным такое воздействие в качестве массового и классового явления лишь в том случае, если налицо предрасположение со стороны масс к этому воздействию, созданное экономическим развитием. По

вопросу о необходимости этого предрасположения и идет спор между обоими направлениями, в то время как внутри социал-демократии разногласия в большинстве случаев возникают в связи с сомнением, появилось ли или нет в данный конкретный момент такое предрасположение. Естественно, что вопрос о том, созрели ли экономические условия для перехода к действиям, решить трудно; в каждом отдельном случае трудно также определить те рамки, в пределах которых необходимо воздействовать на волю, в особенности же степень имеющегося для этого предрасположения. Личный оптимизм или пессимизм, темперамент играют в этом вопросе значительную роль, которую нельзя сбрасывать со счета. Здесь и кроется источник разногласий внутри социал-демократии, причем те социал-демократы, которые считают необходимым большее воздействие на волю и требуют лишь ничтожной степени предрасположения, приближаются к анархизму; таковы анархо-социалисты. Несмотря на такую противоположность анархизма и социализма, мы находим все возможные переходные ступени от одного направления к другому, подобно переходу в спектре одного цвета в другой.

Мера податливости масс воздействию зависит, кроме степени предрасположения, также и от степени устойчивости душевного равновесия, в котором находится подвергающийся воздействию народ или класс. Эта устойчивость в период волнений оказывается несравненно меньшей, чем в спокойные времена; поэтому-то и появляется, подобно блуждающему огоньку, иногда опасная, но в большинстве случаев исключительно ценная возможность достигнуть в период волнения большего, чем это возможно в спокойное время. Но это нечто большее при наступлении периода спокойствия почти всегда снова теряется, по крайней мере частично, причем теряется избыток энергии, участвовавший в достижении этого: история революций является тому постоянным подтверждением.

Принципиальное различие обоих воззрений обнаруживается еще и в том, что анархизм признает возможным достижение всех целей при помощи небольшой сплоченной горсточки людей, разумеется, используя для этого волю масс, их пассивность или активность. Конечно, и социализм придерживается того взгляда, что надлежащим образом подготовленное, решительное и ясно сознающее

свою цель меньшинство, способное в решительный момент увлечь за собою массы, может оказывать важное влияние. Однако различие заключается в следующем: стремятся ли к такому влиянию и признают ли его возможным, как это делает социализм, только в том смысле, что меньшинство является лишь катализатором и исполнителем воли масс, той воли, которую массы при особой ситуации созрели и способны проявить, как свою социальную волю, или же стремятся к такому влиянию в том смысле, что сплоченная горсточка заговорщиков является исполнителем лишь своей собственной воли и использует массы для этой цели лишь как орудие, как это делает анархизм, будучи в этом отношении настоящим просвещенным деспотизмом.

Анархизм желает перескочить через все трудности, вытекающие из экономического и социального положения, на невзнузданном коне, или — в зависимости от обстоятельств — даже желает взнуздать лошадь с хвоста. Для него лейтмотивом является изречение: «В начале было дело». Естественно, что в ходе развития классовой борьбы может наступить такой момент, когда линия поведения, предлагаемая анархизмом, окажется возможной и правильной. То есть недостатком анархизма является не абсолютная, а лишь относительная непригодность пропагандируемых им средств, вытекающая из игнорирования существующего соотношения социальных сил, что, в свою очередь, объясняется непониманием законов исторического и социального развития. И если предложения анархистов окажутся исполнимыми и правильными на *более поздних* стадиях развития, то это еще не служит оправданием, а напротив, является осуждением анархической тактики, которой, впрочем, если быть справедливым, нельзя зачастую отказать в заслуге в деле известного возбуждения масс.

Анархический и анархиствующий антимилитаризм — близнец анархической и анархиствующей всеобщей стачки. Эта родственная близость доказывается уже часто внешне тем, что этот вид антимилитаризма ведет в конечном счете, говоря схематически, к солдатской стачке. Для понимания существа этого вида антимилитаризма и для усвоения его отличия от социал-демократического антимилитаризма, мы должны рассмотреть и в том и в другом случае причины антимилитаризма,

методы пропагандирования антимилитаризма, конечную цель и задачи, которые он ставит себе, и, наконец, методы, которыми антимилитаризм стремится достичь этой конечной цели или задачи.

Причины антимилитаристического движения как для анархизма, так и для социал-демократии, являются постольку тождественными, поскольку оба усматривают в милитаризме особую механическо-насильственную помеху для осуществления своих социальных планов. В остальном же эти причины для обоих настолько различны, насколько отличаются друг от друга анархические и социал-демократические мировоззрения. Мы не можем здесь подробнее рассмотреть, насколько мало анархизм понимает органически-капиталистический характер милитаризма и, соответственно с этим, законы экономического и социального развития, которые должны к нему применяться. В этом и кроется корень всех прочих существенных разногласий между социалистическим и анархическим антимилитаризмом, которые, таким образом, в общих чертах могут быть сведены к следующим: социал-демократический антимилитаризм ведет борьбу против милитаризма, как против функции капитализма, учитывая и применяя законы экономического и социального развития. Анархизм же рассматривает милитаризм скорее как нечто самостоятельное, произвольно и случайно привнесенное господствующими классами, и он ведет против него борьбу, как и вообще борьбу против капитализма, исходя из фантастически-идеологической точки зрения, которая игнорирует законы экономического и социального развития: анархизм, будучи поверхностным, рассчитывает на парящую в воздухе решимость отдельных лиц, короче говоря, он пытается выбить из седла милитаризм чисто индивидуалистическим путем. Он индивидуалистичен не только в своих общественных целях (конечно, в различной степени, в зависимости от разновидности анархизма), но и в своих исторических, социальных и политических воззрениях и в своих средствах.

Конечная цель как для анархического, так и для социал-демократического антимилитаризма одна и та же, если ее выразить кратким определением, а именно — уничтожение милитаризма, причем милитаризма как внешнего, так и внутреннего. Но социал-демократия в соответствии со своей точкой зрения на существо мили-

таризма считает невозможным полное устранение лишь одного милитаризма; только вместе с капитализмом, этим последним классовым общественным строем, может окончательно пасть и милитаризм. Конечно, капитализм не является чем-то неизменным, он представляет собой постоянно меняющийся строй, который в результате многочисленных присущих ему и враждебных в отношении его тенденций, прежде всего пролетарских, может быть значительно видоизменен и ослаблен. Поэтому и такое неотъемлемое проявление капитализма, которое мы называем милитаризмом, само по себе, как это показывают различные формы милитаризма в отдельных странах, может быть ослаблено; можно даже ослабить его связь с капитализмом. Но то же самое в большей или меньшей степени является характерным и для других неотъемлемых проявлений капитализма, и это никак не меняет органически-капиталистического характера милитаризма. Поэтому задачей антимилитаристической пропаганды социал-демократии является не изолированная борьба против милитаризма и конечной целью — не изолированное его уничтожение, а устранение милитаризма вместе с капитализмом; в то же время анархическо-антимилитаристическая пропаганда считает своей конечной целью именно изолированную борьбу против милитаризма. Конечно, нельзя оспаривать того, что в большинстве случаев со стороны анархистов ведется борьба — правда, только параллельно с борьбой против милитаризма — и против капитализма, хотя они и понимают капитализм в анархическом смысле, не как нечто органическое. Нельзя отрицать и того, что анархисты в рамках своего зигзагообразного курса нередко проявляют проблески более глубокого понимания социальных отношений.

Методы борьбы дают наиболее яркое представление о коренных различиях в историческом воззрении обоих направлений. При этом следует проводить различие между методами, применяемыми для организации антимилитаристического движения, и методами использования такого движения для борьбы против милитаризма. Что касается первого рода методов, то анархизм опирается в этом вопросе в первую очередь на этический энтузиазм, на подхлестывание морали, на аргументы гуманности и справедливости, короче говоря, на всевозможные средства воздействия на волю людей, на средства, в которых не

учитывается классовый характер антимилитаризма и в которых антимилитаризм выступает в роли отвлеченного всеобщего категорического требования. Поэтому-то анархизм, по логике вещей, и обращается часто не только к рядовым, но и к офицерам. В результате пропаганда анархического антимилитаризма напоминает, очень дискредитируя себя этим, патетические разглагольствования толстовцев и бессильные заклинания против войны друзей всеобщего мира типа Берты фон Зуттнер.

Социал-демократическая антимилитаристическая пропаганда, напротив, является классовой пропагандой, и потому она строится принципиально и исключительно применительно к тем классам, которые в классовой борьбе являются естественными врагами милитаризма, хотя она, разумеется, благосклонно подходит и к переходящим на ее сторону в процессе разложения буржуазным отщепенцам. Эта пропаганда разъясняет, чтобы завоевать на свою сторону новые слои, но она разъясняет не в духе категорического императива, гуманных точек зрения, этических постулатов о свободе и справедливости, а в духе классовой борьбы, интересов пролетариата в этой борьбе, роли милитаризма в классовой борьбе, а также той роли, которую в этой классовой борьбе играет и должен играть пролетариат. Она делает выводы о задачах пролетариата в отношении милитаризма, исходя из интересов классовой борьбы пролетариата. Конечно, она использует и этические аргументы, весь пафос категорического императива, элементарных человеческих прав, а также прекрасных, хотя и не применявшихся на практике нравственных принципов буржуазии времен ее раннего расцвета и даже, если хотите, религиозные, особенно христианские идеи и представления. Но все это играет только вспомогательную роль. Все это помогает быстрее открыть глаза непросвещенным пролетариям с тем, чтобы свет классового сознания мог проникать в их мозг, все это служит также тому, чтобы зажечь в пролетариате энтузиазм к действию.

Метод применения антимилитаризма, т. е. практического выражения антимилитаристических настроений, используемый анархизмом, также является более индивидуалистичным и фантастичным. Анархизм придает большое значение индивидуальному отказу от военной службы, индивидуальному протесту против употребления оружия. Анархическая литература перечисляет все подобные слу-

чаи с торжеством, с большой тщательностью и точностью. Конечно, она имеет при этом в виду двоякого рода вещи: только что упомянутые действия против милитаризма и своеобразный вид пропаганды действием за антимилитаристическое движение. Она исходит из того, что подобные героические примеры побуждают людей к подражанию, пробуждают у них симпатию и восхищение тем движением, к которому принадлежат эти «герои».

Иначе подходит к вопросу социал-демократический антимилитаризм. Конечно, и он отдает себе отчет о том, что подобные индивидуальные акты могут явиться сигналами и симптомами массового движения, но только лишь сигналами и симптомами. Причем сигналами они, естественно, могут становиться лишь в моменты высшего критического напряжения, когда достаточно лишь зажечь фитиль, вложенный в бочку с порохом. Основным средством борьбы социал-демократии против милитаризма является постоянное органическое разложение и размягчение милитаристического духа. Все остальное служит этой цели или играет только второстепенную или даже третьестепенную роль. Впрочем, и среди анархистов, как это подтверждается фактом существования международной антимилитаристической ассоциации, приобретает растущее и определяющее влияние течение, которое критически относится к индивидуальным действиям.

Фантастической является тактика анархических антимилитаристов в вопросе о военной стачке, которую они считают возможным организовать без всяких для этого серьезных оснований, лишь при помощи доброго желания к этому и надлежащей энергии; в то же время социал-демократия рассматривает военную стачку, также как и использование военных частей в революционных целях, только в качестве логического и психологически необходимого следствия разложения «милитаристского духа», а это разложение в свою очередь может быть осуществлено только наряду и в результате размежевания классов и разъяснительной работы.

Весьма характерной для анархического антимилитаризма является небольшая брошюра Домела Ньювенгейса «Милитаризм». По Ньювенгейсу, правда, властителями мира являются не коронованные короли, а банкиры, финансисты и капиталисты (однако ни в коем случае не капитализм, как органически необходимый общественный

строй); по его мнению, войны зависят от свободного усмотрения банкиров; он считает реакционной любую партию, признающую авторитет личностей, будь то авторитет «папы или Карла Маркса». Не исследуя классового положения солдат, Ньювенгейс в принципе принимает слова Фридриха, подсказанные последнему неспокойной совестью: «Если солдаты научатся думать, то ни один из них не останется при знамени». Из средств антимилитаристической пропаганды он признает прежде всего средства, предложенные Лавеле в его книге «О действительных причинах войн в Европе и о третейском разбирательстве»:

1. Ликвидация всех ограничений в международных сношениях.

2. Снижение транспортных, почтовых и телеграфных тарифов.

3. Введение единой международной денежной системы, единой системы мер и весов, а также единого международного торгового законодательства.

4. Уравнение в правах иностранцев с местными гражданами.

5. Поощрение изучения иностранных языков и вообще иностранной культуры.

6. Создание более значительной литературы по вопросам искусства, которая воспитывала бы в духе миролюбия и ненависти к войне, а также к ее сторонникам.

7. Поощрение всего того, что обеспечивает силу и эффективность народного представительства и может содействовать тому, чтобы лишить исполнительную власть права решать вопросы войны и мира.

8. Покровительство всем тем промышленным предприятиям, которые будут использовать избыточные богатства своей страны на то, чтобы развивать природные богатства других стран таким образом, чтобы капитал стал космополитическим и в результате этого возникла международная солидарность между капиталистами.

9. (Лишь против этого пункта Ньювенгейс возражает). Духовенство должно воспитывать, подобно квакерам, верующих в духе отвращения к войне.

К этим антимилитаристическим средствам Ньювенгейс присоединяет некоторые другие, которые он считает еще более эффективными, а именно:

10. Благожелательное отношение к интернациональным интересам рабочих.

11. Упразднение королей, президентов, верхних палат, парламентов, как таких общественных институтов, которые враждебны миру.

12. Упразднение посольств.

13. Преобразование преподавания истории в преподавание культурно-исторической науки.

14. Уничтожение постоянных армий.

15. Третейское разбирательство международных конфликтов.

16. Объединение различных европейских государств на федеративной основе и превращение их в Соединенные Штаты Европы по образцу Соединенных Штатов Америки.

17. Военная стачка и всеобщая стачка в случае войны.

18. Пассивное сопротивление и индивидуальный отказ от военной службы.

19. Содействие всеобщему развитию и благосостоянию всего человечества.

При этом Ньювенгейс бросает характерную фразу: «Если людям есть, что терять в войне, то это значит, что они заинтересованы в том, чтобы защищать мир». Это звучит так, как будто бы именно пролетариат теперь является нарушителем мира.

Даже очень сдержанный критик увидит здесь невероятную смесь различных социальных и исторических мировоззрений, смесь планов, смесь взглядов по частным вопросам. Здесь не упоминается главное. Самое же важное из того, о чем говорится, а именно относящееся к вопросу об экономических основах милитаризма, затрагивается лишь побочно, почти случайно. Совершенно второстепенные и маловажные вопросы выдвигаются на первый план, а вместе с ними предлагаются порою утопические фантастические средства. Средства пропаганды за антимилитаризм смешиваются в одну кучу с самими антимилитаристическими действиями. Поверхностность всей этой точки зрения, склонность сводить все к личной инициативе и к доброй воле сквозит во всем. Заключительное положение книжки Ньювенгейса является прямо-таки откровением, идущим из глубины неясного анархического мировоззрения; оно гласит: «Смелость, еще раз смелость и опять смелость! — вот что нам необходимо, чтобы на нашу долю выпал триумф».

V глава

НЕОБХОДИМОСТЬ ОСОБОЙ АНТИМИЛИТАРИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Несомненно, что милитаризм содержит в себе много зародышей самоуничтожения, разложения; несомненно, что и вся капиталистическая культура в целом содержит в себе много противоречивых, взаимно уничтожающих друг друга элементов, взять хотя бы тенденции научного, художественного и этического просвещения, которые подрывают милитаризм. Разрушительную деятельность таких факторов, каким является, например, литература «Симплициссимуса» [60], ни в коем случае нельзя недооценивать. Конечно, история Кромвеля, история 1789 г. во Франции и 1806 г. в Германии учит, что военная система может изнутри прогнить, разложиться и рухнуть. Конечно, при всех кровавых конфликтах между народом и государственной властью дает себя знать и играет большую роль особая психология крови, особый гипноз, внушение крови или — говоря словами Андреева — логика крови, которая в одно мгновение может решающим образом изменить соотношение сил. Но все это не затрагивает непосредственно вопроса о необходимости пропаганды, которая сама является частью органического процесса разложения. То же самое можно сказать как обо всех других присущих капитализму проявлениях, так и о самом капитализме. Все это следует учитывать лишь с точки зрения шансов осуществления успешной агитации.

Мы уже отмечали особую опасность милитаризма. В его лице пролетариат имеет перед собою вооруженного до зубов грабителя, ультиматум которого гласит: не «кошелек или жизнь», а «кошелек и жизнь», т. е. идет дальше мора-

ли грабителя. Милитаризм представляет собою не только потенциальную опасность, но и непосредственную, неизменно в нем таящуюся опасность даже в том случае, если он и не наносит прямого удара в данный момент.

Ослабление милитаризма означало бы расширение возможностей мирного органического развития или, по крайней мере, сужение возможностей вооруженных столкновений; оно означало бы далее и прежде всего оздоровление и освежение политической жизни, партийной борьбы. Уже сама по себе беспощадная и систематическая борьба против милитаризма приводит к революционному оплодотворению и к укреплению партии, является источником молодости революционного духа.

Из всего этого вытекает необходимость не только борьбы, но и специальной борьбы с милитаризмом. С таким разветвленным и опасным образованием, как милитаризм, можно справиться лишь при помощи столь же разветвленных, энергичных, крупных и смелых действий, которые неустанно преследовали бы милитаризм по всем закоулкам, которые постоянно держали бы его на прицеле. Необходимость в таких специальных действиях возникает также и в связи с опасностями борьбы против милитаризма. Эти действия могут осуществляться более эластично и с большим учетом конкретных условий, чем это возможно при общей агитации.

Хотя в Германии активно возражали против такой точки зрения в прошлом и все еще возражают в настоящее время, те факты, что мы имеем уже специальную пропаганду среди женщин и молодежи, что мы не только дифференцировали агитацию среди сельских рабочих, но и образовали внутри профсоюзов агитационные группы по отдельным профессиям, а также факт успешной антимилитаристической пропаганды в других странах — все эти факты являются достаточными для того, чтобы развеять все сомнения и колебания, чтобы преодолеть это сопротивление. Всеобщее признание основной идеи отклоненного в Мангейме предложения 114 [61] является только вопросом времени и притом, по-видимому, весьма скорого времени.

Проведение специальной антимилитаристической пропаганды *вменено в обязанность германской социал-демократии и известным, единогласно принятым постановлением интернационального конгресса 1900 г.*

Требование такой особой пропаганды не имеет абсолютно ничего общего с неисторическим, анархическим взглядом на милитаризм. Мы совершенно ясно понимаем ту роль, которую играет милитаризм внутри капитализма, и, естественно, отнюдь не думаем о том, чтобы ставить его над капитализмом или на одну доску с ним, так как он является только частью капитализма. Только частью или, вернее говоря, особенно вредным и опасным проявлением капитализма. Но вся наша агитация против капитализма нацелена против основных проявлений капитализма, в которых он находит свое воплощение. Можно характеризовать область антимилитаристической борьбы в известной степени как особую область, стоящую наряду с областью общей политической борьбы, наряду с областью профсоюзной борьбы и, если хотите, также наряду с борьбой в области образования и кооперативного движения. Другими словами, будучи антимилитаристами, мы являемся антикапиталистами.

Если исторически антимилитаризм повсюду перерос из общетеоретического учения в актуально-практическое движение, имеющее большое значение, причем такому развитию сопутствовало использование армии в гражданской войне против внутреннего врага, то в результате этого, естественно, не возникло каких-либо обоснованных аргументов против особой антимилитаристической пропаганды в тех странах, в которых такого использования армии еще совершенно не было или почти не было или оно было настолько давно, что стерлось в памяти масс. Ведь издавна социал-демократия гордилась тем, что она не тогда начинает бояться огня, когда она уже обожглась. Благодаря знанию истории, благодаря пониманию общественной жизни и опыту родственных ей партий она научилась предвидеть намного вперед и предусмотрительно извлекать для себя из этого пользу. А история, социальные познания и указанный опыт говорят по вопросу о милитаризме поистине ясным языком. И время уже созрело.

VI глава

АНТИМИЛИТАРИЗМ В ГЕРМАНИИ И ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Программа германской социал-демократии, как и международный социализм, по крайней мере марксистского направления, выдвигает следующую задачу: «Завоевание политической власти», т. е. ликвидация общественных отношений, основанных на господстве капиталистической олигархии над пролетариатом, и замена их на переходный период демократическим господством пролетариата. Это включает в себя прежде всего устранение капиталистического милитаризма, этой важнейшей опоры капиталистически-олигархической власти.

Программа-минимум особо затрагивает вопрос о милитаризме и противопоставляет ему специальные задачи и специальные цели, устраняя тем самым все *принципиальные* возражения против особой антимилитаристической пропаганды. Она требует: «Воспитание в духе всеобщего вооружения. Народная армия вместо постоянной армии. Решение вопросов мира и войны народным представительством. Урегулирование всех международных споров путем третейского разбирательства». Тем самым эта программа недвусмысленно отвергает как для настоящего времени, так и для ближайшего будущего утопическую точку зрения, которая направлена не против милитаризма, а против всякого рода подготовки к войне, которая принципиально отвергает не только участие в тех войнах, которые вызваны капитализмом, вызваны политической и национальной реакцией, но и в любых войнах вообще, которая не только борется против войны, но и, вторгаясь в сферу

фантастики, пытается отрицать всякую фактическую возможность войн и делает отсюда соответствующие выводы. Германская социал-демократия, подобно подавляющему большинству во всех партиях других стран и даже во французской, является не антипатриотической в смысле, например, Эрве, и не антинациональной (Кропоткин), но, как следствие ее классового характера, непатриотической.

Будучи партией пролетариата, социал-демократия, само собой понятно и несомненно, является *непримиримым* врагом, врагом не на жизнь, а на смерть внутреннего милитаризма, искоренение которого является одной из ее важнейших задач.

Что же сделано до сих пор в Германии по проведению в жизнь постановления Парижского конгресса 1900 г.?

Влиятельные руководители социал-демократии неоднократно выступали против попыток организовать в Германии специальную антимилитаристическую пропаганду, мотивируя это тем, что нет другой социал-демократической партии в мире, которая бы так активно боролась против милитаризма, как германская социал-демократия. В этом есть доля истины. Со времени образования германской империи германская социал-демократия в парламенте и в печати неустанно осуществляла беспощадную критику милитаризма, вскрывала его суть и указывала на его пагубное влияние, она собрала против него огромный обвинительный материал и с большим упорством вела против него борьбу в рамках общей агитации. В этом вопросе наша партия не нуждается ни в защите, ни в восхвалении, ее деятельность сама говорит за себя. И все-таки здесь необходимо сказать кое-что дополнительно.

Мы вовсе не отрицаем, что проводившаяся до сих пор борьба с милитаризмом была успешной и что форма этой борьбы отвечала поставленной цели; мы не оспариваем также и того, что эта форма борьбы будет безусловно неизбежной, чрезвычайно полезной и успешной и в будущем. Но этим вопрос не исчерпывается. Здесь дело обстоит так же, как и в вопросе воспитания молодежи, поскольку существенные вопросы антимилитаристического воспитания являются в то же время вопросами воспитания молодежи.

Конечно, наша общая агитация просвещает головы, и всякий антикапиталист, всякий социал-демократ сам по себе является превосходным и даже самым надежным,

пожалуй, единственно надежным антимилитаристом. Антимилитаристическая направленность всей нашей общей просветительной работы не оставляет никакого сомнения. Между прочим, на кого рассчитана наша общая агитация? Она как раньше, так и теперь, вполне обоснованно и целесообразно рассчитана на взрослых рабочих, на взрослых работниц. Но мы хотим иметь на нашей стороне не только взрослых пролетариев, но также и пролетарских детей, пролетарскую молодежь. Ибо будущее принадлежит пролетарской молодежи, будущему пролетариату. «За кем молодежь, за тем — будущее».

И в этом вопросе выдвигаются возражения: за кем, мол, родители, за тем и дети этих родителей, за тем и молодежь. Конечно, жалок был бы тот социал-демократ, который не старался бы по мере своих сил привить своим детям социал-демократический дух и воспитать их как социал-демократов.

Нашему воззрению отвечает и то, что влияние родителей в сочетании с влиянием экономических, социальных и политических условий, при которых растет пролетарская молодежь, не должно сниматься со счета и упускаться из виду в партийной работе, поскольку эти моменты имеют большое значение. Воспитание социал-демократического духа в семье осуществляется вопреки коварным попыткам реакции и капитализма завоевать на свою сторону столь доверчивые детские души. Но это отнюдь еще не исчерпывает всего вопроса. Как раз тщательная проверка приведенного выше хода мысли и показывает, в чем заключается недостаток нашей прежней агитации, недостаток, который принимает все большие размеры и настоятельно нуждается в исправлении.

«Всякий социал-демократ воспитывает своих детей в социал-демократическом духе». Но ведь только по мере своих сил. Тут-то и кроется первый значительный дефект. Как много есть людей, которые вообще не умеют воспитывать, даже если у них имеются для того время и добрая воля, и как много имеется пролетариев социал-демократов, которые, если бы даже они того и желали, не имеют необходимого времени; а у скольких отсутствуют необходимые для того познания, и как часто женщины или другие члены семьи, недостаточно просвещенные, существенно противодействуют воспитательному влиянию классово сознательного отца! Партия, если она хочет полно-

стью выполнить свой долг, должна всячески помогать домашнему воспитанию, поддерживать всеобщее стремление молодежи к образованию и, в особенности, проводить специальную агитацию среди молодежи, которая неизбежно должна иметь антимилитаристическую заостренность.

Кроме того, много ли имеется хорошо образованных пролетариев, которые настолько образованы, чтобы в состоянии со своей стороны просвещать других по коренным вопросам социал-демократической критики и целей социал-демократии? И много ли имеется таких пролетариев, которые в мирное время готовы идти на жертвы и в меру своих сил неутомимо выполнять эту трудную, упорную и непрерывную воспитательную повседневную работу? Не говоря уже об огромной массе наполовину или на четверть образованных пролетариев, какое громадное число пролетариев до сих пор совершенно ничего не знает о социал-демократии. И здесь перед нами лежит огромное и необозримое поле, полное лучших пролетарских зерен, обработку которого мы должны начать вовсе не тогда только, когда эти отсталые слои *взрослого* пролетариата будут уже завоеваны нами. Естественно, что легче иметь дело с детьми образованных родителей, но это вовсе не устраняет возможности и обязанности заниматься обработкой и более трудной части пролетарской молодежи.

Следовательно, необходимость агитации среди молодежи не подлежит сомнению, и так как эта агитация по своему назначению должна проводиться особыми средствами (соответственно особым условиям жизни, особой степени понимания, особым склонностям и особому характеру молодежи), то из этого следует, что эта агитация должна быть специализированной, что ей необходимо присвоить особую роль наряду с общей агитацией и, разумеется, что ее следует передать, по крайней мере в известном объеме, в руки особых органов. Наша агитация теперь, с ростом объема и расширением задач партии и с приближением момента решительной борьбы, стала до такой степени обширной и разветвленной, что настоятельно необходимым становится разделение труда, такое разделение, некоторых относительно отрицательных сторон которого, но только относительно отрицательных, мы не можем не признать.

Далее. В рамках общей агитации среди молодежи антимилитаристическая агитация играет совершенно особую, своеобразную роль. Она должна проводиться среди тех

кругов, которым зачастую чужды свойственные социал-демократической молодежи стремления к образованию; она должна быть шире рамок, устанавливаемых подобными стремлениями к образованию; она должна затрагивать также и те части пролетарской молодежи, которых невозможно побудить посещать рабочие образовательные школы, просветительные курсы, циклы лекций и регулярно читать общую литературу, предназначенную для юношества; она должна быть рассчитана и на тех молодых пролетариев, которым вследствие их относительно более старшего возраста отнюдь не обязательно присущи эти общие стремления к образованию. Основная область применения этой пропаганды — это как раз возрастные группы между 17 и 21 годом. Указанная пропаганда имеет по сравнению с общей просветительной работой гораздо более ясно выраженный агитаторский характер. Она должна отличаться от этой просветительной работы своей формой по крайней мере частично. Эту пропаганду не следует смешивать с просветительной работой также и вследствие ее совершенно особой опасности: с одной стороны, чтобы не затруднять и не дискредитировать без необходимости общей просветительной работы, а с другой стороны, чтобы обеспечить руководство антимилитаристической агитацией лицами, которые специально подготовлены и знакомы со всеми ловушками и могли бы избегать связанной с этой агитацией опасности. И, наконец, именно антимилитаристический материал настолько громаден и в то же время не подобран — вспомним, например, вопрос об издевательствах над солдатами, вопрос о военной юстиции и т. п.,— что и по этой причине интересам наилучшего использования всего имеющегося в распоряжении материала, да и не только использования, но и его собирания, проверки и обработки отвечало бы разделение труда, специализация.

Кстати, последний аргумент показывает, что антимилитаристическая агитация и среди взрослых может значительно выиграть в результате ее специализации.

Итак: удобный случай для работы, случай заняться благодарным трудом.

Каковы же достигнутые к настоящему времени успехи антимилитаристического развития и как обстоит дело с методами антимилитаристической агитации, проводимой в Германии?

Несомненно, что значительная часть германской армии

уже стала «красной». Для этого достаточно лишь посмотреть на расстановку политических сил внутри германского народа. Этот очевидный факт заставил известного председателя Имперского союза генерал-лейтенанта фон Либерта взяться за перо, чтобы написать свою забавную пресловутую книгу «Развитие социал-демократии и ее влияние на германскую армию», книгу, которую высмеял за ее беспомощность даже Макс Лоренц — ренегат социал-демократии, который ныне за хорошие деньги отказался от всего того, чему он прежде поклонялся; этот факт также побудил генерала фон Эйхгорна осенью 1906 г. ввести в расписание занятий солдат особые часы инструктажа по борьбе с социал-демократией. Несомненным, конечно, является то, что почти треть германских избирателей, т. е. германских подданных мужского пола в возрасте старше 25 лет, голосовала на выборах в рейхстаг в 1903 году за социал-демократию; правдой является, по крайней мере сейчас, и тот факт, что социал-демократия имеет пока что больше сторонников среди более молодых возрастных групп, чем среди старших. Тем не менее представляется сомнительным, можно ли применить такую характеристику и к возрастным группам от 20 до 22 лет, и мы должны отдавать себе отчет в том, что эти молодые люди во всяком случае не относятся к числу людей с твердыми убеждениями и что существует огромная разница между теми, кто опускает свой избирательный бюллетень за социал-демократов, теми, кто сознательно причисляет себя к социал-демократии, и теми, кто даже готов столкнуться с любыми опасностями, связанными с антимилитаристической деятельностью в армии. Поэтому, учитывая даже таких могущественных союзников, какими могут явиться при разложении дисциплины отмечавшиеся выше «психология», «внушение» и «логика крови», все же нельзя и думать, чтобы приблизительно одна треть армии действительно обладала такими духовными и моральными свойствами, которые сделали бы невозможным или хотя бы затруднительным использование армии для насильственного, противоконституционного и идущего вразрез с существующими правами действия, направленного против внутреннего врага, т. е. против рабочего движения.

Менее благоприятное положение для милитаризма может возникнуть, конечно, в случае мобилизации резерва и ополчения, в особенности в случае войны. И вполне

справедливо один из военных сотрудников «Форвертса» указывал в октябре 1906 года на то, что среди подлежащих призыву в армию в случае войны резервистов и ополченцев, которые составят тогда приблизительно четыре пятых армии, будет насчитываться по крайней мере миллион человек, ненадежных с точки зрения милитаризма. Конечно, и в *данном* случае мы должны проявить осторожность и не закрывать глаза на то, что милитаристический массовый гипноз или даже массовый психоз, а также внушение со стороны военных властей могут образовать большую брешь в расчетах этого сотрудника по военным вопросам.

Все, что сделано в этой области, сделано средствами общей пропаганды внутри рабочего движения. В области же специальной пропаганды немецкой социал-демократии, рассчитанной на лиц, подлежащих призыву, до сих пор еще почти ничего не сделано. Кроме известного «Справочника для военнообязанных» и листовки, изданной президиумом партии летом 1906 г., нам неизвестны какие-либо другие материалы подобного рода, да и эти два документа представляют собою исключительно изложение законодательных постановлений, касающихся военнослужащих. Хотя верно, что само развитие работает на нас, нельзя полагать, что все делается само собою. Насколько всякого рода квиетизм и фатализм подобного рода был бы, с точки зрения исторического материализма, грубой ошибкой и могильщиком всякой агитации, настолько оправданной представляется как общая агитация, так и специальная антимилитаристическая пропаганда. Поэтому в Германии необходимо срочно приложить большие усилия для создания антимилитаристической пропаганды.

Можно поставить в заслугу южногерманской «Молодой гвардии» то, что она бесстрашно взялась за практическое решение этой задачи; но это представляет собою, конечно, лишь скромное начало, которое встретит и должно встретить действенную поддержку хотя бы уже для того, чтобы в зародыше задушить анархический антимилитаризм, который уже начинает шевелиться и в Германии.

Или же, спрашиваем мы вновь, германская социал-демократия, германское рабочее движение, это ядро и отборная часть нового Интернационала, за что ее хвалят к ее собственному удовольствию, должна, проявляя чрезмерную осторожность или доверчивость, отказываться от решения этой задачи до тех пор, пока ее не вынудит к

этому дюжина немецких Фурмье, пока она не окажется плохо вооруженной перед фактом (в известной мере устранимым при напряжении всех сил и средств борьбы) мировой войны или вмешательства в русские дела, за что социал-демократия тогда должна будет нести и свою долю ответственности?

И, наконец, разве германский рабочий класс не получил достаточного толчка к этому после организованных *полицией* избиений рабочих, находившихся под известным влиянием антимилитаристической пропаганды?

Как бы то ни было: германская социал-демократия не имеет права и дальше закрывать глаза на то, что по отношению к милитаризму следует руководствоваться правилом: si vis pacem, para bellum! Начинай как можно скорее проводить антимилитаристическую пропаганду, чтобы по возможности уменьшить опасность милитаризма для пролетариата!

И, конечно, особые трудности проведения такой пропаганды в Германии не могут служить оправданием для проволочек. Напротив, это должно служить стимулом для ее срочного развертывания.

Ныне германский пролетариат является достаточно *зрелым*, а общая внутриполитическая ситуация, под гнетом которой стонет германский пролетариат, тем более созрела.

VII глава

АНТИМИЛИТАРИСТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Антипатриотический антимилитаризм не имеет в Германии никакой почвы и не сможет ее найти. Пропаганда германской социал-демократии должна, однако, во все большей степени перекликаться с пропагандой международной солидарности рабочего класса и пропагандой мира между народами, что является целью пролетарской освободительной борьбы. Приведенные выше антимилитаристические программные требования представляют собой для этого вполне подходящую, безукоризненную основу.

Вообще внутренний милитаризм со всеми его вредными проявлениями, имеющими в мирное время наиболее актуальное значение, не станет терять зря времени и продемонстрирует самым недвусмысленным образом свой классовый характер. Впрочем, вопрос о том, какая его сторона должна подвергаться основной атаке, следует решать в соответствии с положением внутри страны и международным положением.

Какие же формы, какие же средства пропаганды мы должны ввести или усовершенствовать в Германии, подразумевая, конечно, что мы должны держаться в рамках закона и поэтому должны заранее исключить из наших рассуждений вопрос о пропаганде в армии? [62]

Германская социал-демократия далеко еще не сделала все необходимое даже в вопросе сбора обвинительного

материала против милитаризма. Более или менее часто готовились сводные подробные документы только по вопросам военного бюджета, роста непосредственных военных расходов и службы в армии. Но уже такой вопрос, как взаимосвязь между военными расходами, с одной стороны, и таможенной и налоговой политикой, с другой, ждет еще подробного изучения. Чего же нам особенно недостает, так это сводных материалов об издевательствах над солдатами и о деятельности военной юстиции, о случаях самоубийств среди солдат, о санитарных условиях в армии, об увечьях и травмах, полученных при отправлении службы, о положении с жалованьями и пенсиями, а также об использовании солдат против лиц, борющихся за повышение заработной платы, и относящихся к этому вопросу приказах по армии, об использовании солдат для подавления стачек, а уволенных из армии солдат — в качестве штрейкбрехеров; далее, о случаях вмешательства военной и вооруженной полицейской силы в стачки, о числе оказавшихся при этом жертв, о системе военного бойкота, о вмешательстве армии в политические события, об использовании военных союзов в социально-политической и политической борьбе; далее, о достигнутых милитаризмом во всех этих областях результатах, в особенности в экономической и политической борьбе в других странах, причем, насколько это возможно, следует вести особый учет по сухопутным войскам, морскому флоту и колониальному милитаризму. У нас нет также достаточных знаний и подобранных материалов, относящихся к деятельности милитаристических юношеских союзов наших противников и вообще ко всему тому, что относится к вопросам антимилитаристического движения и борьбы с ним.

Постоянный сбор, проверка и сличение всего этого материала должны осуществляться систематически, что невозможно сделать лишь попутно, в рамках общей агитации.

Этот материал, естественно, следует использовать прежде всего в общей агитации, в парламенте, в печати, в общедоступных листовках и на собраниях. Он должен, однако, помимо этого, направляться в совершенно определенные районы, проходить по совершенно определенным каналам с тем, чтобы оказать свое воздействие на особо важные, с точки зрения антимилитаризма, слои населе-

ния. В первую очередь здесь имеется в виду не столько допризывная молодежь, сколько родители, в особенности матери, которых следует систематически привлекать для воспитания юношества в антимилитаристическом духе; равным образом имеются в виду и взрослые рабочие, влияние которых на молодых рабочих и на учащуюся рабочую молодежь следует, по возможности, также использовать в этих целях. И, наконец, необходимо энергичнее и более планомерно организовать борьбу против военных союзов.

Агитация не должна нигде прямо или косвенно звать к воинскому неповиновению; она вполне достигнет своей цели, если вскроет сущность милитаризма и его роль в классовой борьбе и если она вызовет негодование и отвращение к милитаризму посредством действенного разъяснения его особенностей и действий, враждебных народу.

Там, где это позволяют законы, главная тяжесть этой пропаганды должна лечь на организации молодежи, которые, конечно, уже благодаря своей деятельности по развитию классового сознания будут способствовать искоренению милитаризма или милитаристических убеждений. Союзы рабочей молодежи должны распространять антимилитаристический дух в доступной для сознания молодежи форме через газеты, брошюры, листовки, путем организации докладов, циклов лекций и специальных занятий. Для этого должны использоваться также празднества и художественные мероприятия. Членов этих союзов нужно воспитывать, в свою очередь, так, чтобы они могли стать пропагандистами антимилитаризма. В результате устной агитации среди своих товарищей по возрасту и классу, в результате распространения своей литературы, члены молодежных организаций смогут превращать семьи, родственников и друзей, а также мастерские и фабрики в резерв завоевания сторонников антимилитаризма.

Организации молодежи не должны, однако, ограничиваться агитацией только среди своих членов, они должны охватывать ею по возможности более широкие круги. Они должны проводить работу среди всех молодых рабочих. На них возлагается также задача завоевать на свою сторону указанными выше способами и взрослых рабочих. Через печать, листовки, брошюры, путем проведения

открытых собраний и организации публичных лекций, празднеств, проведения художественных мероприятий и т. п., которые должны быть рассчитаны как на молодежь, так и на взрослых, следует стараться поставить их под воздействие антимилитаристической агитации. Проводы новобранцев и всевозможные демонстрации, где они разрешаются, должны использоваться в тех же целях.

Наряду с этим партия должна по-прежнему, но во все возрастающих масштабах, систематически принимать в свои ряды солдат и унтер-офицеров, энергично защищать в печати и в парламенте их материальные и социальные (служебные) интересы и, тем самым, завоевывать симпатии этих кругов всеми способами, разрешенными законом.

Создание особых союзов бывших военнослужащих, наподобие бельгийских или голландских союзов, ставящих своей специальной задачей противодействие военным союзам, вряд ли можно рекомендовать для Германии: для этого достаточно существующих здесь общих политических и профсоюзных организаций.

Если посмотреть на то, что происходит в других странах, то мы увидим, как много еще предстоит нам сделать в Германии, а если мы окинем беглым взглядом приведенную выше программу, то должны будем признать, что партия, несмотря на все сделанное ею в области антимилитаризма, лишь начала выполнять свой долг. Она еще находится в известной степени в периоде детства антимилитаристической пропаганды.

Очевидно, что все эти разнообразные задачи не могут решаться одним центральным органом; в то же время ясно также и то, что руководство и контроль за их решением могут и должны осуществляться одним центральным органом. Учреждение для этой цели *Центральной комиссии* вызывается поэтому необходимостью уже хотя бы потому, что только таким образом может быть обеспечено осмотрительное использование всех легальных возможностей проведения агитации. Антимилитаристическая пропаганда должна широкой сетью покрыть всю страну. Пролетарская молодежь должна систематически воспитываться в духе классового сознания и ненависти к милитаризму. Нужно вдохнуть юношеский энтузиазм в сердца

молодых пролетариев для такой агитации. Пролетарская молодежь принадлежит социал-демократии, социал-демократическому антимилитаризму. Если все выполнят свой долг, она должна и будет завоевана нами. *За кем молодежь, за тем и армия.*

Печатается по тексту книги: Карл Либкнехт. «Милитаризм и антимилитаризм», ГИЗ, 1921, с незначительными сокращениями. Перевод сверен с немецким изданием: Dr. Karl Liebknecht. «Militarismus und Antimilitarismus», Berlin, 1919

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Имеется в виду речь кайзера Вильгельма II от 23 ноября 1891 г., обращенная к рекрутам во время их присяги в Потсдаме. Кайзер требовал от молодых солдат, чтобы в случае революции они были готовы стрелять в своих родных: «Для вас существует только один враг — это мой враг. При теперешних социалистических интригах может случиться, что я вам прикажу расстреливать ваших собственных родственников, братьев и даже родителей... Но даже тогда вы должны выполнить мой приказ без малейшего ропота».— *13.*

[2] *«Картечный принц»* — Вильгельм I (1797—1888), прусский король (1861—1888) и император Германии (1871—1888). Кличку «картечного принца» получил за то, что, будучи прусским кронпринцем в мартовские дни революции 1848 г., приказал картечью расстреливать революционеров.— *13.*

[3] *Путткамер, Роберт* (1828—1900) — прусский министр внутренних дел в 1881—1888 гг., крайний реакционер.— *14.*

[4] Речь кайзера к подопечному александровскому полку, прославившемуся в подавлении революции 1848 г. Кайзер требовал в своем обращении, чтобы полк не забывал о «жертвенном мужестве 1848 г.» и чтобы он был готов отдать «кровь и жизнь», защищая короля и его семью.— *14.*

[5] Имеются в виду мемуары канцлера Гогенлоэ и военного историка Дельбрюка, вышедшие в 1905—1907 гг., в которых говорится о намерениях Бисмарка применить силу в случае усиления активности социал-демократии.— *14.*

[6] *Огненное мене-текел* — предостережение о неизбежной гибели.— *14.*

[7] Французский полководец и государственный деятель Наполеон Бонапарт (1769—1821), опираясь на военную силу и поддержку крупной буржуазии, установил во Франции военную диктатуру. Выражение «бонапартовская шпага» в данном случае означает угрозу военной расправой над социал-демократией и германским рабочим движением.— *14.*

[8] Имеется в виду письмо канцлера Бюлова, написанное после роспуска рейхстага в конце 1906 г. в сочельник, в день святого Сильвестра. Письмо было адресовано генералу фон Либерту и опубликовано перед выборами 1907 г. Письмо ставило своей целью запугать массового избирателя. Оно предостерегало немцев от голосования за социал-демократическую партию, которая, говорилось в письме, хочет уничтожить «собственность, религию и родину». Письмо заканчивалось прямой угрозой военного переворота и установления военной диктатуры, в случае успехов социал-демократии: «За сошедшим с ума мещанством и упивающимся речами уравнителем Робеспьером пришла шпага Бонапарта. Она должна была прийти, чтобы освободить французский народ от ужасного господства якобинцев и коммунистов». Рождественское письмо Бюлова — типичный пример демагогической кампании, организованной правящими кругами буржуазии.— *14.*

[9] *Маскарадные выборы 1907 г.*— выборы в рейхстаг в начале 1907 г., проведенные в обстановке сплочения всех буржуазных партий вокруг программы усиления военной мощи и колониальных захватов Германии. Выборы сопровождались разгулом шовинизма и реакции. В результате этих выборов германская социал-демократическая партия потеряла 38 мандатов.— *15.*

[10] *Г. де Ман* (1885—1953) — бельгийский социал-демократ, состоял членом генерального совета юношеской социал-демократической организации «Молодая гвардия», один из участников и организаторов Штутгартской конференции Социалистического интернационала молодежи 1907 г. В годы первой мировой войны де Ман занял социал-шовинистскую позицию.— *16.*

[11] Речь идет о войне крестьян в союзе с городским плебейством против феодализма в 1525 г. Ф. Энгельс и В. И. Ленин называли реформацию и крестьянскую войну первой европейской буржуазной революцией.— *24.*

[12] *Мефистофель* — образ демона, беса, спутник доктора Фауста в старинной немецкой легенде; олицетворение безграничного отрицания, скептицизма в философской драме Гёте «Фауст».— *25.*

[13] *Итальянские кондотьеры* — предводители отрядов военных наемников в Италии XIV—XV вв., использовавшие феодальные войны между мелкими государствами раздробленной Италии для грабежа и насилия.— *25.*

[14] *Преторианцами* называли солдат привилегированной гвардии в Древнем Риме. В последние столетия существования Древ-

него Рима преторианская гвардия была опорой императора и играла большую роль в политической жизни государства, участвуя во всех дворцовых переворотах. Слово «преторианец» стало символом наемника, действующего против народа.— *25.*

[15] Имеются в виду войны немецкого народа против французского нашествия (1807—1813), отражавшие национальный подъем после величайшего национального унижения в связи с полным разгромом Пруссии в 1805—1806 гг.— *25.*

[16] Имеется в виду IV коалиция враждебных Франции государств (Англии, России, Пруссии и Швеции).— *25.*

[17] Имеется в виду император Франции Наполеон I, родившийся на о. Корсика. См. прим. 7.— *25.*

[18] *Габсбурги* — династия императоров так называемой Священной Римской империи с 1273 по 1806 г. (с перерывами), испанских королей (1516—1700), австрийских императоров (1804—1867) и императоров Австро-Венгрии (1867—1918). Этот оплот реакционных сил в Европе, душивший революционное и национально-освободительное движение, был сметен в 1918 г. под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции.— *26.*

[19] *Карлсбадские постановления* — одна из реакционнейших мер, навязанных германскому народу по инициативе и воле дома Габсбургов и Меттерниха и принятых на конференции германских государств в Карлсбаде в 1819 г. Она заключалась в установлении правительственного контроля над университетским преподаванием, в запрещении студенческих обществ, в введении строгой цензуры и в учреждении особой центральной следственной комиссии для подавления «демагогических и революционных замыслов». Революция 1848 г. уничтожила карлсбадские постановления.— *26.*

[20] Одно из крупнейших военных сражений эпохи наполеоновских войн — победа союзных армий над Наполеоном 16—19 октября 1813 г. под Лейпцигом.— *26.*

[21] Имеется в виду господство Пруссии, основная территория которой расположена восточнее Эльбы, над Германией. Пруссия являлась средоточием самых реакционных и милитаристских сил в стране (Боруссия — новолатинское название Пруссии). Контрольный совет в Германии 25.II.1947 г. принял закон о ликвидации Прусского государства.— *26.*

[22] *Бернштейн, Эдуард* (1850—1932) — родоначальник ревизионизма, лидер оппортунистического крыла германской социал-демократической партии. Саботировал борьбу против милитаризма постоянной защитой тезиса о принципиальной нецелесообразности специальной антимилитаристской пропаганды.— *28.*

[23] Имеется в виду министерство Жоржа Клемансо (X. 1906—VII. 1909 г.), в котором Пишон был министром иностранных дел,

а генерал Пикар — военным министром. Все трое — шовинисты, жаждавшие реванша.— *29*.

[24] Карл Либкнехт перечисляет целый ряд войн на рубеже XIX и XX вв., завершивших раздел мира и начавших его передел.— *30*.

[25] На книге К. Либкнехта не могла не сказаться идеологическая слабость всех германских левых социал-демократов, и его книга не лишена отдельных недостатков.

Прежде всего следует отметить, что понимание Карлом Либкнехтом современной ему эпохи носило на себе следы влияния оппортунистической теории ультраимпериализма К. Каутского, официального теоретика и лидера II Интернационала. Автор данной книги, хотя и с большими сомнениями, считает логически допустимым возможность устранения конфликтов еще при капитализме при создании «всемирного союзного государства». В картелях и трестах он видит прекращение конкуренции. Как известно, В. И. Ленин подверг всесторонней критике оппортунистическую теорию ультраимпериализма К. Каутского (см. В. И. Ленин. Соч., т. 22, изд. 4, стр. 240—241, 258—262 и др.).— *30*.

[26] В настоящее время силы мира настолько выросли, что планы разоружения — это уже «не мыльные пузыри», как говорит Либкнехт, а вполне реальная возможность. Дело мира отстаивают могучие силы современности: несокрушимый лагерь социалистических государств, возглавляемый Советским Союзом; миролюбивые государства Азии и Африки, занимающие антиимпериалистическую позицию и образующие вместе с социалистическими странами обширную зону мира; международный рабочий класс и в первую очередь его авангард — коммунистические партии; освободительное движение народов колоний и полуколоний; массовое движение народов за мир; решительное противодействие планам организации новой войны оказывают и народы объявивших о своем нейтралитете стран Европы, народные массы самих империалистических стран.

Предложения о всеобщем и полном разоружении, внесенные от имени Советского правительства Н. С. Хрущевым 18 сентября 1959 г. на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН во время его визита в США, открывают новые, еще более широкие возможности для уничтожения всех видов вооружений и вооруженных сил, что позволит навсегда исключить войны из жизни общества.— *30*.

[27] Имеется в виду Гаагская мирная конференция 1899 г., созванная по предложению России. Далее говорится о подготовке второй Гаагской мирной конференции, открывшейся 15. VI. 1907 г.— *31*.

[28] Имеется в виду англо-французское соглашение 1904 г. (так называемое «Сердечное согласие»), оформившее союз Англии и Франции против Германии и явившееся одной из важнейших вех на пути к первой мировой войне.— *31*.

[29] Здесь перечислены имена богатейших и аристократических фамилий Германии, энергично участвовавших в колониальных авантюрах германского империализма.— *32.*

[30] Карл Либкнехт хочет подчеркнуть, что современная грабительская колониальная политика затмила по своей жестокости и масштабам грабительские походы конквистадоров эпохи первоначального накопления капитала.— *32.*

[31] Карл Либкнехт приводит свидетельства твердой антимилитаристской позиции рабочего класса в целом ряде военных конфликтов, спровоцированных буржуазией. Далее имеется в виду борьба рабочего класса Германии против вмешательства кайзеровского правительства в «русские дела» с целью подавления революции 1905 г.— *35.*

[32] См. стр. 73 настоящего издания.— *37.*

[33] *«Бириби»* — собирательное название для всех мер жестокого дисциплинарного воздействия на солдат колониальных войск, действовавших в Северной Африке.— *42.*

[34] *Бильзе* — псевдоним 25-летнего лейтенанта Ф. фон Кирбурга, написавшего роман о жизни маленького гарнизона в пограничном с Францией городке Форбахе. Офицеры этого гарнизона, находя, что Кирбург исказил их жизнь, утрировал ее отрицательные стороны, подали на него в суд. Однако суд вскрыл целый ряд новых фактов жестокости, пьянства, разврата, сплетен и подхалимства офицеров Форбаха и вынужден был оправдать автора. Сам военный министр вынужден был в рейхстаге признать правдивость романа Кирбурга.— *42.*

[35] *Сцилла* и *Харибда* — в древнегреческой мифологии два чудовища по обеим сторонам узкого пролива. Выражение «пройти между Сциллой и Харибдой» означает находиться между двумя страшными опасностями одновременно.— *46.*

[36] Это критическое замечание направлено в адрес руководства германской социал-демократической партии и относится непосредственно и к Августу Бебелю (1840—1913), одному из основателей и руководителей социал-демократической партии Германии, допускавшему, однако, в последние годы своей жизни центристские ошибки. В книге «Не постоянная армия, а милиция» А. Бебель обосновывает деление войн на «оборонительные и наступательные» и несколько идеализирует требование милиции. На упоминаемой К. Либкнехтом странице Бебель пространно рассуждает о том, какую бы экономию принесло «упрощение обмундирования и устранение кричащих цветов», называя это «одним из главнейших требований» социал-демократии (см. также прим. 57).— *52.*

[37] *Гесслер, Герман* — грубый и жестокий наместник Габсбургского императора в швейцарских кантонах Швице и Ури, боровшихся за независимость и освобождение Швейцарии от австрий-

ского гнета. Чтобы унизить население кантонов, Гесслер отдал приказ воздавать его шляпе, навешенной на шест, те же почести, что и ему самому; ослушавшихся ждало лишение имущества и свободы.— *58.*

[38] *Рейнеке-Лис* — герой сатирического средневекового эпоса о проделках хитрого и жестокого Лиса.— *65.*

[39] *Кадм* — в греческой мифологии основатель и царь Фив, убивший дракона и посеявший его зубы, из которых затем выросли родоначальники фиванской знати.— *66.*

[40] Это целиком относится и к современной экономике империалистических государств.

Экономические эксперты НАТО подсчитали, что военные расходы этой организации за 10 лет ее существования уже составили значительно больше 500 млрд. долларов и продолжают расти с каждым годом.— *67.*

[41] Насколько увеличились военные расходы всех капиталистических государств, в том числе и Франции, видно из того, что в 1959 г. Франция тратит на войну в Алжире более 3 млрд. франков в день.— *67.*

[42] Например, в США в 1957/58 финансовом году около $^2/_3$ сумм, полученных от сбора налогов, т. е. более 40 млрд. долларов, было направлено на военные нужды.— *67.*

[43] Эта оценка в еще большей степени относится к современному положению в ФРГ. В манифесте Коммунистической партии Германии говорится: «Огромное бремя расходов на вооружение — 2,3 млрд. марок в одном лишь марте 1959 г.— взваливается на плечи трудящихся. Усиление эксплуатации, рост цен на продовольствие и увеличение квартплаты, повышение налогов — вот чем они должны оплачивать оружие, которое, в случае войны, отнимает у них жизнь».— *69.*

[44] В июне 1905 г. автономный сейм Норвегии провозгласил разрыв шведско-норвежской унии, существовавшей с 1814 г. Попытка шведских реакционных кругов воспрепятствовать отделению Норвегии не удалась. Важнейшей причиной, сделавшей невозможной норвежско-шведскую войну, было сопротивление шведских рабочих.— *86.*

[45] Это восклицание вырвалось у римского диктатора Гая Юлия Цезаря, когда он увидел среди своих убийц Брута, фанатика-республиканца, своего любимца и воспитанника.— *92.*

[46] См. прим. 4.— *93.*

[47] Имеется в виду исключительный закон против социалистов, принятый по инициативе Бисмарка и действовавший в Германии

с 1878 по 1890 г. Закон запрещал массовые рабочие организации социал-демократической партии и рабочую печать, подвергая социалистов жестоким репрессиям.— *93.*

[48] Речь идет о системе выборов в ландтаг, существовавшей в Пруссии с 1849 г. до революции 1918 г. Согласно этой системе, все избиратели делились на три класса, в зависимости от уплачиваемых налогов, причем в первый класс включались наиболее состоятельные, уплачивавшие одну треть общей суммы налогов, во второй класс — менее состоятельные, уплачивавшие вторую треть, и в третий — остальные. Каждый из этих классов избирал одинаковое число выборщиков, которые в свою очередь выбирали депутатов. Таким образом, судьба выборов решалась голосами почти исключительно представителей имущих классов.— *93.*

[49] *Ньювенгейс, Фердинанд Домела* (1846—1919) — один из основателей голландской социал-демократии и активный участник ряда конгрессов II Интернационала; в 90-х годах стал скатываться к анархизму и с анархистских позиций критиковал ревизионизм в германской социал-демократии.— *102.*

[50] *Либкнехт, Вильгельм* (1826—1900) — один из основателей и вождей германской социал-демократической партии, отец Карла Либкнехта.— *102.*

[51] *Международное социалистическое бюро (МСБ)* — постоянный исполнительно-информационный орган II Интернационала. Создан в 1900 г. С 1905 г. представителем от РСДРП в МСБ входил В. И. Ленин, который боролся против правоцентристского большинства бюро. Бюро прекратило свою деятельность в 1914 г. в связи с крахом II Интернационала.— *104.*

[52] *Эрве, Гюстав* (1871—1944) — французский политический деятель, перед первой мировой войной — лидер «ультралевой» группировки во Французской социалистической партии; журналист, широко известный своей антимилитаристской деятельностью. Система взглядов Эрве (эрвеизм) представляла собой полуанархическую программу антимилитаристской борьбы. В годы первой мировой войны стал социал-шовинистом. Позднее занимал антисоветские, профашистские позиции.— *111.*

[53] На Бременском партейтаге германской социал-демократии в 1904 г. К. Либкнехт внес предложение о развертывании партией широкой антимилитаристской пропаганды среди рабочей молодежи во исполнение соответствующих решений Парижского конгресса II Интернационала 1900 г. Однако предложение К. Либкнехта было отклонено по настоянию ревизионистов Фольмара, Зюдекума и других. Их аргументация сводилась либо к тому, что специальная антимилитаристическая пропаганда принципиально нецелесообразна и является лишь «забавой», ибо партия и без того ведет борьбу против капитализма, а милитаризм лишь его порождение; либо к тому, что такая пропаганда опасна, так как в любой момент правительство может обрушить на партию новый закон против социалистов.— *122.*

[54] *Грютлийский союз* — мелкобуржуазная реформистская организация в Швейцарии, выступавшая против классовой борьбы и бывшая рассадником оппортунизма.— *126.*

[55] В № 7 «Дневника социал-демократа», издаваемого Г. В. Плехановым, было опубликовано письмо офицера царской армии, сетовавшего на то, что антиправительственная агитация в войсках среди солдат ведется помимо офицеров, что все офицерство рассматривается как опричнина. Плеханов, отвечая автору письма, призывает офицеров-граждан принять участие в обсуждении всех вопросов, касающихся пропаганды в армии, и считает возможным участие лучшей части офицерства в общей революционной борьбе. Однако у Плеханова не было сказано ни слова о классовом составе офицерства, за что В. И. Ленин подверг его резкой критике (см. В. И. Ленин. Соч., т. 12, изд. 4, стр. 372—373).— *138.*

[56] См. прим. 25.— *148.*

[57] Это замечание Либкнехта направлено против подразделения войн на «оборонительные и наступательные» (см. прим. 36). В вышедшей в 1905 г. брошюре К. Каутского (1854—1938), теоретика германской социал-демократической партии и лидера II Интернационала, отмечалась ошибочность такого деления войн, что было положительно отмечено и В. И. Лениным (см. Соч., т. 15, изд. 4, стр. 176). Однако в этой же брошюре Каутский не нашел ни слова для осуждения германского милитаризма и по существу признал пролетариат совершенно бессильным перед растущей военной опасностью.— *149.*

[58] Штутгартский конгресс II Интернационала состоялся в августе 1907 г. Одним из важнейших вопросов, рассматриваемых на нем, был вопрос о борьбе с милитаризмом. По всем главным вопросам, обсуждавшимся на контрессе, германская делегация в своем большинстве «оказалась неустойчивой или занимающей оппортунистическую позицию». Предложенная на конгрессе резолюция А. Бебеля страдала тем существенным недостатком, что не ставила перед рабочим классом конкретных задач в борьбе против милитаризма и тем самым обрекала его на пассивное выжидание империалистической бойни.

Против подобного решения вопроса на конгрессе выступили В. И. Ленин и Роза Люксембург. Они добились принятия поправок к резолюции Бебеля. Среди этих дополнений особенно важно отметить тот пункт, в котором конгресс рекомендует всем партиям «содействовать тому, чтобы рабочая молодежь воспитывалась в духе братства народов и социализма и пропиталась классовым сознанием».

Возникшая новая резолюция соединяла строгость научно-марксистского анализа «с рекомендацией рабочим партиям самых решительных и революционных мер борьбы» (см. В. И. Ленин. Соч., т. 13, изд. 4, стр. 65).

В конце августа 1907 г. в Штутгарте же была созвана первая международная конференция социалистической молодежи. Конференция рассмотрела важнейшие вопросы юношеского движения:

о социалистическом воспитании, об экономической борьбе и др. Докладчиком по третьему вопросу, о борьбе против милитаризма, выступил Карл Либкнехт. В небольшом своем реферате Карл Либкнехт повторил основные положения известной нам книги.

Штутгартский конгресс II Интернационала и совместная с В. И. Лениным работа обогатили представления Либкнехта. С еще большей решимостью он призывал молодежь организовываться для борьбы с германским милитаризмом, убеждая учесть и перенять опыт рабочего класса России, ответившего революцией на развязанную царизмом войну 1904—1905 гг., и не страшиться репрессий со стороны правящих кругов.— *154*.

[59] *Кассандра* — пророчица в греческом эпосе, дочь царя Приама, предсказавшая гибель Трои.— *155*.

[60] Имеется в виду политический сатирический еженедельник, основанный в 1896 г. и разоблачавший германский милитаризм. Само название журнала связано с известным романом Гриммельсгаузена «Похождения Симплиция Симплициссимуса», в котором изображаются бедствия Германии после опустошительной Тридцатилетней войны 1618—1648 гг.— *164*.

[61] 114-е предложение было внесено К. Либкнехтом на Мангейском партейтаге германской социал-демократии, состоявшемся в 1906 г. В нем говорилось, что «должна систематически развертываться антимилитаристическая пропаганда» и что «для этой цели необходимо создать постоянную комиссию».— *165*.

[62] Здесь К. Либкнехт делает уступку руководству германской социал-демократической партии, постоянно выступавшему против проведения какой-либо антимилитаристической пропаганды в армии под предлогом того, что она опасна для солдат, которым военные суды за антимилитаристическую пропаганду выносили очень суровые приговоры.— *175*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Предисловие автора 13

I часть. **МИЛИТАРИЗМ**

I глава. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ 18

О сущности и значении милитаризма. Возникновение отношений общественного господства и их основа. Несколько замечаний по истории милитаризма.

II глава. КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ МИЛИТАРИЗМ 28

Предварительные замечания. «Милитаризм вовне», маринизм и колониальный милитаризм. Возможности войны и разоружение. Пролетариат и война. Основные черты «милитаризма внутри» и его задачи. Структура армии в некоторых иностранных государствах. Выводы. Россия.

III глава. СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ МИЛИТАРИЗМА 44

Непосредственная цель. Милитаристическая педагогика. Воспитание солдат. Официозно-военная и полувоенная организация гражданского населения. Прочие средства милитаристического влияния на гражданское население. Милитаризм как макиавеллизм и как политический регулятор.

IV глава. НЕКОТОРЫЕ ГЛАВНЫЕ ГРЕХИ МИЛИТАРИЗМА . . . 60

Грубое обращение с солдатами, или милитаризм как кающийся, но неисправимый грешник. Между двух огней. Стоимость милитаризма, или la douloureuse (скорбь). Опять между двух огней. Армия как орудие против пролетариата в экономической борьбе. Предварительные замечания. Солдаты как конкуренты свободных рабочих. Армия и штрейкбрехерство. Право сабли и винтовки против стачек. Предварительные замечания. Италия. Австро-Венгрия. Бельгия. Франция. Соединенные Штаты Аме-

рики. Канада. Швейцария. Норвегия. Германия. Военные союзы и стачки. Армия как орудие против пролетариата в политической борьбе, или право пушек. Союзы бывших военнослужащих в политической борьбе. Милитаризм как угроза для мира. Трудности пролетарской революции.

II часть. АНТИМИЛИТАРИЗМ

I глава. АНТИМИЛИТАРИЗМ СТАРОГО И НОВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА 100

II глава. АНТИМИЛИТАРИЗМ ЗА ГРАНИЦЕЙ, С УЧЕТОМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ . . . 106

Бельгия. Франция. Италия. Швейцария. Австрия. Венгрия. Голландия. Швеция. Норвегия. Дания. Америка. Испания. Финляндия. Россия. Международная антимилитаристическая организация.

III глава. ОПАСНОСТИ АНТИМИЛИТАРИЗМА 143

IV глава. АНТИМИЛИТАРИСТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА 147

1. Тактика против внешнего милитаризма.
2. Тактика против внутреннего милитаризма.
3. Анархический и социал-демократический антимилитаризм.

V глава. НЕОБХОДИМОСТЬ ОСОБОЙ АНТИМИЛИТАРИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ 164

VI глава. АНТИМИЛИТАРИЗМ В ГЕРМАНИИ И ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ 167

VII глава. АНТИМИЛИТАРИСТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ 175

Примечания 180

КАРЛ ЛИБКНЕХТ
МИЛИТАРИЗМ И АНТИМИЛИТАРИЗМ
ВЫПУСК 35

Редактор *А. П. Поляков*
Оформление художника *И. К. Байтодорова*
Технический редактор *Е. М. Сербин*
Ответственные корректоры
В. Л. Фокина и *Г. П. Шалина*

Сдано в набор 20 июля 1959 г.
Подписано к печати 30 января 1960 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 6.
Условн. печ. л. 9,84. Уч.-изд. л 9,7.
Тираж 60 тыс. экз. Заказ № 660.
Цена 2 р. 25 к.

*

Государственное издательство
политической литературы.
Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

*

Типография «Красный пролетарий»
Госполитиздата Министерства
культуры СССР. Москва,
Краснопролетарская, 16.